

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

МОСКВА

Изд-во "Русскія Записки"

1939 г.

// обл.

Москва представлена въ этой книгѣ не во всей ея полнотѣ, она взята лишь въ связи съ жизнью пишущаго. Соответственно съ этимъ сдѣланъ и выборъ зарисовокъ, и характеръ ихъ: люди, дѣла, пейзажъ Москвы.

Если слова автора дадутъ Москву почувствовать (а можетъ быть, и полюбить), то и хорошо, цѣль достигнута.

Парижъ, Ноябрь 1938.

// л. 7

Памяти Чехова

Человѣку семнадцать лѣтъ. Онъ кончаетъ гимназію. Отецъ только что назначенъ въ Москву управлять огромнымъ заводомъ. И вотъ первыя рождественскія каникулы... Человѣкъ дикъ, застѣнчивъ, самолюбивъ. Онъ провинціалъ, но куда ѣдетъ, гдѣ будетъ жить двѣ блаженныхъ, свободныхъ недѣли? Въ самой Москвѣ!

И Москва не обманула. Сколько новаго, необыкновеннаго! Изъ уютнаго дома на заводѣ Гужона каждый день возитъ извозчикъ Сергѣй, въ санкахъ, по декабрьскому снѣгу, мимо Андроніева монастыря, Николо-Ямскую – на Кузнецкій, Петровку, Театральную площадь. Старый портной Канъ, на Рождественкѣ, примѣряетъ первый «штатскій» костюмъ, ползаетъ на колѣняхъ, черкаетъ мѣломъ брюки, пытитъ, косымъ, солиднымъ взглядомъ осматриваетъ художество свое. На Кузнецкомъ стрижетъ парикмахеръ Теодоръ. У Зимина въ кассѣ можно купить билетъ на начинающаго Шаляпина, у Трамблэ състь

// л. 9

за столикъ и выпить чашку шоколада въ накуреной, небольшой комнатѣ. По зимнимъ тротуарамъ на Петровкѣ идутъ дамы – съ картонками, покупками. Зажигаются фонари, летятъ снѣжинки. Елки у Большого театра, толпа – все кажется наряднымъ и волшебнымъ: это не что нибудь, это столица. Необычные люди, неизвѣстныя красавицы, сіяющіе театры, балетъ, Дворянское собраніе, рестораны, куда можно будетъ заглянуть лишь когда старый Канъ пришьетъ

последнюю пуговицу. Но какое счастье – на том же сергѣ катить через два дня Солянкою домой – уже в мерлушковой шапкѣ, пальто, в черном костюмѣ – взрослымъ, свободнымъ!

Дома – особнякъ на заводѣ. Каминъ потрескиваетъ и пылаетъ у отца в кабинетѣ, в столовой матовая люстра – электрическая. Сквозь зеркальныя стекла видны освѣженные деревья сада. За заборомъ паровозикъ-кукушка тащитъ три вагона съ болванкой: домъ вздрагиваетъ, когда онъ проходитъ у самой стѣны.

Новый мѣръ продолжается. У того же камина, впервые в рукахъ новая книжка: Антонъ Чеховъ, «Хмурые люди». Оторваться нельзя. Все особенное. Люди, манера, язык. И самъ авторъ особенный, ни на кого непохожий. Тургеневъ, Толстой – уже извѣстны. И хотя Толстой живъ, но онъ и легенда: «классикъ», Синай, облака надъ горой. Чеховъ же «молодой» авторъ, вотъ тутъ, чуть не рядомъ, в этой са-

// л. 10

мой волшебной Москвѣ живущій. Первая встрѣча съ нимъ: юность и жажда, счастье и неутолимое стремленіе.

Собиновъ распѣваетъ на утренникахъ Большого театра (ложка бель-этажа, позолота, тяжеловѣсный красный бархатъ, вѣковая пыль, капельдинеры похожіе на министровъ – величавое дыханіе Имперіи). У Зимина Шаляпинъ дьявольски хохочетъ в красномъ Мефистофелѣ, или лѣниво возлегаетъ, какъ огромный тигръ, в шатрѣ Олоферна. Но Антонъ Чеховъ за этимъ, *подъ* этимъ, уже гдѣ то в сердцѣ – скромный и как будто незамѣтный: но вошелъ, покоришь и отравилъ.

* *
*

Слава его развилась быстро, в сравнительно ранніе годы, – ему не было и сорока (да и краткой жизнь оказалась!) – славу эту дала и питала Москва, наиболѣе – Художественный театр. Много тогда шумѣлъ Горькій, но по другому, шумомъ мутнымъ и безвкуснымъ, какъ безвкусенъ, грубъ, плебейски-плосокъ былъ всегда. Чехова Москва полюбила чистою, застѣнчивою любовію. Лавры ему несла незапятнанные – да и онъ никогда позъ не принималъ. Покашливалъ, говорилъ баскомъ, пенснэ надѣвалъ-снималъ. Долгіе годы стоялъ у меня на столѣ портретъ его, тѣхъ временъ (в революцію погибъ): слегка растрепанные волосы, умные русскіе глаза, интеллигентское пенснэ, бо-

// л. 11

родка, прямой, стоячій воротничекъ... – крестьянской семьи человекъ, а безъ капли плебейства. То же народное в немъ, какъ и в Толстомъ – одинаково они «первоначальной» стихіи.

Чеховъ былъ из Таганрога, но Москвой крещень, кончилъ университетъ московскій, ладомъ своимъ, складомъ сдержанно-великорусскимъ очень къ Москвѣ подошелъ и не зря далъ сестрамъ въ пьесѣ знаменитый кличъ: «Въ Москву, въ Москву!» – для многихъ непонятный.

Въ эти годы, конца прошлаго, начала новаго столѣтія, было у него имѣннице подъ Москвой, близъ станціи Лопасня Курской дороги, Мелихово. Тамъ онъ и жилъ, врачевалъ, благотворилъ – какъ русскій писатель. Ему и подобало продолжать давній завѣтъ нашей литературы.

Мой отецъ вздумалъ тоже купить имѣніе. Чехова же въ это время врачи направили на югъ, въ Крымъ, такъ что Мелихово продавалось. Мы вычитали о продажѣ изъ газетъ, отецъ списался съ Чеховымъ, а я – тогда уже студентъ, тайно писавшій – вызвался Мелихово осмотрѣть.

Повидать Чехова. Съ Чеховымъ познакомиться! Я уже зналъ его теперь насквозь, видѣлъ и «Чайку», «Дядю Ваню», поклоненіе мое росло. Значитъ надо устроить паломничество.

Лопасня верастхъ въ семидесяти отъ Москвы. Березовые лѣса, поля, перелѣски – пейзажъ средней Россіи, мягкій, и привѣтливый, и «ни-

// л. 12

чего особеннаго». На станціи пара лошадей въ телѣжкѣ, выбитыя колеи, ѣзда трусцой, въ пыли, съ кнутикомъ, поля, деревни и наконецъ, это самое Мелихово. Вотъ ужъ то же «ничего особеннаго». Толстому и Тургеневу – барскіе дома съ колоннами, парки, пруды, александровскихъ временъ церкви. Чеховъ устроился въ тѣсноватой усадебкѣ съ небольшимъ садомъ вокругъ дома, да флигелькомъ въ сторонѣ. Въ саду заборъ, подъ густыми елями, а рядомъ еще чье-то имѣннице, съ темной аллеей. Прудъ свѣже-выкопанный. Мутная вода въ немъ. Но самое оказалось смѣшное, когда бричка моя подкатила къ крыльцу: хозяина дома нѣтъ. Вотъ такъ Чеховъ! Я его не предупредилъ, онъ и уѣхалъ въ Москву.

Меня встрѣтила Марья Павловна, его сестра, будто давно знакомаго, оставила обѣдать. Мы обѣдали на стеклянной террасѣ дома опрятнаго и аккуратнаго – даже довольно весело. Была молодая художница Хотяинцева, смѣшная и привѣтливая, съ высокимъ узломъ волосъ на головѣ, еще кто-то, старушка матушка Антона Павловича. Думаю, во мнѣ быстро разглядѣли не столь «покупателя», какъ поклонника. Разговоръ вертѣлся вокругъ Чехова. Послѣ обѣда показывали его флигель, гдѣ въ одиночествѣ работалъ онъ. Кажется, тамъ была маленькая вышка-балкончикъ, куда онъ подымался и любилъ сидѣть по вечерамъ, разсматривая ночное небо, звѣзды.

// л. 13

– Здѣсь у насъ былъ Станиславскій, говорила Марья Павловна: особенно передъ постановкой «Чайки». (Какая то ель въ саду, скамеечка, лужайка очень напоминали первый актъ «Чайки» – улыбка Маріи Павловны дала понять, что

корни этихъ декорацій тутъ). Даже въ заборѣ и въ усадьбѣ рядомъ что то «треплевское» показалось. Вообще, хоть и не увидалъ хозяина, все же его обликъ въ незатѣйливомъ, но слаженномъ, обсиженномъ гнѣздѣ сильно почувствовалъ.

Было ясно, Мелихово намъ не подходитъ. Все-таки я ходилъ съ какимъ то старостой, глубокомысленно осматривалъ «Вишневый садъ», про себя-же рѣшилъ Чехова непременно повидать.

...Черезъ нѣсколько дней это произошло – уже въ Москвѣ, въ жаркій, пыльный лѣтній день. Человѣкъ со слегка растрепанными волосами, въ пенснэ, скромномъ пиджачкѣ, отворилъ мнѣ дверь квартиры въ Дмитровкѣ, закрывая поднятымъ воротникомъ костюма шею, и баскомъ, привѣтливо сказалъ:

– Пожалуйста, пожалуйста...

Это мой грѣхъ передъ нимъ. Я навѣрно ужъ зналъ, что Мелихова мы не купимъ, все же дѣлалъ видъ, что нужны справки. Обманулъ ли я его? Къ нему много ходило молодыхъ людей, и по тому, какъ упорно сводилъ я разговоръ на писательство, вѣроятно, быстро онъ разобралъ, что за гусь передъ нимъ. Все-таки, «секрета» своего я не выдалъ. И на этотъ разъ Богъ уберегъ его отъ моей рукописи.

// л. 14

* *
*

Курскій вокзалъ въ Москвѣ, вечеръ, ресторанъ, отецъ за кружкой пива. Сейчасъ подадутъ севастопольскій курьерскій поѣздъ. Новенькій китель, вензеля Горнаго института на плечахъ, фуражка съ бѣлымъ верхомъ – первый разъ одинъ, въ Ялту, на виноградный сезонъ. Артельщикъ, чемоданъ, веселое лицо отца на перронѣ, поцѣлуи, прощанье – и купэ перваго класса съ синей занавѣской фонаря. Поѣздъ трогается. Плавно идетъ, постукивая на стрѣлкахъ. Огни чертятъ въ окнѣ дуги. Сейчасъ слѣва запылаютъ сталелитейныя печи Гужона, бѣлые электрическіе фонари – и уже кончилась Москва. Впереди Лопасня, мимо нее пролетимъ съ грохотомъ, а тамъ невѣдомое: югъ, Севастополь, Ялта... Все опять подстроено чтобы повидать Чехова. Но теперь на днѣ чемодана рукопись, теперь ужъ ему не уйти.

Ночью не сразу заснешь – отъ сладкаго волненія – хоть и цѣлый мягкій диванъ для тебя. Но день межъ Орломъ и Лозовой, въ жаркихъ, дымныхъ степяхъ успокоить. И на утро солнце, другой воздухъ, тополя, кипарисы, полутатарскія деревушки, минареты Бахчисарая, долины, горы, бѣлыя скалы Инкермана и какъ дышащее темносинее небо – море... Отъ окна не оторвешься. Бѣлоснѣжный Севастополь съ бѣлоснѣжными моряками. Колыханіе синихъ безднъ моря, душаще-опьяняющій вѣтеръ – закричалъ бы отъ радости. Влага, ласка, непре-

// л. 15

дѣльная широта вѣтра, пронзеннаго солнечнымъ туманомъ, пахнущаго іодомъ, солью – надъ блестящими волнами вх бѣлой пѣнѣ проносящагося.

...«Пушкина» сильно качало. Дамы на палубѣ изнемогали. Чемоданъ мой подбрасывало, но рукопись отъ этого не стала ни лучше, ни хуже. Проходили слѣва красные глинистые берега. Георгіевскій монастырь бѣлѣлъ. Изъ всѣхъ пассажировъ нырявшаго парохода одинъ разбойникъ-гимназистъ, возвращавшійся въ Ялту, ѣлъ въ столовой за четверыхъ. Остальные въ лучшемъ случаѣ «удерживали позиціи». Шли долго. Но у мола Ялты, въ темнотѣ блестящей по горѣ огоньками, всѣ огорченія забылись.

И началась мирная южная жизнь.

Гостиница моя «Грандъ Отель» – не изъ первыхъ, но мнѣ все нравилось: и Ялта, и гостиница, и сплошной балконъ по фасаду на море, и само море, и паруса на нем. Я объѣдался сладкою шашлой, кофе пилъ на набережной, вечеромъ сидѣлъ въ городскомъ саду на музыкѣ, но думалъ все объ одномъ: о чеховской дачѣ въ Ауткѣ (надъ Ялтой).

...И вотъ вызвали меня однажды, къ телефону, низкій глуховатый голосъ сказалъ:

– Да, да, получилъ рукопись... Приѣзжайте, потолкуемъ.

Онъ назвалъ меня по имени и отчеству. Я былъ въ восторгѣ – «помнить не забыть!».

// л. 16

Часовъ въ пять подвозилъ меня ялтинскій парный извозчикъ къ дачѣ Чехова. Я позвонилъ. Дверь отворилась, такой же юноша какъ и я, но съ трубкой рукописи подъ мышкой, вышелъ на крыльцо, за нимъ слегка сторбленная, знакомая фигура. Мы прошли въ кабинетъ.

Изъ большого окна видны горы. На стѣнахъ фотографіи, Левитановскій пейзажъ. Въ нишѣ – мягкій турецкій диванъ – туда Чеховъ и забрался, а у меня плыло все въ глазахъ. На письменномъ столѣ лежала моя рукопись.

Чеховъ покашлялъ, помолчалъ.

– Это у васъ въ формѣ дневника... Вы туда можете что угодно садить. Вы вотъ мнѣ повѣсть напишите...

Для него я готовъ былъ написать и романъ, и стихи, что угодно.

– Очень ужъ мрачно. Это отъ молодости. А такъ... ничего. (Онъ прибавилъ нѣсколько «ободряющихъ» словъ). Я всплывалъ, начиналъ дышать.

Пенснэ онъ свое подергивалъ, продолжалъ сидѣть глубоко на диванѣ, замолчалъ. Стало опять жутко. Чтобы какъ нибудь сдвинуться, попробовалъ я спросить, какъ самъ онъ пишетъ: «съ природы, или воображеніемъ?».

Должно быть, о такихъ глупостяхъ спрашивали его не разъ. Онъ мрачно отвѣтилъ:

– Если у меня на рукѣ пять пальцевъ, не могу же я сказать, что шесть.

И замолчалъ совсѣмъ. Я не зналъ, какъ дальше поддержать разговоръ.

Но вдругъ самъ онъ заговорилъ – привѣтливѣе, мягче: сталъ спрашивать, сколько мнѣ лѣтъ, гдѣ учусь, хочу ли и гдѣ напечатать свою вещь. И сразу простой естественный тонъ возникъ. Правда, я недолго его мучилъ. Минуть черезъ двадцать выходилъ, въ ту же дверь, окрыленный, сіяющій, навсегда окончательно уже Чеховымъ «взятый».

Я встрѣчалъ его еще нѣсколько разъ – въ городскомъ саду, въ ресторанѣ. Онъ нерѣдко сидѣлъ за столикомъ, пилъ красное вино, въ пальто съ поднятымъ воротникомъ (вечера бывали прохладны). Разъ, довольно поздно, натолкнулся я на него въ уединенномъ концѣ набережной, онъ сидѣлъ на скамейкѣ, тоже въ пальто, глубоко шляпу надвинувъ. Очень къ нему шло одиночество, пустынное море, шумѣвшее въ скалахъ, ночь, звѣзды... Такъ и остался въ памяти Чеховъ ялтиснкій: надломленнымъ и кашляющимъ, одинокимъ, прохладнымъ, со складкою задумчивости, грусти. Онъ уже сильно былъ боленъ. Временами шла горломъ кровь. Дамы, поклонницы, поклонники, общее вниманіе на музыкѣ въ городскомъ саду врядъ ли особенно и развлекали. Любимый журавль, собачка на дачѣ, ночное море... Онъ писалъ въ это время «Трехъ сестеръ». Жить ему оставалось три года.

* *
*

Именно эти три года – наибольшая его слабость, проявленіе любви къ нему, даже обожаніе.

«Три сестры» и «Вишневый садъ», прелестныя вещи какъ «Архіерей»... – и болѣзнь, быстро сѣдавшая. Чеховъ жилъ въ Ауткѣ какъ въ санаторіи. Въ Москву всегда его тянуло, особенно зимой, когда театръ: тамъ и играла О. Л. Книпперъ, на которой только что онъ женился. Иногда онъ въ Москву «сбѣгалъ», всегда къ ущербу для здоровья. Въ Москвѣ любилъ то, чего теперъ какъ разъ нельзя было: морозы, ресторанъ «Эрмитажъ», красное вино.

И когда разъ зимой, кажется, въ 1903 г. встрѣтилъ я его на «Средѣ» у Телешова, Чеховъ былъ неузнаваемъ. Въ огромную столовую Николая Дмитриевича на Чистыхъ Прудахъ, ввела подъ руку къ ужину Ольга Леонардовна посѣдѣвшая, худого челоуѣка съ землистымъ лицомъ. Чеховъ былъ уже иконой. Вокругъ него создавалось нѣкое почтительное «мертвое пространство» – впрочемъ, ему трудно было бы и заполнить его, по слабости. Онъ сидѣлъ въ центрѣ стла. За веселымъ ужиномъ почти и не ѣлъ, и не пилъ. Только покашливалъ, да поправлялъ волосы на головѣ. Въ январѣ 1904 года, въ день его именинъ шелъ впервые съ триумфомъ «Вишневый садъ». Чеховъ кланялся со сцены, черезъ силу улыбался. А спустя полгода, въ Баденвейлерѣ сказалъ: «ich sterbe» – вздохнулъ и умеръ.

Мы хоронили его въ Москвѣ, въ свѣтлый день іюля. На рукахъ несли гробъ съ Николаевского вокзала и много плакали. Плакать было о комъ – не пожалѣешь тѣхъ слезъ. Долго шла

// л. 19

Процессія, черезъ всю Москву, которую такъ любилъ покойный. Служили литіи – одну у Художественнаго театра. И легъ прахъ его въ родную землю Новодѣвичьяго монастыря. Дождь прошумѣлъ на кладбищѣ, а потомъ свѣтлѣй закурились въ выглянувшемъ солнцѣ купола. И ласточки надъ крестами прорѣяли.

// л. 20

Начало Художественнаго Театра

Константинъ Васильевичъ Мошнинъ, веселый и красивый баринъ, слегка заикающійся, профессоръ механики въ Александровскомъ училищѣ и страстный охотникъ, былъ пріятелемъ моего отца. Отецъ управлялъ заводомъ Гужона. Мы жили въ директорскомъ особнякѣ при заводѣ. Константинъ Васильевичъ у насъ бывалъ, и мы у него. Однажды, въ свѣтлой нашей столовой съ окнами въ садъ, за завтракомъ, обратился онъ къ отцу.

– Ко-Константинъ Николаевичъ, а у меня но-вость. Я вѣдь те-атръ сдалъ... У меня новая т-труппа сняла.

Ему принадлежалъ домъ въ Каретномъ Ряду, и такой невредный, что помѣщался тамъ цѣлый театръ «Эрмитажъ». Лѣтомъ при немъ открывался и садъ со всякими увеселеніями. Зимой больше оперетка, легкая комедія. Но вотъ тутъ появилось что то другое...

// л. 21

– Неосновательный народъ актеры (отецъ изъ какой то причуды дѣлалъ удареніе на первомъ слогѣ). Что же они будутъ у васъ изображать, тезка?

– Что-то но-вое. Да вы пріѣзжайте поглядѣ-дѣть. У меня пообѣдаемъ, а потомъ, прямо въ ли-терную ложу, она за м-мною...

Отецъ налилъ ему рюмку водки.

– Пустое дѣло, тезка. Поѣдемъ лучше на волчью облаву. Чего тамъ съ актерами возиться. Ну-ка, чи-икъ!

Отецъ любилъ только деревню и охоту. И разговоръ тотчасъ перепрыгнулъ на то, какъ стрѣляетъ Алексѣй Николаичъ Милюковъ, на Катуара, на обѣдъ въ клубъ, и тому подобное.

Все-таки сообщеніемъ своимъ Константинъ Васильичъ заинтересовалъ – женскую половину и молодежь. Сестра моя усилилась у Игумнова въ Консерваторіи, у насъ всегда бывали ея пріятельницы, женихъ сестры и я – студенты, насъ больше

занималъ театрѣ, чѣмъ отцова охота. Мать поддержала насъ. И вышло такъ, что однажды, на трехъ извозчикахъ двинулись мы передъ вечеромъ въ Каретный рядъ.

Квартира у Мошнина была огромная, съ явно-охотничьимъ выраженіемъ лица: безконечныя чучела, шкуры, рога, ружья, патронташи... Произошло опять то же дѣленіе: на охотниковъ и «штиатскихъ». Обѣдъ для послѣднихъ не столь веселый, но около восьми Константинъ Васильичъ поднялся, не обманувъ надеждъ:

– Ну, а теперь по-осмотримъ...

// л. 22

Домъ былъ такъ устроенъ, что надо пройти коридорами, разными закоулками и переходами довольно далеко – потомъ вдругъ оказываешься у литерной ложи. Она совсѣмъ рядомъ со сценой. Занавѣсъ только что поднялся, рампа рѣзко дѣлитъ театрѣ на двѣ части: справа темная зала судей и зрителей, слѣва... – тамъ бояре, пирѣ, видѣ на Москву – «Царь Федоръ Іоановичъ». Константинъ Васильевичъ былъ правъ: театрѣ, конечно, оказался «новымъ», и по постановкѣ, и по игрѣ. Всю лѣвую часть сцены занимала крытая терраса «въ русскомъ духѣ», отъб зрителя ее отдѣляла балюстрада, срѣзавшая наполовину туловища артистовъ. Слуги подавали огромныя блюда, на которыхъ во весь ростъ – свиньи, гуси, куски быка; вкатывались бочки съ виномъ. Споры, балагурство боярѣ, подписавшихся подъ челобитной царю, красавица княжна Мстиславская, обходившая гостей съ кубкомъ – все это особенное, ни на что ранѣ виденное не похожее – живое, въ старую Москву переносящее. И, наконецъ, самъ герой дня, молодой, никому тогда еще неизвѣстный Москвинъ – царь Федоръ – «я царь, или не царь?» – первый неврастеникъ на русскомъ тронѣ, обаятельный и несчастный, родственникъ «идіота» Достоевскаго, дальній предшественникъ царя Николая. Неохотники такъ и впились въ спектакль. Охотники сидѣли въ глубинѣ, посмѣивались. Въ антрактѣ публика аплодировала, но выходить на вызовы въ этомъ театрѣ не полагалось.

// л. 23

– Хо-хотять все по особен-ному, – говоиль Мошнинъ. – Стани-с-славскій – Алексѣевъ, онъ самъ съ Таганки, Хи-вы, купеческаго рода, но б-большой чудакъ.

– Пойдемте, тезка, лучше пиво допивать, говорилъ отецъ. – А актеры пусть доигрываютъ. Вы мнѣ ружья новаго еще не показали, гдѣ лѣвый стволъ чокъ-боръ.

И охотники ушли допивать пиво, а намъ, оставшимся, показывалъ «большой чудакъ» Яузскій мостъ съ нищими и слѣпымъ пѣвцомъ-гусляромъ. Толпился народъ, вели на казнъ Шуйскаго, окруженнаго стрѣльцами. Сторонники Шуйскаго пытались его отбить, стрѣльцы одолѣвали. Бабы цѣловали руки своему герою, прощались съ нимъ. Опять это было совсѣмъ не то, къ чему привыкли мы въ Маломъ театрѣ, или у Корша (не говоря уже объ оперѣ).

* *

*

Вот что рассказывает самъ Станиславскій о первомъ представленіи «Царя Федора»: «Стараясь подавить въ себѣ смертельный страхъ передъ грядущимъ, представляясь бодрымъ, веселымъ, спокойнымъ и увѣреннымъ, я передъ третьимъ звонкомъ обратился къ артистамъ съ ободряющими словами главнокомандующаго, отпускающаго армію въ рѣшительный бой. Нехорошо, что голосъ мнѣ то и дѣло измѣнялъ, прерываясь отъ неправильнаго дыханія... Вдругъ

// л. 24

Грянула увертюра и заглушила мои слова. Говорить стало невозможно, и ничего не оставалось сдѣлать, какъ пуститься въ плясъ, чтобы дать выходъ бурлившей во мнѣ энергіи, которую я хотѣлъ тогда передать моимъ соратникамъ и молодымъ бойцамъ. Я танцевалъ, подпѣвая, выкрикивая ободряющія фразы съ блѣднымъ, мертвеннымъ лицомъ, испуганными глазами»...

* *

*

Картина получилась, вѣроятно, «достойная кисти Айвазовскаго». Дѣйствительно чудакъ, – но чудакъ оказался особенный, перворазрядный, создатель лучшаго русскаго театра. А въ тотъ вечеръ, 14 октября 1998 года, режиссеръ Александровъ съ позоромъ изгналъ его со сцены.

«Константинъ Сергѣевичъ, уйдите! Сейчасъ же! И не волнуйте артистовъ»...

«Мой танецъ прервался въ полужестѣ, и я, изгнанный и оскорбленный въ своихъ режиссерскихъ чувствахъ, заперся у себя въ уборной». Горько ему было, что вотъ онъ столько силъ отдалъ этому спектаклю, а его гонять, точно посторонняго!

Но своимъ «Художественно-Общедоступнымъ» театромъ заварилъ Станиславскій кашу. Успѣхъ былъ большой, очень бурный. Отцы и дѣти раздѣлились. Отцы или оказались холодны (какъ мой, напр., любящій литературу, но театръ находившій вообще слишкомъ «преувеличеннымъ»

// л. 25

и «театральнымъ») – или прямо враждебны, особенно поклонники Маоаго театра. Мы – т. е. студенты, барышни, разныя молодья экзальтированныя дамы, затѣмъ всѣ интеллигенты-провинціалы (безъ «традицій» театральныхъ), сразу театромъ плѣнились. Вотъ именно его *полюбили*, какъ любили тогда Чехова, нѣкую особую линію въ московской – и общерусской – культурѣ.

* *

Въ томъ же сезонѣ шелъ «Потонувшій колоколъ» Гауптмана – мы смотрѣли его изъ той же литерной ложи. Бурджаловъ гоготалъ лѣшимъ, М. Ф. Андреева носилась по сценѣ феей Раутенделейнъ. Отецъ изъ ложи довольно громко и весело задавалъ ей разные вопросы – приходилось его унимать: и въ концѣ концовъ всетаки не досидѣлъ, ушелъ сговариваться о лосиной облавѣ съ Мошнинымъ и Милюковымъ. А колоколъ на сценѣ вызванивалъ что полагается.

Но «Потонувшій Колоколъ» не былъ боевымъ спектаклемъ. Боевою оказалась чеховкая «Чайка». Она дала лицо театру, окончательно завоевала Москву.

Исторія этой «Чайки» извѣстна: предварительный провалъ въ Александринскомъ театрѣ, колебанія Художественнаго – большое желаніе Немировича-Данченко поставить пьесу и нѣкое сопротивление (вначалѣ) Станиславскаго.

// л. 26

У самого Чехова, какъ разъ, обострился туберкулезъ, близкіе очень боялись, что неуспѣхъ пьесы можетъ совсѣмъ дурно на него повліять – пріѣзжала даже въ Москву Марія Павловна, настаивала на отмѣнѣ спектакля. Но спектакль былъ театру необходимъ – и рѣшили рискнуть...

Чуть не сорокъ лѣтъ тому назадъ мы съ сестрой, въ юной компаніи, безъ взрослыхъ, сидѣли въ ложѣ бенуара справа – въ обыкновенной ложѣ, сообща купленной. Ни о какихъ волненіяхъ автораи театра не знали. Даже не знали, что пьеса провалилась уже въ Петербургѣ (у насъ Москва, мы только своимъ интересуемся). Занавѣсъ поднялся – на сценѣ полутемно, какой то паркъ, прямо передъ зрителемъ скамейка. Говорятъ и ходятъ довольно странно какіе то люди. Наконецъ, выясняется, что молодой писатель, нервный и непризнанный, ставитъ тутъ же, въ саду, свою декадентскую пьесу. Молодая актриса, закутанная въ бѣлое, читаетъ нѣчто лирико-философическое о міровой душѣ... На скамьѣ сидятъ зрители – спиною къ публикѣ...

Все это по началу показалось очень уж причудливымъ. Публика молчала, въ недоумѣніи. Но чѣмъ дальше шелъ первый актъ, тѣмъ сильнѣе сочилось со сцены особенное что то, горестно-поэтическое, сжимающее сердце. Что? Не такъ легко и опредѣлить. Внѣсловесное, можетъ быть, музыкальное – но нѣкая *власть* шла оттуда – зрительный залъ подпадалъ сла-

// л. 27

достному наркозу искусства. Какъ удалось уловить «имъ» внутренній звукъ пьесы, ея стонъ, ритмъ? Это ужъ загадка художества, живого и органическаго, т. е. очень таинственнаго дѣла. Пьеса, какъ говорятъ, въ театрѣ «дошла». Занавѣсъ опустился. Зрительный залъ молчалъ. За сценой актеры умирали со страху. Одна изъ актрисъ упала въ обморокъ.

Молчаніе зрителей было плодоносное, самое дорогое для театра: настолько сильно впечатлѣніе и волненіе, что не сразу и вырывается въ аплодисментъ. Зато вырвавшись, долго не смолкаетъ.

...Нечего актрисѣ было падать въ обморокъ. Первый актъ имѣлъ огромный успѣхъ – онъ и нарасталъ до самаго конца.

* *

*

Въ «Чайкѣ» театръ показалъ основныя свои черты: единство спектакля, его музыкальную цѣльность, какъ бы оркестровый характеръ. Показалъ и основное ядро своихъ силъ.

Играли: самъ Станиславскій, Лужскій, Вишневскій, Артемъ, Книпперъ, Лилина. Все это – будущая слава театра, художники, которымъ предстоялъ живой, естественный ростъ. Чудеснаго Артема, къ сожалѣнію, нѣтъ уже въ живыхъ, нѣтъ и Лужскаго, остальные зрѣваютъ, напоминая собой о прекрасныхъ, героическихъ, временахъ московскаго театра.

// л. 28

Странна судьба двухъ участниковъ перваго представленія «Чайки» – Мейерхольда и Роксановой.

Мейерхольдъ игралъ отлично – неудачника. Треплевъ-Мейерхольдъ стрѣляется по пьесѣ. Нервное, и одаренное, и *недоодаренное* далъ Мейерхольдъ въ этой фигурѣ: сыгралъ какъ бы себя самого. Черты талантливости безъ нѣкоего «Божьяго благословенія», нервность безъ влаги, головная, сухая возбужденность и неспособность къ творчеству органическому, изъ почвы, подсознанія идущему – это, кажется, и есть Мейерхольдъ. Онъ ушелъ довольно скоро отъ Станиславскаго. Какъ актеръ, ничего не далъ. Какъ режиссеръ, обнаружилъ много и выдумки, и изящества – прямо даже дарованія («Балаганчикъ» Блока – замѣчательная постановка). Но, въ общемъ, неблагоприятность и бесплодіе опредѣлили путь этого незауряднаго человѣка. Онъ сталъ врагомъ Станиславскаго, врагомъ Москвы, корней, истинныхъ соковъ русской земли. Въ жилахъ его будто не кровь, а клюквенный сокъ блоковскаго «Балаганчика». Какъ многіе неудачники и полу-неудачники, примкнулъ сразу, съ бѣшенствомъ и яростью къ коммунизму. Сдѣлалъ одну-двѣ интересныя постановки и прославился «передѣлками» (искаженіями) классическихъ пьесъ. Сейчасъ, кажется, и у совѣтской власти не въ почетѣ... А во всякомъ случаѣ: какъ былъ, такъ и остался въ безвоздушномъ пространствѣ.

// л. 29

Роксанова... – Станиславскій, въ воспоминаніяхъ, перечисляетъ актрисъ, выдвинувшихся въ «Чайкѣ». (Книпперъ и Лилина). О Роксановой – самой Чайкѣ –

не сказано. И не могъ онъ сказать: она просто плохо играла. Единственный слабый пунктъ пьесы – сама Чайка! Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ говорится, что Чеховъ былъ въ отчаяніи отъ «одной актрисы»... Онъ даже требовалъ, чтобы у ней взяли роль. Она тоже не удержалась въ театрѣ, не прижилась въ немъ. Какова ея судьба дальнѣйшая, не знаю.

...Не она ли и упала въ обморокъ послѣ перваго акта? Если да, то о пьесѣ ошиблась, а о себѣ – нѣтъ.

// л. 30

Леонидъ Андреевъ

Кажется, въ жизни Андреева (писательской, а можетъ быть и личной) годы 1901 – 1906 были самыми полными, радостными, бодрыми. Все его существо летѣло тогда впередъ; онъ полонъ былъ силъ, писалъ рьяно; несмотря на самыя мрачныя «Бездны», на «Василія Өивейскаго» – полонъ былъ надеждъ, успѣховъ, и безжалостная жизнь не надломила еще его. Онъ только что женился на А. М. Вѣльгорской, нѣжной и тихой дѣвушкѣ. Свѣтлая рука чувствовалась надъ нимъ. На его бурную, страстную натуру, очень некрѣпкую, это вліяніе ложилось умѣряюще. Слава же росла, шли деньги; Андреевы жили шире; давно была оставлена квартирка на Владимиро-Долгоруковской, гдѣ мы познакомились. Квартиры становились лучше; появлялся достатокъ. Часто люди бывали, чтенія. Въ тѣ времена процвѣталъ въ Москвѣ литературный кружокъ «Среда». По средамъ собирались у Н. Д. Телешова, у С. С. Голоушева и у Андреева. Быва-

// л. 31

ли: Бунинъ Иванъ, Бунинъ Юлій, Вересаевъ, Бѣлоусовъ, Тимковскій, Разумовскій и др. Изъ заѣзжихъ: Чеховъ, Горькій, Короленко. Бывали и Бальмонтъ и Брюсовъ. Каждый разъ что-нибудь читали. Много прочиталъ Андреевъ – думаю, всѣхъ больше. Онъ читалъ сдержанно, нѣсколько однообразно, иногда поправляя густые волосы, свѣшивавшіеся на лобъ; въ лѣвой рукѣ папироса; иногда помахивалъ ею въ тактъ, и изъ-подъ опущеннаго лба вдругъ быстро взглядывалъ горячими своими глазами.

Меня навѣрно онъ гипнотизировалъ. Мнѣ все нравилось, и безраздѣльно, въ немъ и его писаніи. Въ спорахъ о прочитанномъ я всегда былъ на его сторонѣ. Впрочемъ, и вообще онъ имѣлъ тогда большой успѣхъ, очень всѣхъ возбуждалъ, хотя образъ его писаній мало подходилъ къ складу слушателей. Но на «Средѣ» держались просто, дружественно; духътоварищеской благожелательности преобладалъ. И тогда даже, когда вещь корили, это дѣлалось необидно. Вообще же это были московскіе, привѣтливые и «добрые» вечера. Вечера не бурные по духовной напряженности, нѣсколько провинціальныя, но хорошіе своимъ гуманитарнымъ тономъ, воздухомъ яснымъ, дружелюбнымъ (иногда очень ужъ покойнымъ). Входя, многіе цѣловались; большинство было на ты (что особенно

любилъ Андреевъ); давали другъ другу прозвища, похлопывали по плечамъ, смѣялись, острили, и въ концѣ концовъ, по стародавнему обычаю Москвы, обильно ужинали.

// л. 32

Можно сказать: Москва старинная, хлѣбосольная и благодушная. Можно сказать и такъ, что писателю молодому хотѣлось больше молодости, возбужденія и новизны. Все же свой, великорусскій, мягкій и воспитывающій воздухъ «Среда» имѣла. Знаю, что и Андреевъ любилъ ее. А судьба рѣшила, чтобы изъ членовъ ея онъ ушелъ первый – одинъ изъ самыхъ младшихъ.

Иногда я ходилъ къ нему по утрамъ – это значить, о чемъ-нибудь хотѣлось говорить; какъ порядочный писатель русскій, онъ вставалъ поздно; какъ москвичъ – безконечно распивалъ чай, наливалъ на блюдечко, дулъ, пилъ со вкусомъ; къ приходившему относился съ великимъ дружелюбіемъ. Можетъ быть и нехорошо было идти къ человѣку утромъ; можетъ быть и необязательно разговаривать такъ много; все же воспоминаешь съ удовольствіемъ объ этихъ утреннихъ русскихъ разговорахъ гдѣ-нибудь на Прѣснѣ, при бѣломъ снѣгѣ съ улицы, деревцахъ вдоль тротуаровъ, низкомъ летѣ воронъ съ вѣтокъ на крышу дома. Говорили о Богѣ, смерти, о литературѣ, революціи, войнѣ, о чемъ угодно. Куря, шагая изъ угла въ уголь, туша и зажигая новыя папирсы, Андреевъ долго, съ жаромъ ораторствовалъ. Говорилъ онъ неплохо. Но имѣлъ привычку злоупотреблять сравненіями и любилъ острить. Юморъ его былъ какой-то странный: и была въ немъ эта жилка, и чего-то нехватало. И во всякомъ случаѣ, въ его *писаніи* юморъ несвободенъ. Онъ не радуется.

// л. 33

Въ три Андреевъ обѣдалъ, а потомъ ложился спать, черта не европейская, какъ и во всемъ былъ онъ весьма далекъ отъ европейца. (Носилъ поддевку, а позднѣе ходилъ въ бархатной курткѣ. Среди «передовыхъ» писателей была тогда унасъ мода одѣваться безобразно, дабы видомъ своимъ отрицать *буржуазность*). Проснувшись вечеромъ, часовъ въ восемь, опять пилъ крѣпкій чай, накуривался и садился на всю ночь писать. Тутъ онъ разогрѣвался; голова накалалась, и легко, непроизвольно, родила образы страшные, иногда чудовищные. Писаніе было для него опьянѣніемъ, очень сильнымъ; въ молодости, впрочемъ, онъ вообще пилъ; и, какъ рассказывалъ, наибольшая радость въ томъ заключалась, что уходилъ міръ обычный. Онъ погружался въ бредъ, въ мечты; и это лучше выходило, чѣмъ дѣйствительность. Студентомъ, послѣ попойки, въ цѣлой компаніи друзей, такихъ же фантасмогористовъ, онъ уѣхалъ разъ, безъ гроша денегъ, въ Петербургъ; тамъ прожили они, въ такомъ же трансѣ, цѣлую недѣлю; собирались даже чутъ не вокругъ свѣта.

Неудивительно, что писаніе утренняго, трезваго, какъ и вообще дисциплины, онъ не выносилъ. Ночь, чай, папирсы – это осталось у него, кажется, на всю жизнь. Иногда онъ дописывался до галлюцинацій. Помню его рассказъ, что когда

онъ писалъ «Красный смѣхъ» и поворачивалъ голову къ двери, тамъ мелькало нѣчто, какъ бы уносящійся шлейфъ женскаго платья. Бредовое писаніе не было для него вы-

// л. 34

думкою или модой: такова вся его натура. Его развязанное подсознаніе всегда стремилось въ ночь, таковъ его характеръ; но устремленіе это было подлинное, и его не безъоснованія ставили рядомъ съ Эдгаромъ По, котораго онъ зналъ, любилъ. Онъ нравился ему за то, что говорилъ о Ночи.

Андреевъ самъ чувствовалъ Міровую Ночь, и ее выразилъ – писаніемъ своимъ.

Но не надо думать, что эта Ночь имъ вполнѣ владѣла. Я уже говорилъ, что былъ въ Андреевъ мягкій орловецъ, онъ любилъ теплый домашній бытъ, никогда въ немъ не умирала жилка московскаго студента легендарныхъ временъ; онъ любилъ русское, нашу природу, пруды и влажные, благоуханные вечера послѣ дождя въ Царицынѣ (подъ Москвою, гдѣ онъ жилъ лѣтомъ), бѣлыя березы и поля Бутова; любилъ закаты съ розовыми облаками; да и въ писаніи его кое-гдѣ, напр. въ «Жили-были», есть и свѣтъ, и цвѣтуція яблони, и славный дьяконъ. Я вспоминаю о немъ часто и охотно такъ: мы идемъ гдѣ-нибудь въ бѣлѣющемъ березовомъ лѣсочкѣ въ Бутовѣ. Май. Зелень нѣжна, пахуча. Бродятъ дачницы. Привязанная корова пасется у забора; закатъ алѣетъ, и по желтой насыпи несется поѣздъ, въ бѣлыхъ или розовіющихъ клубахъ. Съ полей вѣетъ просторомъ и привѣтомъ родной Россіи. Мы же идемъ легко, быстро, и говоримъ взволнованно. Вотъ онъ меня провожаетъ на платформѣ – къ своей широкополой, артистической шляпѣ, въ какой-нибудь

// л. 35

синей рубашкѣ, съ летящимъ галстукомъ, съ возбужденными, черно-блестящими глазами. Это оживленіе и возбужденіе такъ молодитъ! И такъ хороша молодость пылкими разговорами, одушевленіемъ, легкой влюбленностью. Поѣздъ, зарей вечерней, летитъ въ Москву; смотришь въ око, вновь переживаешь пережитое, и дома, возвратясь, заснешь не сразу.

При мнѣ Ночь, которую такъ чувствовалъ Андреевъ (и оттого на Бога возставалъ, много шумѣлъ) – эта Ночь впервые на него дохнула. Въ 1906 г. умерла его жена, отъ родовъ, въ Берлинѣ. Мы хоронили ее въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ, при жестокой стужѣ. Андреевъ же остался за гарницей. Изъ Германіи попалъ на Капри. Жилъ тамъ тяжело, бурно. Вотъ отрывокъ изъ его письма, 9 января 1907 г. «Для меня жизнь такъ: нѣсколько людей, которыхъ я люблю, а за ними города, народы, поля, моря, наконецъ, звѣзды, и вес это чужое. И если бы всѣ люди, немногіе, кого я люблю, вдругъ умерли бы, или забыли меня – я оглянулся бы и завылъ бы отъ ужаса и одиночества». Далѣе говоритъ, что хорошо, если бы мы съ женой пріѣхали туда, и прибавляетъ вновь:

«Здорово я тутъ одинъ, несмотря на Горькаго. Съ вами бы я могъ говорить о смерти Шуры, постараемся понять ее».

Мнѣ и пришлось встрѣтиться съ нимъ въ Италиі, въ маѣ того же года; но говорить о томъ, о чемъ онъ писалъ, не случилось. Перебирая его письма, я наткнулся на открытку во Флорен-

// л. 36

цію: «Ѣду изъ Неаполя въ Берлинъ безостановочно, такъ что во Флоренціи можемъ увидаться только на минуту на вокзалѣ... Пожалуйста, приходи съ Вѣрой хоть на минутку!» Это «хоть на минутку!» и сейчасъ колетъ сердце: вотъ и не увидишь его больше, даже «на минутку!»

Мы съ женой въ свѣтлый, жаркій флорентійскій вечеръ вышли встрѣтить его, приенсли букетъ розъ красныхъ (ими полна благословенная Флоренція). Въ грохотъ, съ пылью, влетѣлъ на скромный вокзалъ международный экспрессъ, изъ перваго класса выскочилъ тотъ же Андреевъ, въ широкополой шляпѣ, съ летящимъ галстукомъ, въ артистической бархатной курткѣ, какъ знавалъ я его въ Бутовѣ, въ Москвѣ. Как и тогда, онъ ни слова не зналъ «по-заграничному»; въ купэ оказалась матушка его, – ни себѣ, ни ей за весь день онъ не могъ достать стакана чая. Матушка охала. Самъ онъ задыхался отъ жары въ бархатъ своемъ, но глаза его такъ же блестяли, какъ и въ былые годы. Онъ нюхалъ наши розы; говорили мы быстро, безтолково, ибо некогда было, и черезъ нѣсколько минутъ онъ махалъ намъ букетомъ изъ окна поѣзда уходящаго. На мгновение я его увидалъ, и снова забурлилъ и загромыхалъ европейскій экспрессъ, подымая за собою пыль, унося людей московско-орловскихъ. А сейчасъ, вспоминая тѣ семнадцать лѣтъ, что зналъ Андреева, я чувствую, что рядомъ съ безконечностью, насъ разлучившею, тѣ года, куда легла чуть ли не вся его художническая жизнь, – не длиннѣй краткой минутки

// л. 37

на вокзалѣ во Флоренціи, въ знойный, чудесный итальянскій вечеръ.

Съ этого года Андреевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Можетъ быть, тяжело ему было заводить въ Москвѣ прочную, осѣдлую жизнь. Его душевное настроеніе было бурно-мрачное, съ какими-то срывами. Перегорало горе, разъѣдало. Но натура живая, страстная гнала впередъ. Онъ никакъ еще не зналъ, что сдѣлать, какъ наладиться. «Опять съ нѣкотораго времени», пишетъ онъ отъ 17 августа 1907 г., «день мой, каждый мой день и каждая ночь – до краевъ налиты тоской. Что дѣлать, я не знаю, ибо убивать себя не хочу, въ сумасшедшій домъ тоже не хочу, а жизнь не выходитъ, а тоска, поистинѣ, невыносимая. И все о томъ же, о той же – Шурѣ, о ея смерти. Отпустила было не на долгое время, а теперь снова гвоздятъ одни и тѣ же мысли и сны. Сны! Ужасная, братъ, вещь эти сны, – въ которыхъ она воскресаетъ и всю ночь поить меня дикою радостью, а на утро уходитъ».

Въ Москву онъ наѣзжалъ довольно часто. Нерѣдко останавливался въ «Лоскутной», вблизи Иверской и Исторического музея. Жившій тамъ П. Д. Боборыкинъ не безъ ужаса рассказывалъ: «предствѣте, я встаю въ шесть утра, къ девяти поработалъ уже; а онъ въ девять только возвращается». Петръ Дмитричъ, никогда за полночь не ложившійся, пившій минеральныя воды, носившій ослѣпительныя воротнички, и нашъ Леонидъ Андреевъ... О, Русь!

// л. 38

Въ это время помню я Андреева всегда на людяхъ, въ сутолокѣ, съ интервьюерами, въ угарѣ. Это былъ годъ, когда впервые онъ вступилъ на путь театра, – путь, давшій ему славу еще шумнѣйшую, но и тернии очень острые. «Жизнь Человѣка» была первая его символическая трагедія, въ чертахъ схематически-условныхъ обнимавшая жизненный путь и судьбу «человѣка вообще». Это вещь роковая для него. Можно ее любить или не любить; но съ душевной, и писательской, и человѣческой судьбой Андреева связана она неразрывно. Въ ней кончился одинъ періодъ, начался другой. Кончилась молодость Андреева, возросла схема, патетизмъ, и яснѣе означился надломъ въ душѣ его. Въ ней есть и нѣчто пророческое о самой жизни автора – если пророчественность понимать широко. Умеръ Леонидъ Андреевъ не такъ, какъ погибаетъ Человѣкъ, и въ бѣдность не впалъ, но нѣкоторый *наклонъ* жизни своей почувствовалъ.

«Жизнь Человѣка» имѣла крупный успѣхъ – въ Москвѣ въ Художественномъ, въ Петербургѣ у Мейерхольда. Андреевъ болѣе и больше увлекался театромъ. И болѣе и больше укрѣплялся въ Петербургѣ. Сталъ очень близокъ сильно успѣвавшему издательству «Шиповникъ», въ альманахахъ издательства слылъ гвоздемъ. «Шиповникъ» не издавалъ его книги. Къ намъ, къ «Москвѣ», онъ питалъ чувства дружественныя по-прежнему; когда бывалъ, самъ читалъ свои пьесы, или присылалъ читать рукописи на «Средахъ». Но находилъ, что Москва

// л. 39

это «милая провинція», благодушная и теплая. Ем указалось въ Петербургѣ попрохладнѣй и построже. Ему *казалось*, что воздухъ сѣвера, воды Финляндіи, ея лѣса и сумракъ ему ближе, чѣмъ березки Бутова. Вѣрно, что въ «Жизни Человѣка» не было ужъ мѣста для березокъ. Все-таки обращать Андреева, русака, бывшего московскаго студента въ мрачнаго отвлеченнаго философа, рѣшающаго судьбы міра въ шхерахъ Финляндіи съ помощью Мейерхольда, было жаль. Никто не вправѣ сказать, какимъ долженъ былъ быть путь его. Ему виднѣе было самому. Но можно, кажется, замѣтить, что его натура не укладывалась вся въ Финляндію и Мейерхольда.

Съ весны 1908 г. онъ поселился на своей дачѣ у Райволы, на Черной Рѣчкѣ. Эта дача очень выражала новый его курсъ; и шла, и не шла къ нему. Когда впервые подѣзжалъ я къ ней лѣтомъ, вечеромъ, она напоминала мнѣ фабрику: трубы,

крыши огромныя, несуразная громоздкость. Въ ней жилъ все тотъ же черноволосый, съ блестящими глазами, въ бархатной курткѣ, Леонидъ Андреевъ, но уже начавшій жизнь иную: онъ женился на А. И. Денисевичъ, заводился новымъ очагомъ, былъ полонъ новыхъ плановъ, болѣе грандіозныхъ, чѣмъ ранѣе, и душа его болѣе была смятенна славой, богатствомъ, жаждой допить до конца кубокъ жизни – кубокъ, казавшійся теперь неосушимымъ. Обстановка для писателя (въ Россіи) – пышная. Дача построена и отдѣлана въ стилѣ сѣвернаго модернъ, съ крутою крышей съ балками подъ

// л. 40

потолкомъ, съ мебелью по рисункамъ нѣмецкихъ выставокъ.

Мы много говорили, очень дружественно, мнѣ хорошо было съ Андреевымъ, но жилище его говорило о нецѣльности, о томъ, что стиль все-таки не найденъ. Къ стилю не шла матушка изъ Орла, Настасья Николаевна, съ московско-орловскимъ говоромъ; не шли вѣчные самовары, кипѣвшіе съ утра до вечера, чуть не всю ночь; запахъ щей, безконечныя папирсы, нервность, мягкая развалистая походка хозяина, добрый взглядъ его глазъ, многія мелочи. Правда, стремленіе къ грандиозу находило нѣкое примѣненіе: нравилось смотрѣть съ башни въ морской бинокль на Финскій заливъ, наблюдать ночью звѣзды. Но какъ разъ рано утромъ слѣдующаго дня, проснувшись въ боковой комнатѣ для гостей, не совсѣмъ еще отдѣланной, я услыхалъ, какъ двое маляровъ, снаружи малевавшихъ на подмосткахъ, напѣвали неторопливо простую, славную нашу пѣсню. Вотъ въ ней – замля Москвы, березки Бутова, поля Орла. И нѣтъ Финляндіи. Нѣтъ майоликовыхъ отдѣлокъ, матовыхъ кубовъ, нѣтъ модерна. Нѣтъ и «Жизни Человѣка».

На этой новой дачѣ писалъ Андреевъ: «Царь – Голодъ», «Черная Маска», «Анатэму», «Океанъ» и другое. Хорошо было удалиться изъ столицы, но это не было удаленіемъ въ Ясную Поляну, столица перекочевала къ нему въ самомъ суетномъ и жалкомъ обликѣ; взвинчивала, гнала къ успѣху, славѣ, шуму и обманыва-

// л. 41

ла. Кто не любитъ обольщенія успѣха? Андреевъ жадно его вкусилъ и не могъ уже забыть; не могъ уже жить, чтобы о немъ не писали, не шумѣли, не хвалили. Не знаю даже. Могъ ли онъ теперь писать лишь для себя, внѣ публики. Онъ ненавидѣлъ публику и поклонялся ей. Онъ презиралъ газетчиковъ, освободиться же отъ нихъ не могъ. Для славы нужны были журналисты, налетавшія роями, которымъ онъ рассказывалъ о своей жизни, замыслахъ, писаніяхъ; сердился, что рассказываетъ, и на завтра вновь рассказывалъ. Они печатали нелѣпыя интервью, раздражавшіе друзей Андреева, а врагамъ дававшіе матеріалъ для издѣвательствъ. Вся эта чушь газетная, въ морѣ вырѣзокъ съ отчетами о пьесахъ, отзывами, критиками, бранью, клеветой, замѣтками, какъ каждый день притекала къ нему и

одурманивала душу. Врядъ ли чувствовалъ онъ себя хорошо. Тѣмъ болѣе, что все настойчивѣе въ критикѣ твердили объ упадкѣ его дарованія.

За всей этой горькой мишурой, у него былъ и свой міръ. Вотъ что говоритъ онъ въ письмахъ этого періода о *второй дѣйствительности*. «Съ каждымъ уходящимъ годомъ я все равнодушнѣй къ первой дѣйствительности, ибо въ ней только я рабъ, мужъ и отецъ, головныя боли и съ прискорбіемъ извѣщаемъ. Сама природа, – всѣ эти моря, облака и запахи я долженъ приспособить для приѣма внутрь, а въ сыромъ видѣ они слишкомъ физика и химія.

// л. 42

То же и съ людьми: они становятся интересны для меня съ того момента, какъ о нихъ начинается исторія, то-есть ложь, то-есть все та же наша единственная правда. Я не дѣлаю изъ этого теоріи, но для меня воображимое всегда было выше сущаго, и самую сильную любовь я испытывалъ во снѣ. Поэтому я, пока не сдѣлался писателемъ и не освободилъ въ себѣ способности воображенія, такъ любилъ пьянство и его чудесные и страшные сны».

Флоберъ, столь безконечно далекій отъ Андреева, говоритъ гдѣ-то въ письмѣ: *la vie n'est suprotable qu'en travaillant*, и, правда, одурманивалъ себя работой. Для Андреева, какъ писателя настоящаго, смыслъ этихъ лѣтъ, годовъ зрѣлости, такъ же, видимо, сводился къ работѣ, какъ наркозу, уводящему отъ *скучной дѣйствительности*. «Сколько скучныхъ дней и просто неинтересныхъ людей въ первой дѣйствительности! А въ моей всѣ дни интересны, даже дождливые, и всѣ люди интересны, даже самые глупые. Сейчасъ за окнами моросить, просто моросить, и нѣтъ ничего, кромѣ просто мокрой Финляндіи и озноба въ спинѣ, – а начни описывать, и получится интересно, явится настроеніе; и чѣмъ правдивѣе я буду изображать, тѣмъ меньше останется правды. *Ибо само слово принадлежитъ ко второй дѣйствительности*, само по себѣ оно картина, рассказъ, сочиненіе».

Впрочемъ, онъ оговаривается: не вся дѣйствительность презрѣнна.

// л. 43

... «Не скажу даже, чтобы я былъ правъ, такъ настоятельно и убѣжденно предпочитая воображаемое сущему, и если устроить между ними состязаніе, то окончательная, послѣдняя красота будетъ на сторонѣ послѣдняго. Но такая красота – моменты, далеко разбросанные въ пространствѣ и времени. Не только собрать, а можно прожить всю жизнь и не одного не встрѣтить. Немало на свѣтѣ красивыхъ людей, а разстояніе между ними – словно между звѣздами: и одинъ еще не родился, а другой давно умеръ. Пусть даже живетъ, но или онъ далеко безконечно, либо говорить на другомъ языкѣ, либо я совсѣмъ не знаю о его существованіи. Вѣдь всѣ эти, кого мы любимъ и считаемъ настоящими друзьями, Данте, Иисусъ, Достоевскій существуютъ только въ воображеніи нашемъ, во второй дѣйствительности, во снѣ».

Въ первой же дѣйствительности, несмотря на славу, деньги, шумъ и суету вокругъ, врядь-ли Андреевъ чувствовалъ себя теперь хорошо. Онъ не производилъ такого впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ, видимо, становится онъ одиноче. О дружбѣ, о «мужской, крѣпкой, глубокой, серьезной дружбѣ» онъ говоритъ теперь съ горечью. («Какъ странно звучитъ слово «дружба» – ты помнишь, что оно означаетъ? Я забылъ» 8 іюля 1909 г.). И еще: ... «Замѣтилъ ли ты... что дружба ранняя ягода и приходитъ прежде другихъ? Любовь, какъ тѣнь, сопровождаетъ, пока есть свѣтъ, а для новой дружбы положенъ ранній предѣлъ. И если не захватилъ друга изъ юности,

// л. 44

то новаго не жди; да и стараго-то не удержишь. И не случайность для меня, что кончилась моя дружба съ Горькимъ – всѣ писатели дружатъ въ юности, а со зрѣлостью приходитъ къ нимъ неизбежное одиночество. Такъ оно и надо, пожалуй» (23 іюня 1911 г.).

Кажется, за эти годы Леонидъ Андреевъ и дѣйствительно новыхъ друзей не пріобрѣлъ, а отъ старыхъ отдалился, находясь въ Финляндіи. Кажется, жизнь его тамъ ограничивалась кругомъ (важнѣйшимъ, разумѣется) – семьи. Въ Москвѣ онъ появлялся рѣдко. Въ Петербургѣ литературныхъ друзей и всегда у него было мало; а въ литературѣ критической къ нему относились теперь дурно. Вообще же въ его литературной судьбѣ много русскаго: безудержное возношенье, столь же безпощадная брань. Ни шумъ, ни гонорары, ни интервью не могли скрыть рѣзкаго охлажденія къ нему публики. Та исключительность его, что раньше восторгала, теперь сердила. Чѣмъ громче онъ старался говорить, тѣмъ раздраженней слушали. И за короткій срокъ своихъ удачъ и поражений могъ бы вспомнить покойный слова Марка Аврелія: «судьба загадочна, слава недостовѣрна». Или же обратиться къ собственной «Жизни Человѣка».

За это время мало приходилось его видѣть. Доходили временами письма, но все рѣже. Я зналъ, что онъ обрелся, что завелъ лодку моторную и скитается по шхерамъ. Мореходскіе инстинкты пробудились въ немъ внезапно; нрави-

// л. 45

Лисъ брызги, пѣна, шумъ вѣтра, одиночество. Быть можетъ, нѣчто байроническое мерещилось ему въ этихъ одинокихъ блужданіяхъ. Вызовъ жизни, людамъ, гордость, честолюбіе надломленное.

Я видалъ его въ послѣдній разъ въ Москвѣ, осенью 1915 г. Шла его пьеса «Тотъ, кто получаетъ пощечины». Врядъ ли она удача; врядъ ли совершенна, какъ и вообще мало совершеннаго оставилъ Леонидъ Андреевъ. Хаосъ, торопливость и несдержанная пылкость слишкомъ видны въ его писаніи. Но какъ и во всемъ главнѣйшемъ, что онъ написалъ, есть въ этой пьесѣ андреевское, ѣдкое, очень скорбное, сплошь облитое ядомъ горечи...

Тяжкая душа, израненная и больная, мнѣ почувствовалась и въ самомъ авторѣ. Это иной былъ Андреевъ; не тотъ, съ кѣмъ философствовали мы нѣкогда на Прѣснѣ, бродили въ Бутовѣ. Надломъ, усталость, тяжело бьющееся сердце, тягостная раздраженность. И лишь глаза блестяли иногда по-прежнему.

– Пьесу испортили, – говорилъ онъ. – Сгубили. Главная роль не понята. Но посмотри – онъ указывалъ на ворохъ вырѣзокъ, – какъ радуются всѣ эти ослы. Какое наслажденіе для нихъ – лягаться.

Онъ уѣхалъ въ Петербургъ смутный и подавленный, хотъ иногда и много смѣялся и острилъ. Мы же, прощавшіеся съ нимъ тогда въ Москвѣ, его немногіе друзья, врядъ ли угадывали будущее, врядъ ли думали, что живого, настоящего

// л. 46

Андреева, въ бархатной курткѣ и съ черными глазами, не «сонъ» и не «мечту» второй дѣйствительности, – намъ уже не увидѣть.

И мнѣ трудно говорить объ этихъ заключительныхъ годахъ земного странствія Андреева.

Знаю только одно: съ октября 1917 г. онъ не возвращался даже въ Петербургъ, жилъ въ Финляндіи. Революція задѣла его чрезвычайно. Онъ ее проклялъ. Пережить ее ему не удалось. Онъ скончался въ сентябрѣ 1919 г. отъ припадка сердца – сердце у него всегда было больное и нервное.

Когда мысленно я вызываю образъ Андреева, онъ представляется мнѣ молодымъ, чернокудрымъ, съ остроблισταющими, яркими глазами, какимъ былъ въ годы Грузинъ, Прѣсни, Царицына. Онъ лихорадочно говоритъ, курить, стаканъ за стаканомъ пьетъ чай гдѣ-нибудь на террасѣ дачи, среди вечерѣющихъ березъ, туманно-нѣжныхъ далей. Съ нимъ, гдѣ-то за нимъ, тоненькая, большеглазая невѣста въ темномъ платьѣ, съ золотой цѣпочкой на шеѣ. Молодая любовь, свѣжесть, сіянье глазъ дѣвическихъ, расцвѣтъ ихъ жизни.

И навѣрно не могу я говорить съ холодностью и объективностью объ Андреевѣ, ибо молодая въ него влюбленность на всю жизнь бросила свой отсвѣтъ, ибо для меня Андреевъ вѣдь не просто талантъ русскій, тогда-то родившійся и тогда-то умершій, а, выражаясь его же словами, *милый призракъ*, первый литературный другъ, литера-

// л. 47

Турный старшій братъ, съ ласковостью и вниманіемъ опекавшій первые шаги. Это не забывается. И да будутъ эти строки, сколь бы бѣдны онѣ ни были, дальнимъ привѣтомъ чужестранной могилѣ твоей, Леонидъ.

// л. 48

Сергѣй Глаголь

– Да вот что, – сказалъ Андреевъ, блестя своими черными, удивительными глазами: вы зайдите къ Сергѣичу, обязательно! Надо познакомиться. И вашъ рассказъ у него. Сборникъ редактируетъ онъ, я и Тимъ-Тимъ (Тимковскій).

Андреевъ далъ мнѣ письмецо, и я отправился. Сергѣй Сергѣичъ Голоушевъ, среди друзей «Сергѣичъ», по литературѣ Сергѣй Глаголь, жилъ въ Хамовникахъ, въ мѣстѣ странномъ: помѣщеніи Хамовнической части! Былъ онъ полицейскій врачъ и занималъ квартиру во второмъ этажѣ, съ окнами на площадь.

Я попалъ къ нему во врачебный кабинетъ. Мягкая зеленая мебель, книги, картины, жуткій беспорядокъ, сумеречно-синеватый свѣтъ изъ окна, откуда бѣлѣлъ снѣгъ и надъ снѣгомъ, надъ каланчей, тучею галки – за бархатной портьерой плесканье воды въ умывальникѣ.

Потомъ оттуда выглянулъ высокій, очень стройный и широкоплечій человекъ въ ослѣпи-

// л. 49

тельной рубашкѣ и, вытираясь полотенцемъ, откинувши назадъ длинные волосы движеньемъ головы, пристально добрыми глазами на худощавомъ, въ морщинахъ, лицѣ взглянулъ на меня.

– А-а, душка, знаю. Садитесь, сейчасъ разговаривать будемъ.

Такъ, зимними сумерками, въ Москвѣ очень далекихъ лѣтъ, началось мое знакомство, перешедшее скоро въ дружбу, со всему городу извѣстнымъ «Сергѣичемъ». Черезъ десять минутъ показалось ужъ, что онъ мнѣ родственникъ, такая простота, открытость и широкій жестъ, чуть и картинный, были въ немъ. Конечно, къ нему можно съ чѣмъ угодно придти – и съ болѣзнью, и съ рассказомъ, и съ картиной – чѣмъ только не занимался Сергѣичъ?

Въ юности, сидя на козлахъ, мчалъ Вѣру Засуличъ изъ суда въ каретѣ, спасая ее. Побывалъ въ «мѣстахъ не столь отдаленныхъ» – ссыльно поселенцемъ. Политическую «лѣвизну» свою тамъ и оставилъ. Занялся живописью. Дружилъ съ Сѣровымъ, Левитаномъ и Коровинымъ. Въ Третьяковской галлерей есть его этюдъ лошади. Сталъ писать. Лѣчилъ дамъ. Статьи печаталъ и о живописи, о театрѣ, о литературѣ. Въ томъ же сборникѣ, изъ-за котораго я пришелъ къ нему, былъ и гео рассказъ – не хуже другихъ. Онъ интересовался психіатріей, былъ другъ всѣхъ Россолимо и Токарскихъ, яростно превозносилъ Андреева, работалъ по гравюрѣ и офорту – что-то изобрѣлъ даже въ этомъ дѣлѣ.

// л. 50

Жилъ холостякомъ. Всегда къ комунибудь пылалъ. Да женщинамъ и не могъ не нравиться, если бъ и захотѣлъ – что-то изящное и суховато-мужественное въ немъ было, и безупречное, и безкорыстное. Онъ много говорилъ, слегка даже витійствовалъ, то собиралъ, то распускалъ морщины на остроугольномъ лицѣ и широкимъ жестомъ откидывалъ волосы сдѣющіе. Но какъ принять его за старика! Вотъ, умеръ старымъ, въ памяти остался молодымъ.

Онъ былъ душой «Среды». Для меня, только что принятаго, эти собранія, въ частности домъ Сергѣича, навсегда связанъ съ первыми литературными шагами, первыми встрѣченными писателями, первыми чтеніями – въ полутемномъ кабинетѣ Сергѣича, навсегда связанъ съ первыми литературными шагами, первыми встрѣченными писателями, первыми чтеніями – въ полутемномъ кабинетѣ Сергѣича, подъ блѣднымъ кругомъ лампы съ зеленымъ абажуромъ, передъ старшими художниками дѣла нашего, нѣкоторые изъ которыхъ вызывали восхищеніе и жуткое волненіе. Очень страшно такъ читать, впервые, не забудешь... Небольшая, полная этюдовъ Васнецова, Полѣнова, Левитана квартира Сергѣича наполнялась, сидѣли и въ гостиной подъ какими то персидскими щитами, у бухарскихъ копій, въ кабинетѣ на гинекологическомъ ложѣ, спорили о символистахъ, декадентахъ (тогда модный споръ), бытъ, реализмъ и т. п. А потомъ слушали – очень часто читалъ Андреевъ. Рѣже Бунинъ, Телешовъ, я и другіе. Кончалось все ужиномъ. Сергѣичъ самъ готовилъ удивительнѣйшую селедку, хоть бы въ «Прагу». Разныя водки въ графинчикахъ, пироги, грибы, за-

// л. 51

ливныя... вообще Москва – то русское тепло, и тотъ уютъ, немного лѣнь, безопасность, «миловидность», что и есть старая Русь.

Расходились поздно. По скрипучему снѣгу, подъ холодными звѣздами шли пѣшкомъ, хохотали, доказывали недосказанное, дразнили другъ друга. Иногда старый писатель Гославскій, съ серебряной бородою – его звали Богомъ Саваофомъ за торжественный видъ – сильно подвыпивъ, начиналъ бранить кого-нибудь, меня, напримѣръ, – неизвѣстно за что. Звали Ваньку, усаживали Голославскаго, кто-нибудь въ родѣ безотвѣтнаго Ивана Алексѣича Бѣлоусова, въ хохлацкой шапкѣ и шевченковскихъ усахъ и увозилъ его.

Сергѣича я полюбилъ скоро и крѣпко. Да и какъ было не любить этого славнаго и такого открытаго – весь нараспашку – «прелестника» изъ Хамовниковъ? Онъ былъ мнѣ старшій, вродѣ дядюшки и заступника. Если какая бѣда, затрудненіе или болѣзнь, онъ тутъ какъ тутъ, зимой въ сѣрой мерлушковой шляпѣ, всегда живой и картинный, многрѣчиво-привѣтливый. Правда, онъ больше самъ говорить. Слушаетъ неохотно, разсѣянно. Чувствуешь, это только скользить по немъ...

На «Средѣ» мы съ нимъ и Андреевымъ были «крайняя лѣвая», т. е. защитники символистовъ: тогда здѣсь и былъ «ключъ позиціи». Сергѣича же и вообще постоянно тянуло къ новизнѣ, молодости. Наша «Среда» была весьма пожилая,

// л. 52

Степенная. Это его не вполне насыщало. И онъ водился съ художниками младшаго возраста. (Наприм., съ Петровымъ-Водкинымъ, тогда юношей. И,

разумѣтся, покровительствовалъ ему). Милая странность Сергѣича въ томъ состояла, что никакъ не будучи «инфернальнымъ», онъ очень любилъ въ литературѣ всякія «бездны», «тайны», Достоевско-Андреевское... и для чего это ему надо было? Весь онъ такъ хорошъ былъ простосердіемъ и чистодушіемъ, а любилъ «жуть». Въ тѣхъ долгихъ годахъ, что я его зналъ, за эту самую жуть онъ меня много бранилъ. Ему нравились, онъ всегда защищалъ мои «мрачныя» вещи, а другую сторону писанья – не одобрялъ.

– Зайчикъ, – говорилъ, какъ обычно откидывая рукой волосы, глядя изъ подъ пенснэ сѣрыми, живыми глазами изъ глубокихъ впадинъ, весь вытягиваясь сухимъ, остро-изящнымъ лицомъ, всегда напоминавшимъ мнѣ симпатичнаго пса, – душка, ты опять мармеладъ свой развелъ?

И щелкалъ пальцемъ по книжкѣ.

– Ты мнѣ дай, чтобы съ жутью... Понимаешь, писатель, вотъ какъ Леонидъ, онъ долженъ опускаться вглубь, въ психологію, и разворачивать передъ нами тайны и провалы души...

Я улыбался, частью виновато, частью безнадежно: что же дѣлать, какъждый пишетъ по своему. И если быть вполнѣ искреннимъ, то въ дѣлахъ своего ремесла (или искусства?) и я слушалъ Сергѣича не очень внимательно, какъ слав-

// л. 53

Наго дядюшку, но не какъ мэтра. Для мэтра былъ онъ слишкомъ поверхностенъ, слишкомъ между прочимъ въ нашемъ занятіи, которому или всего себя надо отдать, или ужъ за него и не братья.

Въ Сергѣичѣ была какая-то неаккуратность и забывчивость, берски-просторная разсѣянность. Это касалось, впрочемъ, мелочей. Если жъ въ бѣдѣ нужна поддержка, нужно черезъ всю Москву ѣхать къ больному – этого Сергѣичъ никогда не забывалъ. Много людей московскихъ, изъ которыхъ первый я, добрымъ словомъ помянуть безсребренника.

А жизнь его была полетъ сумбурный, въ этомъ основная черта натуры: не было центра, точки, куда била бы вся сила его существа. Диллетантизмъ – вотъ слово, говорящее о несообразности души, о ея нѣкоторомъ распыленіи. Сергѣичъ все умѣлъ дѣлать, отъ гинекологіи до гравюры, и вес дѣлалъ даровито, замѣчательно же ничего сдѣлать не могъ, ибо безраздѣльно ничему не отдавался. Его слѣдъ не начерченъ въ исторіи ни одной изъ тѣхъ дѣятельностей, коими онъ занимался. Въ немъ, въ его вкусахъ, жестахъ, картинности, доброй беспорядочности... – Русь, Москва.

Бѣдный Сергѣичъ! На его закатные дни легла страшная лапа исторіи. Узналъ бывший студентъ въ плащѣ семидесятыхъ годовъ, спаситель Вѣры Засуличъ – на себѣ испыталъ новое царство. Сергѣича въ Москвѣ взяла смерть –

// л. 54

Среди бѣдствій, голода, холода, и униженій. Тяжело вспоминать объ этомъ. И какъ часто бываетъ, ущемляется сердце сознаниемъ, что вотъ ушелъ человекъ, доброе отъ него бралъ какъ должное, а самъ что давалъ? Мало дано, долгъ остался.

// л. 55

Литературный Кружокъ

Николай Николаичъ Баженовъ – психіатръ, гастрономъ, Донъ Жуанъ, холостякъ – съ лицомъ жирнымъ и заплывшимъ, маленькими глазками, съ толстыми губами и огромныкъ кадыкомъ – онъ и водрузилъ клубно-литературное знамя надъ Москвой.

Считался парижаниномъ (и парижскимъ москвичемъ) – изъ Парижа вывозилъ галстуки, анекдоты, моды. Имѣлъ къ литературѣ отношеніе – какое? Не совсѣмъ понятно: кажется, интересовался ею. И другіе нашлись «интересующіеся»: актеры, литераторы, адвокаты, зубные врачи. Соединенными усиліями сложившись, подписавшись, соорудили въ переулкѣ съ Тверской на Дмитровку свое учрежденіе. Начали скромно, а потомъ разрослось, даже въ исторію литературы въ нѣкоторомъ смыслѣ попали.

Рядомъ съ Филипповымъ, съ калачами и булками, съ шумной кофейной (чуть не самой большой тогда въ Москвѣ), гдѣ засѣдали барышники, коммивояжеры, бѣговые жучки и прочее мелкое, но приличное населеніе – открылся Ли-

// л. 56

тературный Кружокъ, начались его вторники. Они очень совпали съ оживленіемъ литературнымъ: выступалъ символлизмъ, появились молодые писатели особеннаго оттѣнка.

Въ «Скорпіонѣ» Поляковъ («нѣжный, какъ мимоза») издавалъ Бальмонта, Брюсова, выпускалъ «Сѣверные цвѣты», Кнута Гамсуна, Пшибышевскаго... «Номо sariens» – кто изъ барышень не зачитывался этимъ романомъ? («Всталъ. Вскочилъ. Выпилъ рюмку коньяку» – черезъ нѣсколько строкъ: «Сѣлъ. Лицо искривилось гримасой. Выпилъ рюмку коньяку»). За мирнаго и прелестнаго гамсуновскаго «Пана» дочерей чуть не выгоняли изъ родительскихъ домовъ (съ Таганокъ, Сыромятниковъ, «чтобы не зачитывались чепухой»). Впрочемъ... и Иванъ Бунинъ въ «Скорпіонѣ» выпустилъ «Листопадъ». А совсѣмъ юный Бѣлый, тогда студентикъ голубоглазый – «Золото въ далаури» и «Симфоніи».

Но главенствовали Бальмонтъ и Брюсовъ. «Будемъ, какъ солнце», «Только любовь», «Горяція зданія» – Бальмонта въ Москвѣ сразу приняли и полюбили (молодежь, конечно). Брюсова не любили, но вокругъ себя онъ сумѣлъ создать нѣкую «магическую» славу. Его боялись. И прислушивались къ его теоріямъ художественнымъ. Онъ редактировалъ «Вѣсы», тоже журналъ скорпіонскій.

Революція такъ революція... Въ литературѣ она начиналась, хоть и благоразумно совѣтовалъ Бальмонтъ поклонникамъ: «тише, тише совле-

// л. 57

кайте съ древнихъ идиоловъ одежды». Молодежь есть молодежь. Благоразуміемъ она не отличалась никогда. Идиоловъ типа Потапенки и Боборыкина волокни не безъ жару, да и другимъ доставалось – во славу символизма и «декаденства».

Вотъ для этихъ сраженій Кружокъ подоспѣлъ кстати. Въ небольшой залѣ Козицкаго переулка, на эстрадѣ, передъ рядами зрителей, засѣдалъ въ какомъ-нибудь кофейномъ жакетѣ съ красной бутоньеркой, въ бѣлыхъ гетрахъ Николай Николаевичъ Баженовъ, – председатель, а Бальмонтъ читалъ, скажемъ, объ Уайльдѣ – тогда тоже новшество и пугало – Бальмонтъ молодой, горячій, «златовласый» – читалъ остро и съ задоромъ. Главное задоръ. Онъ является непроизвольно, изъ ощущенія, что говоришь о новомъ, спорномъ, что они тебѣ будутъ яростно рукоплескать, другіе свистать. И, дѣйствительно, залъ раздѣлялся. «Старшіе» ужасались, молодежь ликовала. Получался отчасти митингъ, но скорѣй веселый. Вотъ какъ описываетъ это лѣтописецъ: «Благородные зубные врачи и статистики призывали къ завѣтамъ, Некрасову, шестидесятымъ годамъ. Юноши въ красныхъ галстукахъ – къ Уайльду. Публика свистала, это выводило изъ себя Лизавету, и она отколачивала себѣ ладоши. Черноглазая Зина тоже хлопала и Петя, взволнованно улыбаясь, а солидныя дамы вокругъ пожимали плечами и выражали негодованіе. Впрочемъ, съ Лизаветой шутки были плохи. Она оборачивала свое разго-

// л. 58

ряченное лицо, розовѣвшее гнѣвомъ, и громко говорила:

– На дуръ не обращаю вниманія!

– Bravo, – хлопалъ Петя, – bravo!»

Случалось и такъ, что молодой человекъ, днемъ болѣе или менѣе успѣшно засѣдавшій въ восьмомъ классѣ Поливановской гимназіи, вечеромъ появлялся на эстрадѣ, въ штатскомъ, съ демоническими начесами, демонически возглашалъ:

– Окунемся въ освѣжающія волны разврата!

Не такъ особенно онъ окунался, и домашняя, довольно безобидная была тогда Москва, но такъ ужъ полагалось «устрашать» и «претерпѣвать за идею»: юноша, пожалуй, только что получилъ двойку, но зачитываясь Бальмонтомъ и Брюсовымъ, готовъ былъ отдаться на растерзаніе «мѣщанству», лишь бы не быть «какъ всѣ» и чѣмъ-то о себѣ заявить.

«Когда Лизавета съ Зиной влетали послѣ чтенія въ ресторанный залъ, вызывали онѣ неблагоклонное шушуканье дамъ и сочувствіе въ мужчинахъ. Усиливалось это тѣмъ, что въ городѣ говорили о тайномъ обществѣ козлороговъ. Едюка бывалъ въ клубѣ тоже, и какъ человекъ толстый, легкомысленный, не

внушалъ довѣрія; а его считали гроемейстеромъ ордена, какъ Лизавету съ Зиной – двумя «богородицами».

Общества, разумѣется, никакого не было. Жила молодежь бойкой и веселой, можетъ быть, и нѣсколько распушенной жизнью, но обычной въ возрастѣ этомъ: богемно, съ бродяжничествомъ

// л. 59

По кабачкамъ, романами и «выясненіями отношеній», схожденіями и расхожденіями – а въ общемъ, подъ крылышкомъ папашъ и ммашъ, беззаботно, скорѣе всего въ духѣ Бронныхъ и Козьихъ, усовершенствованныхъ «декаденствомъ».

Но, конечно, нравилось являться въ Кружокъ компаніей человѣкъ въ десять – всѣ съ желтыми цвѣтами.

– Вотъ оно, тайное эротическое общество! И въ несуществующую «ложу» нарасхватъ стремились тѣ, у кого желтыхъ цвѣтовъ не было (а какъ хотѣлось-бы, чтобъ были!)

* *
*

Въ Козицкомъ стало тѣсно. Дѣла шли хорошо – Кружокъ переселился – неподалеку, на Дмитровку, въ особнякъ Востряковыхъ. Востряковы сами жили на углу, тоже въ хорошемъ домѣ, но главное свое палаццо, съ полукруглымъ въѣздомъ во дворъ, зеркальными окнами, нарядной лѣстницей съ колоннами, бѣлыми лѣпными залами, сдали Кружку. И Кружокъ въѣхалъ. Одного Баженова ужъ не могло хватить. Ставилось все на прочную ногу, съ дирекціей, комиссіями – литературной, музыкальной и пр.

Появилась «матеріальная основа цивилизаціи» – карты. Сначала карточныя комнаты были скромны, а потомъ сдѣлали цѣлую пристройку и открыли залу въ розовыхъ фрескахъ подъ Мориса Дени, разставили огромные овальные столы и украсили фронтъ. Старухи въ брил-

// л. 60

ліантахъ, содержанки и актрисы, дѣльцы, врачи, инженеры и актеры засѣдали подъ туманно-нѣжнымъ свѣтомъ люстръ, казавшихся имъ слаще солнца, за зеленымъ полемъ, погружаясь въ міръ валетовъ и девятокъ, дамъ, королей. Лица ихъ принимали неживой оттѣнокъ. Вспоминаются зеленоватые люди, много лысинъ, жирныхъ подбородковъ, ушей, рукъ въ кольцахъ съ драгоценными камнями, все это нѣсколько и вялое (лишенное «свѣта и воздуха»), но нервное и выключенное изъ жизни. Навѣрно, наркотическое есть въ игрѣ. Точно-бы накурились опія. И ихъ міръ, живущій съ нами рядомъ, все-же особенный ѣ сильно пьянящій и засасывающий (для нихъзначить же сладкій). Были среди нихъ

и профессионалы-игроки. Просто они жили этимъ. Являлись какъ на службу, хорошо зарабатывали.

Символистовъ и поэтовъ, художниковъ «Голубой розы» или «Мира Искусства», писателей «Знанія» или «Шиповника» для нихъ не существовало. Но чѣмъ дольше засиживались, чѣмъ больше штрафовъ платили, тѣмъ больше книгъ и журналовъ можно было купить въ библіотеку.

Туда велъ длинный коридоръ, уставленный шкафами – съ иногда цѣнными изданиями. Библіотека быстро росла. Въ читальнѣ, подъ зеленой мягкой лампой, на столѣ газеты и журналы, издания на разныхъ языкахъ, кресла, тишина, полумракъ – другой міръ. Пробѣжить въ длинномъ сюртукѣ Брюсовъ, пройдетъ Юлій Бунинъ, полный, уютный, особый своей поход-

// л. 61

кой (слегка выкидывая ноги въ стороны), рыжеватый Иванъ Ивановичъ Поповъ, редакторъ «Женскаго дѣла» (букуву д выговаривалъ, какъ т – журналъ свой называлъ «Женское тѣло»).

Вторникамъ отвели залу обширную, на шестьсотъ мѣсть, съ занавѣсомъ, сценой-эстрадой: можно было ставить спектакли, давать концерты. Лекторы стали разнообразнѣй. Многихъ выписывали изъ Петербурга. Мережковскій, Андрей Бѣлый, Волошинъ, Маковскій, Волинскій, Яблоновскій проходятъ въ памяти, покойный Айхенвальдъ. Даже епископъ одинъ выступалъ (имени его не помню). Читали о новыхъ писателяхъ, новыхъ книгахъ, «вопросахъ пола» – въ общемъ, все стало спокойнѣе и солиднѣй. Споры, однако, бывали жаркіе, иногда до скандала. (Разъ Андрей Бѣлый съ эстрады вызвалъ на дуэль литератора Тищенко, друга Толстого. Пришлось спускать занавѣсъ, подъ руки сводить съ лѣстницы изнеможденнаго, въ истерикѣ, автора «Серебрянаго голубя»).

Эти «верхніе» вторники (въ верхнемъ залѣ) все-жеприняли слишкомъ шумный характеръ. Въ нижнихъ комнатахъ уединенно собиралась «Эстетика» и «Среда».

Въ первой главенствовалъ Брюсовъ. Это было продолженіе «Вѣсовъ». Питалось дамами богатыми и снобистическими (изъ купчихъ – «Скорпіонъ» коренился въ Московскомъ Сити). Брюсовъ священнодѣйствовалъ. Молодые поэты трепетали. Почтительно безмолствовали художники. Дамы сіяли брилліантами, кутались въ мѣ-

// л. 62

ха. Въ общемъ-же: скука и высокомеріе, хотя выступали иногда замѣчательные писатели – Вяч. Ивановъ, Блокъ, бѣлый. «Среда» называлась въ Кружкѣ «молодой», или новой – изъ прежнихъ, интимныхъ собраний у Телешева и Л. Андреева перешла въ большой просторъ, разрослась численно – и поблѣднѣла. Предсѣдателемъ ея былъ Юлій Бунинъ. Тонъ простой и не напыщенный. Составъ довольно сѣрый. Какъ въ «Эстетикѣ», читали и стихи, рассказы – беллетристовъ

было больше. Направленіе въ «Эстетикѣ» символизмъ, здѣсь реалистическое. Изъ писателей извѣстныхъ – Бунинъ, Шмелевъ, Серафимовичъ, Телешовъ. Выступала Алексѣй Толстой (бывала и на «Эстетикѣ»). Но молодежи выдающейся «Середа» не вывела.

* *
*

Вросъ Кружокъ въ жизнь Москвы съ достоинствами своими и недостатками, съ шумомъ, оживленіемъ, дебатами объ Арцыбашевѣ и Каменскомъ, концертами и лекціями. Вечеромъ заглянувъ туда, встрѣтишь знакомыхъ и друзей, просмотришь новости въ читальнѣ – вряд-ли минуешь бѣлый ресторанный залъ. Съ молодымъ еще (но уже академикомъ) Бунинымъ займешь столъ, нашъ обычный, направо отъ двери. Къ полуночи подойдетъ Юлій Бунинъ съ какого нибудь засѣданія – въ томъ-же Кружкѣ, гдѣ съ Валеріемъ Брюсовымъ обсуждали они вопросъ, скажемъ, о поварѣ (Брюсовъ во всемъ былъ до-

// л. 63

тошный и неутомимый: переводить-ли Вергилія, спорить-ли о дежурномъ блюдѣ). Столи чуть не всѣ заняты. Тамъ Эфросъ со Смирновой, Лоло съ Ильнарскою, Перскій съ женой, Книпперъ, быть можетъ, Качаловъ, Правдинъ изъ Малаго театра. Шмелевъ, Телешовъ, покойный Грузинскій подсядутъ къ намъ. Встрѣтишь пріѣзжаго изъ Петербурга – Георгій Чулковъ. Изъ молодыхъ московскихъ – Ходасевичъ, Муни, Койранскій и Стражевъ. Ровно въ часъ, по хронометру, появлялся философъ Лопатинъ – у него мѣсто всегдашнее за «профессорскимъ» столомъ, черезъ залъ отъ насъ. Лысый, въ очкахъ, съ головой мудреца, начиненной идеализмами и психологизмами, былъ онъ такъ аккуратенъ, что по немъ провѣряли часы:

– Левъ Михайловичъ пріѣхалъ, значитъ, часъ ночи.

Надо сказать: подолгу въ ресторанѣ засиживались. Много шумѣли и спорили, и хохотали, и поужинавъ, заходили въ игорныя залы – можно на счастье поставить (и проиграть!) – можетъ быть, и сорвешь удачу.

А потомъ зимняя ночь, такой свѣжій, чудесный воздухъ. Сонный Ванька, ухабы, затихшія улицы Москвы, тьма.

* *
*

Ко временамъ драмъ російскихъ Кружокъ былъ учрежденіе цвѣтущее, съ библіотекой въ двадцать тысячъ томовъ, штатомъ служащихъ,

// л. 64

канцеляріями, запаснымъ капиталомъ. Могъ жертвовать на просвѣщеніе, стипендіи, помогаль нуждающимся, выдаваль ссуды, издаваль журналъ (небольшой), собираль многосотенныя аудиторіи – литературно-музыкальныя. Въ залахъ его устраивались выставки. Во время войны тамъ былъ лазаретъ.

Въ революцію онъ сначала держался. Изъ первыхъ перешель къ «нимъ» Брюсовъ – началось медленное удушеніе. Горестная сцена сохранилась въ памяти изъ того времени. Старый Серафимовичъ, Александръ Серафимовичъ, многолѣтній нашъ сотоварищъ по «Средѣ» тоже объявился коммунистомъ.

Помню засѣданіе «Среды» – изъ послѣднихъ въ Литературномъ Кружкѣ – изъ совсѣмъ особенныхъ. Въ верхней комнатѣ было много народу, душно и нервно. Всѣ взволнованы, что-то висить надъ душой. Сидѣль за столомъ и Серафимовичъ, блѣдный и молчаливый. Попросиль слова Андрей Соболевъ. Въ горячій, нервно-истерической рѣчи, захлебываясь, предложилъ исключить Серафимовича изъ «Среды».

– Кто противъ свободной печати и литературы, тотъ не съ нами.

Всѣ молчали. Молчаніе было тяжелое. Поднялся Чириковъ.

– Вы намъ не товарищъ. Все между нами кончено. Больше руки я вамъ не подаю. (Таковъ, приблизительно, былъ смыслъ его слова).

– Значить, я могу выйти? – глухо сказалъ Серафимовичъ.

// л. 65

Никто не отвѣтилъ – раздались аплодисменты. Онъ поднялся и блѣдный, молча, вышелъ.

Больше мы его тутъ не видѣли. Но Кружокъ онъ закрылъ быстро – «какъ контръ-революціонное гнѣздо». Сынъ его въ это время донесъ не одного юношу, гимназиста, своего-же товарища – и погубиль его въ чекѣ. Александра Серафимовича я встрѣчалъ потомъ главою «Лито»^{*)} – у него быстро появилась шуба и бобровая шапка. Богъ съ ними, съ бобрами. Александръ Серафимовичъ былъ тогда незадачливимъ, внутренне-озлобленнымъ писателемъ. Теперь сдѣлалъ шагъ разумный, и сравнительно процвѣлъ. Это личное его дѣло и не хочется его судить. Все-же... этотъ человекъ бываль нѣкогда въ моемъ домѣ, мы находились въ добрыхъ отношеніяхъ, изъ временъ юности сохранились даже нѣкія ласковыя слова и улыбки. Тѣмъ грустнѣе все остальное.

Сейчасъ онъ въ почетѣ, какъ и Вересаевъ. Госиздатъ издаетъ собраніе его сочиненій – практически онъ игру свою выигралъ.

// л. 66

“Зори”

Въ 1904-06 г.г. выходиль въ Москвѣ марксистскій журналъ «Правда». Его издаваль В. А. Кожевниковъ, инженеръ, математикъ и фантазмогористъ. Этотъ

---

^{*)} Литературный отдѣлъ – было такое учрежденіе.

скромный и своеобразный человек со странностями взял да и всадил чуть не все свои средства в издание, где сотрудники – Луначарские, Скворцовы, Базаровы ему же и доказывали, что он эксплуататор, буржуй, темная личность. Удивительно было его терпение. Барство, должно быть, чрезмерное. Заходил сам себя сожигать – и сожигал.

Однако, весной 1906 г. Валентин Алексеевич, загадочно расширив свои глаза и поиграв по обыкновению ноздрями, объявил, что он еще новый журнал хочет издавать, но маленький, чисто литературный, вроде приложения к «Правде» (эта «Правда» была необычайно-нелѣпаго вида: пол аршина длины и узенькая, так что страница выходила чуть не газетным столбцом). Новое детище окрестили «Зори» и отдали молодежи.

// л. 67

К «Правде» я имел некоторое отношение. Первые номера мною корректировались. Я получал за это 50 руб. в месяц, пропускал много ошибок и напечатал там два собственных рассказа: «Мглу» и «Сон», а уже третий, «Тихая Зори», не прошел в этом «магазине», а попал, как и дальнейшее, в петербургский «Новый Путь».

Из корректоров тоже я был изгнан (вполне справедливо). Но с Валентином Алексеевичем сохранил добрые отношения и бывал в его квартир на Кудринской площади в знаменитом доме Курносова, куда упирается Новинский бульвар, и откуда видна вся Москва. И вот в эти «Зори» меня посадили уже в редакцию.

Как все, что затевал Валентин Алексеевич, наши «Зори» оказались мало золотосными: журнальчик, где золото пущено было на обложку (и Москва на ней тоже изображена) расхотелся, кажется, в 60 экземплярах. Существовал недолго – одну весну, – литературного влияния не имел и теперь представляет величайшую редкость. Но в жизни молодой Москвы того времени известную память оставил и не в одной душе провел свой след.

* *
*

Весна, Москва! Не зря называли мы журнальчик «Зори», и не зря Сергей Глаголь и К. К. Первухин пустили золото на обложку. Что-то

// л. 68

От светлой зари, юношеское и чистое было в этих «Зорях», и навсегда он для меня овян светом весны, тех особых неповторимых чувств... Нас было несколько молодых литераторов, и два-три старших, и через всех нас прошел какой-то романтически-весенний ток: «Зори» сдѣлались не только лишь журналом, но и умонастроением и какой-то душевной направленностью.

27 апрѣля. Открытіе первой въ Россіи Думы. Нашъ поэтъ Александръ Діесперовъ – студентъ въ очкахъ, живуцій на 15 руб. въ мѣсяцъ, отшельникъ, страстный и патетическій книжникъ, – въ послѣдствіи авторъ тома о Блаженномъ Іеронимѣ, – читаетъ свою лирическую передовую для «Зорь» объ эрѣ свободы, о вольномъ народѣ и о другомъ, начинающемся... Апрѣльское золото на его некрасивомъ, и умномъ, и восторженномъ лицѣ. Золото – во влажныхъ отъ волненія глазахъ, да и по насъ пробѣгаетъ содраганіе восторга. Вообще восторгъ – одна изъ важныхъ чертъ «зоризма». Мы такъ иногда называли свое настроеніе. Діесперовъ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ Русь, апрѣль, апрѣль, колокола, березки, нѣкій градъ Китежъ, иногда приходилъ ко мнѣ, задыхаясь отъ волненія и слезъ. Онъ былъ мистикъ, но не декадентъ. Страстно поклонялся Бѣлому (временъ «Золота въ лазури»), Блоку «Пиковой Дамы». Поэзію и святую бѣдность онъ избралъ себѣ для обученія. Сколько я его помню, обликъ монаха въ немъ росъ, углублялся. Онъ совсѣмъ отдавалъ

// л. 69

уже свою жизнь другимъ, иногда въ нѣкоторую суровостью; но тогда, въ апрѣлѣ «Зорь», онъ болѣе всего остался въ моей памяти съ золотомъ слезъ восторга.

П. М. Ярцевъ, драматургъ и театральнй критикъ^{*)}.

Еще нашъ зористъ былъ Владиміръ Высоцкій, – русскій полякъ съ миндалевидными индусскими глазами, изящный, томный и всегда влюбленный, бредившій Каспровичемъ, Словацкимъ («Ангелли» – его переводъ), переведшимъ всего Пшибышевскаго. Онъ воспламенялся, когда рѣчь касалась Польши или женщинъ. Вѣрный сопутчикъ по кабачкамъ, славный товоарищъ въ жизни, звали мы его «Пшерва Тетмайеръ» или «Пшесмыцкій», а чаще: Пшесмыка. Въ этомъ словѣ какъ-то всегда мнѣ что-то ласково-нелѣпое, весьма шедшее къ человѣку богемы.

П. П. Муратова не было тою весною въ Москвѣ. Онъ писалъ намъ изъ Парижа, какъ изъ Петербурга прислалъ мнѣ А. Блокъ свое чудесное стихотвореніе, впервые у насъ въ «Зоряхъ» напечатанное (названія не помню; тамъ есть строчка: «твой узорный, твой цвѣтной рукавъ»). Андрей Бѣлый тоже былъ нашъ, но не такъ близко-лично, и на нашихъ собраніяхъ, у меня, или Ярцева, кончавшихся иногда на разсвѣтѣ, не участвовалъ. Но зористъ, и упорный, былъ то-

// л. 70

Гдашній ближайшій другъ его Эллисъ, – въ то время бодлеріанецъ и мистикъ, съ большой изступленностью. Онъ писалъ намъ мистическіе стихи, переводилъ Данте и всегда былъ готовъ къ крайностямъ. Однажды покойный Б. А. Койранскій оскорбительно пошутилъ надъ гипсовымъ Данте, стоявшимъ у Эллиса. Тотъ не стерпѣлъ и, схвативъ бюстъ (поруганный, по его мнѣнію), разюилъ его вдребезги. Эта мучительная и «летающая» душа прошла много

---

^{*)} О немъ см. ниже.

испытаній, нынѣ, надо думать, нашла прочную успокоенность въ лонѣ католической церкви. (Эллисъ – ученый монахъ и переводчикъ русскихъ религіозныхъ писателей на нѣмецкій языкъ).

«Зорямъ» принадлежалъ также поэтъ Самуль Викторовичъ Киссинъ (Муни). Съ грустью вспоминаю его прекрасные глаза, черную еврейско-ассирійскую бороду, его всегдашнюю тоску и ненасыщенность, – съ грустью за недолгую жизнь, за горькій конецъ. (Онъ застрѣлился во время войны). И я зашелъ-бы слишкомъ далеко, если бы подробнѣй написалъ о двухъ мнѣ лично очень близкихъ зористахъ А. А. Койранскомъ и В. И. Стражевѣ. Кажется, мнѣ остается добавить, что лирико-мистическій «разсказъ» былъ у насъ представленъ П. Кожевниковымъ, Венеція – К. К. Первуинымъ, санскритъ и Индія – М. А. Эртелемъ, ученѣйшимъ филологомъ, Византія и Римъ – А. П. Воротниковымъ.

// л. 71

* *
*

Кто мы такіе были: сотрудники, редакторы, издатели? Почему при марксисткомъ журналѣ для увеличенія его тиража печатался въ двухстахъ экземплярахъ тоненькій журнальчикъ мистико-романтическаго свойства? Почему мы всѣ собирались и *вслухъ* читали свои произведенія, а потомъ обсуждали, спорили, «выясняли отношенія», отвратительно сами корректировали и т. д. – для чего все это? Значитъ, такъ по русски полагается, чтобы выходило безтолково. Но намъ было весело и легко. Мы прожили отличную весну съ тѣмъ сознаниемъ дѣлаемаго дѣла, которое всегда есть у писателя, если даже разумомъ онъ понимаетъ, что, въ сущности, никому до его писанія дѣла нѣтъ. Какая была наша публика? На кого мы вліяли? Кому что-нибудь приносили? Женамъ, сестрамъ, разнымъ молодымъ людямъ и барышнямъ, для которыхъ я былъ Зайчикъ, а Муратовъ – Патя. Но мы такъ разохотились, что, проведя кто гдѣ лѣто 1906 года, осенью вновь соединились, и всю зиму собирались у меня на Спиридоновкѣ, гдѣ мы съ В. И. Стражевымъ вмѣстѣ сняли квартиру. Собирались для изданія новаго «органа», на этотъ разъ вполнѣ собственнаго: «Литературно-художественная недѣля». Это было продолженіемъ «Зорь», но болѣе боевого и задирчатаго типа. «Зори» никого не трогали. Въ «Литературно-художественной недѣлѣ» Б. Грифцовъ

// л. 72

ставилъ Блока выше Толстого, кажется, мы за одно разгромили и Рѣпина, а за нападки на Брюсова (вотъ отъ чего меньше всего отрекаюсь) вышла цѣлая исторія съ Андреемъ Бѣлымъ.

«Недѣля» наша тоже погибла, – и тоже отъ безденежья и «холодности» публики. Зористы же ходили ко мнѣ цѣлую зиму. Эти собесѣдованія были очень

горячи, искренни и свѣтлы. Все таки у насъ было что то вродѣ братства, секты романтиковъ; внутренній голосъ насъ сводилъ; изъ душевной потребности родилось общеніе. Мы даже пытались опредѣлить «зорическое» міросозерцаніе. Конечно, мы все со всѣмъ «соединяли», «примиряли», разумѣется, не обходилось безъ Владиміра Соловьева. Въ то же время былъ у насъ и особенный «русскій» уклонъ и христіанскій. Съ христіанствомъ насъ сближалъ какъ бы *свѣтъ* нашихъ душевныхъ устрѣмленій и ихъ музыка. Но мы были литературный кружокъ, а не религіозно-философскій.

* *
*

Все это прошло; но хорошо, что было. Вспоминая Москву, всегда вспоминаешь свѣтлую горячку «Зорь». Молодость, братская дружба, энтузіазмъ, – не такъ это ужъ мало. И если для литературы – песчинка скромная «Зори», то для живыхъ людей, вотъ для нашихъ душъ, это время есть нѣчто.

Годы насъ разбросали – и міровыя потрясенія. Много лѣтъ ничего я не слышу о В. Высоц-

// л. 73

комъ, Пшесмыкѣ «Зорь». Горькое чувство мнѣ говоритъ, что всего вѣрнѣе сложилъ онъ, бѣлый офицеръ, свою головушку гдѣ-нибудь подъ Ростовомъ. Діесперовъ, если живъ, трудится въ глубинѣ Россіи. Остальные мы разбросаны по всему свѣту. Москва, Россія, Франція, Германія, Чехословакія, Америка... Міръ такъ просторень.

// л. 74

Молодость – Иванъ Бунинъ

Можно ошибиться въ годѣ, когда встрѣтились. Но не ошибешься въ томъ, что была зима. Неопалимовскій переулокъ, звѣзды на ночномъ небѣ, огненно-сухая, снѣжная пыль изъ подъ копытъ «рѣзваго». Яркій свѣтъ, тепло, запахъ шубъ въ передней профессора Р. Хозяинъ, нестарый еще психіатръ съ волнистыми волосами, въ бѣломъ галстукѣ (при пиджакѣ), пѣлъ въ гостиной у рояля, громко и смѣло:

«Цѣловался крѣпко... да-а... съ твоей же-е-ной!» (Схватывая себя при этомъ за кокъ на лбу).

Въ столовой молодежь – не то художники, не то студенты, не то поэты, не весьма основательныя дамы, и съ черными кудерьками, карими чудесными глазами сама хозяйка, Любочка Р. Всѣ эти Зиночки, Лены, Васеньки – ея пріятели. У Любы тяготеніе къ модерну. У нея встрѣтишь и Бальмонта, и Балтрушайтиса.

Она читаетъ «Симфоніи» Андрея Бѣлаго. И ея братъ, Георгій, только что вернувшійся изъ Сибири, вскорѣ разовѣетъ свой «мистическій анархизмъ».

// л. 75

Психіатръ занимался циркулярнымъ психозомъ, ѣздилъ въ клиники на Дѣвичье Поле, на дому лѣчитъ гипонозомъ (больше пьяницъ). Принималъ у себя молодежь. Относился къ читателямъ «Симфоніи» съ благодушной снисходительностью, частью какъ къ пациентамъ. Но задавала тонъ Люба – ласковостью, весельемъ, одивленіемъ. Весь этотъ кругъ литературно-артистическій носилъ оттѣнокъ легкой беззаботной художнической богемы.

Такъ же шумѣли, хохотали и танцовали въ промежуткахъ между пѣніемъ и въ тотъ вечеръ, когда въ столовой, подъ рулады баритона, изъ гостиной, впервые увидалъ я Бунина. Онъ сидѣлъ за стаканомъ чая, подъ яркимъ свѣтомъ, въ сюртукъ, трехугольныхъ воротничкахъ, съ бородкой, боковымъ проборомъ всѣмъ теперь извѣстной остроугольной головы – тогда русо-каштановой – изящный, суховатый, худощавый. Ласково блестя на него глазами, встряхивая черными завитками волосъ, улыбалась изъ-за самовара Любочка.

Пѣніе оборвалось, раздались аплодисменты. Психіатръ быстро вошелъ въ столовую, оглядѣлъ всѣхъ побѣдоносно. Налилъ стаканъ воды изъ стекляннаго кувшина, залпомъ выпилъ, надышавъ туда. Поправилъ шевелюру и, сверкнувъ мужицкими своими глазаками, весело спросилъ:

– Ну, какъ?

Это относилось къ пѣнію. Всѣ заплодировали, онъ тронулъ бѣлый безсмысленный галстукъ и на лакированныхъ ботинкахъ прослѣдовалъ въ

// л. 76

кабинетъ, гдѣ какойнибудь Васенька выяснялъ отношенія съ какойнибудь Зинойчкой.

Этотъ свѣтъ и тепло квартиры, бѣлизна скатерти, любвины кудряшки, молодое оживленіе вокругъ, остроугольный, элегантный Бунинъ – такъ и смѣшались въ памяти съ морозной ночью и звѣздами надъ Москвой – въ ощущеніи остропоэтическомъ.

* *

*

Встрѣтились мы будто бы случайно. Но принадлежа къ одному кругу, занимаясь однимъ дѣломъ, не могли и далѣе не встрѣчаться. Видѣлись у Леонида Андреева, Телешова, Сергѣя Глаголя. А тамъ Литературный кружокъ, ресторанъ «Прага»...

Пестрой и шумной, легкой и радостной кажется теперь жижзнь тогдашней Москвы. Можетъ быть, просто молодость? Необучайное по силѣ чувство жизни?

Но – и само время: какое привольное, сколь подходящее для артистического! Какой интересъ къ литературѣ! Сколько молодыхъ дарованій... Сколько споровъ, волненій, чтеній, удачъ и неудачъ, изящныхъ женскихъ лицъ, зимнихъ санокъ, блеска ресторановъ, познихъ возвращеній...

Иванъ Алексѣичъ жилъ тогда по гостиницамъ: въ номерахъ «Столица» на Арбатѣ (рядомъ съ «Прагой»), позже въ «Лоскотной» и «Большомъ Московскомъ».

// л. 77

Осѣдлости не любилъ Бунинъ, – ныне здѣсь, завтра ужъ въ Петербургѣ, а то въ Крыму – или, вдругъ, взяли да и уѣхали они съ Найденовымъ, а Рождество въ Ниццу – тогда визъ не требовалось!

Живя въ Москвѣ, бывалъ и у насъ, по разнымъ Остроженкамъ, Спиридоновкамъ, Благословскимъ и Благовѣщенскимъ. Подъ знакомъ поэзіи и литературы входилъ въ мою жизнь: съ этой стороны и остался въ памяти. Всегда въ немъ было обаяніе художника – не могло это не дѣйствовать. Онъ былъ старше, опытнѣе и сильнѣе. Я нѣсколько его боялся, и по самолюбію юношескому ревниво себя оберегалъ. Мы говорили очень много – о стихахъ, литературѣ, модернизмѣ. Много спорили – съ упорствомъ и горячностью, каждый отстаивая свое – въ глубинѣ же, подспудно, ловили почти одно и то же. Но онъ уже сложился, я лишь слагался.

На «Средахъ» слушали чужія вещи и свои читали. Леонида Андреева, милого Сергѣя Глаголя я не стѣснялся.

Но вотъ Бунинъ именно меня «стѣснялся». И тогда уже была въ немъ строгость и зоркость художника, острое чувство слова, острая ненависть къ излишеству. А время, обстановка, какъ разъ подталкивали писателя начинающаго «запускать въ небеса ананасомъ» (Бѣлый). Но когда Бунинъ слушалъ, иногда вразы застревали въ горлѣ.

Разъ, выѣхавъ вечеромъ изъ Москвы въ Петербургъ – иванъ Алексѣевичъ, я, и жена моя,

// л. 78

занимались мы въ вагонѣ, часовъ до десяти вечера, чтеніемъ вслухъ: онъ читалъ стихи, я рассказъ (везъ его въ «Шиповникъ»). Именно тамъ, съ глазу на глазъ, въ купѣ второго класса Николаевской дороги, при смутномъ свѣтѣ свѣчи, сильно мигавшей, неповторимомъ запахѣ русскаго вагона, неповторимо-плавномъ ходѣ поѣзда Имперіи и ощущалъ явя давленіе въ горлѣ – на сомнительныхъ словесныхъ виражахъ. Поѣздъ неукоснительно-покойно шелъ зимними нашими полями. Тепло струилось по коридору, занавѣска на фонарикѣ покачивалась – полные своихъ плановъ, стремленій и чувствъ мы летѣли къ туманному Петрограду.

*

«Почему вы грустны? Почему сегодня такой молчаливый?» спрашивал меня иногда в «Средах» Бунинь.

Въ молодости грусть, и замкнутость – не проявление ли силъ еще бродящихъ, неуверенныхъ? Робости, гордости?

Во всякомъ случаѣ, простыя слова старашго, взглядъ сочувственный, – какъ то оживляли. И хотя отвѣчалъ я не совсѣмъ складно и продолжалъ молчать, вес же это облегчало, и вотъ *запомнилось*. Значить, было на пользу.

Въ одинъ апрѣльскій вечеръ «Среда» собралась у Сергѣя Глаголя въ Хамовникахъ.

Кто тогда читалъ, я не помнѣ. Но въ этой самой квартирѣ, гдѣ изъ окна видна была калан-

// л. 79

ча, а въ комнатахъ – смѣсь акушерства съ литературой и этюдами Левитана, и подарилъ мнѣ въ тотъ вечеръ Иванъ Алексѣевичъ только что вышедшую книгу: «Пѣснь о Гайаватѣ», въ своемъ переводѣ.

Мы всегда ужинали послѣ чтенія, засиживались позно. Извозчики громыхали, развозя по Москвѣ полусонной – кого въ Лоскутную, кого на Чистые пруды. А кто пѣшкомъ брелъ. Я именно такъ и мѣрилъ пространство къ Молчановкѣ, тамъ въ домѣ Сусоколова, въ деревянномъ особнякѣ снималъ антресольную комнату за пятнадцать рублей – съ лежанкою, тополемъ за окномъ, выходившимъ на переулокъ Годеинскій, гдѣ за угломъ, на Арбатѣ, и жилъ Бунинь въ «Столицѣ». Отсюда ходилъ я въ Спасо-Песковскій къ будущей своей женѣ, сюда, по скрипучей лѣсенкѣ, забѣгала и она.

Теплое было утро, влажное, тихое... – съ каплями росы, благоухающими почками тополевыми. Можетъ быть, слегка даже дождикъ накрапывалъ? Шель третій часъ, четвертый. Помню, сидѣлъ у окна раскрытаго, и читалъ эту «Гайавату», и мечталъ о чемъ то, восхищенный, взволнованный. И совсѣмъ стало свѣтло... – а еще что?

И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

Только и всего. Поэзія была. И что отъ нея произростало въ сердцѣ.

// л. 80

* *

*

Въ домѣ Армянскихъ, кораблемъ воздымавшимся на углу Спиридоновки и Гранатнаго, позже мы жили. Надъ переулкомъ свѣшивались вѣтви чудесныхъ тополей и липъ особняка Леонтьева. Недалеко отъ насъ домъ Рябушинскаго, съ собраніемъ иконъ. Недалеко и церковь Вознесенія, гдѣ Пушкинъ вѣнчался – бѣлая, огромно-плавная, съ куполомъ-небосводомъ^{*)}.

Въ домѣ Армянскихъ много у насъ уже бывало народу, во главѣ съ тою же Любочкой Р., и профессоръ заглядывалъ, и Бальмонтъ, Сологубъ, Городецкій, Чулковъ, Андрей Бѣлый... – и всѣ Зиновки, Васеньки, Машеньки прежнихъ временъ. И Муратовъ, и Стражевъ, Койранскій, Высоцкій – сверстники и сотоварищи писанья. Иногда спалъ на турецкомъ диванѣ З. И. Гржебинъ, «Шиповникъ», мой первый издатель, пріѣзжавшій изъ Петербурга. Какъ «неаріецъ» не имѣлъ въ Москвѣ прева жительства – останавливался у насъ.

И, конечно, бывалъ здѣсь Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Духъ былъ богемскій и безтолковый. Путано, шумно, нехозяйственно – но весело. И весьма молодо. Въ сущности, то же, что и у Любочки Р., только безъ пѣнія и циркулярнаго психоза. И съ преобладаніемъ литературы, еще

// л. 81

Большимъ на ней удареніемъ. Очень много читали здѣсь вслухъ ѣ и я самъ, и другіе. И Бѣлый, и Бунинъ. Старше насъ, но отчасти межъ Зиновекъ, Любочекъ, Діесперовыхъ и Грифцовыхъ молодѣя, читалъ Бунинъ стихи... Вновь насъ обольщала. «Острый Сиріусъ блисталъ», олень мчался средь чащу зимнюю, въ лунную ночь волки брели по снѣгамъ къ гумну. Или:

Старыхъ пердковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычу жду. Скудна,
Жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я смѣло въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна.

Силы жизни, жажды жизни много въ немъ было въ тѣ годы.

На одномъ сборищѣ такомъ встрѣтилъ онъ у насъ тихую барышню съ леонардовскими глазами, изъ старинной дворянской семьи... Вѣра Николаевна Муромцева жила у родителей въ Скатерномъ, училась на курсахъ, вела жизнь степенную и просвѣщенную. Съ женой моей была въ давешнихъ хорошихъ отношеніяхъ.

Тотъ вечеръ закончился частью въ Литературномъ Кружкѣ, частью въ Большомъ Московскомъ – очень поздно, и врядъ ли могъ кто либо тогда подумать, что недалеко время, когда обратится Вѣра Николаевна Муромцева въ Вѣру Николаевну Бунину.

---

^{*)} Нынѣ разрушена.

Но это именно и случилось. И весной слѣдующаго года уѣхали они въ дальнее путешествіе.

* *
*

Помню чтеніе «Астмы» въ домѣ Муромцевыхъ, въ комнатѣ Бунина съ гильзами, табакомъ – комнатѣ какъ бы помѣщичьяго дома (только ружей на стѣнѣ не хватало, да лягавой собаки). «Деревню» читалъ авторъ нѣсколько вечеровъ, въ столовой, подъ висячей лампой, тоже по-деревенски. Слушали: братъ Юлій, Телешовъ, покойный Грузинскій, да мы съ женой. Это было уже другое – новая полоса въ писаніи его, да и въ жизни иное пришло. Онъ крѣпъ, росъ, временно отходилъ отъ лиризма болѣе молодыхъ лѣтъ. Черезъ два-три года выбрали его въ Академію, по разряду изящной словесности, и мы бурно отпраздновали это событіе въ московской «Прагѣ». Нѣсколько позже – 25-лѣтній его юбилей, тоже очень торжественно, на всю Москву, чуть не цѣлую недѣлю. Это значить, уже «маститый», академикъ...

Жизни же наши шли, какъ кому полагалось. Вмѣстѣ приближались мы къ рубежу, въ грохотѣ и огнѣ котораго погибло все прежнее – кромѣ таинственныхъ слѣдовъ въ памяти и душѣ. Къ нимъ и обращаешься теперь, какъ бы изъ другого міра...

Юлій Бунинъ

Москва богата улицами, переулками. Ихъ имена порой причудливы. «Середа» примѣнила этотъ словарь къ шуточнымъ кличкамъ своихъ сочленовъ. Телешовъ назывался «Уголь Денежнаго и Большой Лѣнивки», Сергѣй Глаголь (за краснорѣчіе) – «Бреховъ переулочъ», Гольцевъ – «Бабій городокъ», Андреевъ – «Ново-Проектированный». У Ивана Бунина прозвища не было, но его брата Юлія съ отдаленныхъ временъ окрестили «Старо-Газетнымъ» переулкомъ.

Юлій Алексѣевичъ никогда въ Газетномъ не жилъ и въ газетахъ не писалъ. Онъ былъ редакторомъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія» изъ Староконюшеннаго переулка. Знающіе говорили, что это лучший педагогическій журналъ. Мы, несвѣдушіе могли только утверждать, что журналъ помѣщается по лѣвой сторонѣ Староконюшеннаго, во флигелѣ особняка Михайлова. Юлій Алексѣевичъ всегда сидитъ въ своей квартиркѣ-редакціи – на стѣнѣ св. Цецилія – читаетъ рукописи, пьетъ чай и куритъ. Изъ окна видна зелень Михайловскаго сада, въ комнат-

какъ очень чисто, тихо, если зайти часовъ въ двѣнадцать, то весьма вѣроятно, что тамъ и Иванъ Бунинъ, и что они собираются въ «Прагу» завтракать.

Юлій Алексѣвичъ невысокъ, плотень, съ бородкой клинушкомъ, небольшими умными глазами, крупной нижней губой, когда читаетъ, надѣваетъ очки, ходитъ довольно мелкимъ шагомъ, слегка выбрасывая ноги въ стороны. Руки всегда за спиной. Говоритъ баскомъ, основательно, точно продалбливаетъ что-то, смѣется очень весело и простодушно. Въ молодости былъ народовольцемъ, служилъ статистикомъ, а потомъ раполнѣлъ и предсталъ законченнымъ обликомъ русскаго либерала.

– Юля, – кричала ему въ Литературномъ Кружкѣ веселая молодая дама. – Я васъ знаю, вы изъ либерализма красную фуфайку носите!

Юлій Алексѣвичъ подхохатывалъ своимъ скрипучимъ баскомъ и увѣрялъ, что это «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности».

Былъ онъ, разумѣется, позитивистомъ и въ науку «вѣрилъ». Жилъ спокойной и культурной жизнью, съ очень общественнымъ оттѣнкомъ: состоялъ членомъ безчисленныхъ обществъ, комиссій и правленій, засѣдалъ, «заслушивалъ», докладывалъ, выступалъ на съѣздахъ, и т. п. Но пошлостей на юбилеяхъ не говорилъ. Нѣжно любилъ брата Ивана – нѣкогда былъ его учителемъ и наставникомъ, и теперь жили они хоть отдѣльно, но видались постоянно, вмѣстѣ ѣздили въ Кружокъ, на Середу, въ «Прагу». На

// л. 85

Середѣ Юлій Алексѣвичъ былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и любимыхъ сочленовъ, хотя и не обладалъ громкимъ именемъ. Его спокойный и благородный, джентльменскій тонъ цѣнили всѣ. Что-то основательное, добротное, какъ хорошая матерія въ дорогомъ костюмѣ, было въ немъ, и съ этимъ нельзя было не считаться. Когда Серeda выступала какъ-нибудь общественно, Юлій Алексѣвичъ всегда стоялъ во главѣ.

Онъ не сотрудничалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и это странно, ибо именно «Юлій», какъ мы его дружески называли, являлъ собой типъ «Русскихъ Вѣдомостей», онъ потому и назывался «Старо-Газетнымъ», что носилъ въ себѣ воздухъ, дыханіе нѣкоего міра. «Юлій» былъ мѣра, образецъ и традиція. Въ сущности, по немъ одному, по его рѣчи, сужденіямъ, засѣданіямъ, заграничнымъ поѣздкамъ, можно было почувствовать всю ту жизнь, все то время.

* *

*

Узнавъ объ объявленіи войны, онъ впалъ въ тяжелое уныніе.

– Мы погибли, – сказалъ въ іюль 1914 года брату Ивану.

Дальнейшему, видимо, уже не удивлялся. По странному упорству не захотѣлъ ѣхать съ братомъ на югъ въ 1918 году и остался въ Москвѣ – наблюдать

гибель міра, къ которому принадлежалъ, и подъ который самъ закладывалъ нѣкогда динамитный патронъ.

// л. 86

Нельзя было во времена моей молодости представить себѣ дня, когда не вышли бы «Русскія Вѣдомости». Трудно себѣ вообразить и то, чтобы Юлій Алексѣевичъ не засѣдалъ во флигелькѣ Михайловскаго дома надъ корректурами «Вѣстника Воспитанія». И однако, все это случилось. Люди съ красными флагами выгнали людей въ красныхъ фуфайкахъ. «Исторія» предстала въ нѣкій часъ просто и грозно, опрокидывая и давя «джентльменскій» укладъ, тонкой пленкой висѣвшій надъ хаосомъ.

Надвигались страшныя зимы 19-20 годовъ. Тутъ не до Середы, не до литературы. Только бы не погибнуть! Середа къ этому времени понесла уже большой уронъ: умеръ Леонидъ Андреевъ, умеръ и Сергѣй Глаголь, и Тимовскій. Иванъ Бунинъ уѣхалъ на югъ. Я въ Москву лишь наѣзжалъ, изъ деревни. Юлія Алексѣевича встрѣчалъ, но не часто. Ни «Русскихъ Вѣдомостей», ни «Вѣстника Воспитанія» уже не существовало. «Юлій» былъ грустенъ, недомогалъ. Пальто его совсѣмъ обтрепалось, шапочка также. Изъ Михайловскаго флигелька его выжили. Что сдѣлали со Св. Цециліей? Вѣроятно, сожгли въ печуркѣ (но она вѣдь, и есть Дѣва-Мученица). Какъ и всѣ, жилъ онъ впроголодь.

Въ 1920 году, когда я перебрался вновь въ Москву, здоровье Юлія Алексѣевича было ужъ совсѣмъ неважно. Нужнъ былъ медицинскій уходъ, лѣченіе, правильное питаніе... – въ тогдашней-то голодной Москвѣ!

// л. 87

Послѣ долгихъ хожденій, обиванья пороговъ его устроили въ сравнительно приличный домъ отдыха для писателей и ученыхъ въ Непаломовскомъ. Тамъ можно было жить не болѣе, кажется, шести недѣль. (Мѣсто, гдѣ написана извѣстная и, въ своемъ родѣ замѣчательная, «Переписка изъ двухъ угловъ» Вяч. Иванова и Гершензона – тоже памятка русскихъ бѣдствій). Раза два ему срокъ продлили, но потомъ пришлось уступить мѣсто слѣдующему, перебраться въ какой-то пріютъ для стариковъ въ Хамовникахъ.

Я былъ у него тамъ въ теплый іюньскій день. «Юлій» сидѣлъ въ комнатѣ грязнаватаго особняка, набивалъ папиросы. На желѣзныхъ кроватяхъ съ тоненькими тюфячками валялось нѣсколько благодѣленскихъ персонажей. Мы вышли въ садъ. Прошлись по очень заросшимъ аллеямъ, помню, зашли въ какую то буйную, глухую траву у забора, сидѣли на скамеечкѣ и на пенекѣ. «Юлій» быль очень тихъ и грустенъ.

– Нѣтъ, – сказалъ на мои слова о братѣ, – мнѣ Ивана ужъ не увидѣть.

Этотъ свѣтлый московскій день, съ запущеннымъ барскимъ садомъ, нѣжными облаками, съ густотой, влагой зелени, съ полуживымъ Юліемъ

Алексѣвичемъ, остался однимъ изъ самыхъ горестныхъ воспоминаній того времени.

Черезъ нѣсколько дней «Юлій» обѣдалъ у меня въ Кривоарбатскомъ. Обѣдалъ! Въ комнатѣ, гдѣ жена стряпала и стирала, гдѣ я работала, а

// л. 88

дочь училась, онъ съѣлъ тарелку супа и, правда, кусочекъ мяса.

– Какъ у васъ хорошо! – все говорилъ онъ. – Какъ вкусно, какая комната!

Больше живымъ я его уже не видалъ.

* *

*

Въ іюль представитель нашего Союза добился отъ власти, чтобы Юлія Алексѣвичича помѣстили въ лѣчебницу. Назначили больницу «имени Сѣмашко» – «лучшее, что мы можемъ предложить». Когда племянникъ привезъ Юлію Алексѣвичича въ это «лучшее», то врачъ задумчиво сказалъ ему: – Да, что касается медицинскаго ухода, у насъ вполне хорошо... но знаете... кормить то больныхъ нечѣмъ.

Юлій Алексѣичъ, впрочемъ, не затруднилъ собою, своей жизнью и питаніемъ хозяевъ этого заведенія: онъ просто умеръ, на другой же день по пріѣздѣ.

Мы хоронили его въ Донскомъ монастырѣ, далеко за Москва-рѣчкой, тоже въ сіяющей, горячей день, среди зелени и цвѣтовъ. Старые друзья, остатки Середы, всѣ явились поклониться сотоварищу, въ горькій часъ Россіи уходившему. Онъ лежалъ въ гробу маленькій, бритый, такой худенькій, такъ непохожій на того «Юлія», который когда-то скрипучимъ баскомъ говорилъ на банкетахъ рѣчи, представлялъ собой «русскую прогрессивную общественность», редактировалъ сборникъ Середы, или забравшись съ

// л. 89

Ногами на кресло, подперевъ обѣими руками голову. Такъ что все туловище наваливалось на столъ, читалъ и правилъ въ Староконюшенномъ статьи для «Вѣстника Воспитанія».

// л. 90

II.

// л. 91

“Дѣло богемы”

«Утромъ нѣжность, сверхземное успокоеніе ассизи открылись и глазамъ моимъ. Теперь, съ высоты того же балкона я увидѣлъ то, что такъ таинственно молчало вчера. Я увидѣлъ дѣятеля этого молчанія, это была воздушная бездна въ блѣдныхъ, перламутрово-сиреневыхъ тонахъ. Священная долина Умбріи! Тонкій туманъ стелется въ ней по утрамъ, заволакивая скромныя селенія: тѣ какъ бы евангельскія Бетоны и Беваньи, близъ которыхъ проповѣдывалъ Святой Бѣднякъ».

Вотъ настроеніе счастливаго паломничества, которое совершали мы, въ простенькихъ условіяхъ, но съ большимъ одушевленіемъ, осенью 1910 г. Молодость, беззаботность, склонность къ восторженности. Венеція, Римини, Ассизи...

На возвратномъ пути остановились во Флоренціи. Прелестень былъ, какъ всегда, городъ. Полны, изящны дни.

«И тихо жизни быстротечной
«Надъ нами пролетала тѣнь.

// л. 93

Въ одинъ изъ этихъ дней подали мнѣ телеграмму изъ Москвы.

– «Vieni subito difendere Vittorio».

Плѣтъ В. С., очень близкій мнѣ тогда человѣкъ, находился въ это время въ Пизѣ. Какъ могъ я его защищать? И отъ кого? Почему надо было немедленно возвращаться въ Москву?

Вечеромъ на площади Виктора Эммануила, въ кафэ, гдѣ прислуживали официанты въ красныхъ фракахъ, я прочелъ, что Бурцевъ раскрылъ въ литературной богемѣ Москвы грандіозную провокацію: ея душой была Ольга Путята. Она оговорила Бурцеву своего гражданскаго мужа, небезызвѣстнаго московскаго литератора С. – онъ, якобы, соучаствовалъ въ ея дѣлахъ. Вотъ почему надо возвращаться. «Рѣчь» перепечатала это изъ «Русскихъ Вѣдомостей». «Русскія Вѣдомости» считались въ Москвѣ верхомъ солидности. Если *тамъ* появилось, значитъ, правда. Какъ защищать? Чѣмъ опровергнуть утвержденіе: «онъ тоже зналъ, и помогалъ, и пользовался отъ меня деньгами?»

Если въ Москвѣ *повѣрятъ*, человѣкъ убить. Всѣ отвернутся отъ него. Ни одна его строчка не появится въ печати. Никто не подастъ ему руки.

Кончилось наше мирное путешествіе. Началась «жизнь». Надо было въ нее возвращаться.

// л. 94

* *
*

Литературная молодежь того времени связь съ революціей имѣла. Революція считалась носительницей свободы противъ произвола. Революція заступалась за

низшихъ. Въ революціи, наконецъ, было извѣстное воодушевленіе. Императорскій же режимъ медленно, но безостановочно разлагался. Молодежи естественно хотѣлось новаго, свѣжаго и патетическаго.

Патетизмъ-то оказался жалкимъ, «новые» людиубогими, но подъ тогдашнюю линію все это сходило. Извѣстный гипнозъ былъ. Почему нибудь вѣдь давали мы свои квартиры подъ «явки»? Таинственныя личности съ «паролями», «литературой», иногда шрифтами и обоями появлялись-же въ четвертомъ этажѣ дома на углу Арбата? Шумѣли, спорили, раздавали приказанія, оставляли въ комнатахъ поразительный беспорядокъ, и были за рѣдкими исключеніями удивительно непріятные люди, говорившіе на жалкомъ жаргонѣ («массовка», «столовка», «отзовизмъ» и т. д.), – безпредѣльно самоувѣренные, но не показавшіе еще когтей во всю. Въ то время, по молодости лѣтъ, я иногда удивлялся, какъ это насъ не арестуютъ: идешь по Арбату, и видишь «типа» въ синей рубашкѣ подъ жилетъ, въ широкополой бандитской шляпѣ – он поворачиваетъ въ переулокъ... и я встрѣчаю его у себя на квартирѣ. Но вѣдь слѣпому-же ясно, что эти подозрительныя, и такъ рѣзко выдѣляющіяся фигуры не зря явля-

// л. 95

ются. Почему-же имъ позволяютъ собираться такъ открыто? Позже все разъяснилось.

Наша личная связь съ революціей была поверхностна. Нѣкоторые-же изъ друзей моихъ вклинились въ нее крѣпче – по сердечнымъ дѣламъ. Тутъ то и появляется Путьта.

Наше съ нею знакомство восходитъ къ 1904 г. Она сблизилась тогда съ моимъ пріателемъ В. В., переводчикомъ Пшибышевскаго, Тетмайера и другихъ. Они поселились вмѣстѣ, въ изящной и пріятной квартиркѣ, на Долгоруковской – Ольга Федоровна всегда заводила уютъ, сама была эlegantная и миловидная маленькая женщина. Происхожденіемъ изъ западнаго края, полу-полька, хорошо «стелилась подъ стопы паньски», хорошо одѣвалась, была привѣтлива и образована. Тоненькая фигурка съ красивыми карими глазами. В., ея друга, мы называли Пшесмыцкимъ, или просто «Пшесмыкой» – Пшесмыка былъ музыкантъ, тонкая и даровитая натура, его миңдалевидные глаза и нѣсколько индусскій обликъ несли въ себѣ извѣстную пряность: нѣчто среднее между «индусскимъ гостемъ» изъ оперы и московскимъ Пшибышевскимъ. Разумѣется, онъ много пилъ. Но много и работалъ. Ольга Федоровна отлично имъ владѣла, и они жили, несмотря на его богемскую непутевость, довольно ладно.

Но времена измѣнились. О. Ф. «разлюбила» Пшесмыку и сошлась съ нашимъ общимъ другомъ В. С. Ихъ жизнь, однако, хуже сложилась.

// л. 96

С. не былъ такъ мягокъ и удобенъ для управленія. Самолюбивый и съ характеромъ, очень умный, по образованію филологъ, бросившій учительство для

литературы, онъ попалъ въ самую горячку начала вѣка. Вокругъ дѣлались быстрыя и шумныя литературныя карьеры. Ему выбиться не удавалось. Изъ скромнаго учительскаго быта онъ попалъ въ кипѣніе богемы, въ новую жизнь съ Литературнымъ Кружкомъ, собраніями, лекціями, пестротой и сутолкою ресторановъ, въ кругъ изящныхъ женщинъ, легкихъ романовъ, въ ту нарядную пѣну, которой было тогда такъ много. Для Путяты онъ оставилъ семью, дѣтей. Но и съ ней жизнь его оказалась тяжелой. Ссоры, ревность, съ ея стороны – даже попытки самоубійства.

Еще зимою 1910 г. по Москвѣ пошли слухи о «подозрительности» Путяты. Помню вечеръ, когда мнѣ и женѣ сообщили, что Путята считается предательницей. Помню ощущение оцѣпенѣнія... Ольга Федоровна, которая у насъ-же устраивала явки, у которой мы иногда ночевали, которая при насъ переправляла кого-то за границу (и сходило удачно!), наконецъ, съ кѣмъ жена моя на ты... Правда, она всегда была лживой, могла и ластиться, и хорькомъ куснуть (вообще походила на коварнаго звѣрька польской закваски) – все-же предательство?

– Кто и чѣмъ можетъ его доказать?

Доказательствъ прямыхъ не было. Но изъ партіи ее уже, кажется, удалили. Не то, что «разоблачена», а «подозрительна».

// л. 97

– Да, рѣшили мы: но, можетъ быть, просто слухи? Сплетни? Какъ-же такъ вдругъ Ольга Федоровна провокаторъ? Мало-ли что болтаютъ. Такія вещи надо доказывать.

В. С. также – и съ негодованіемъ – обвиненіе отвергъ.

Положеніе осталось неяснымъ. Время шло, улики не являлись. Но Путята худѣла, мрачнѣла, замыкалась въ себѣ. Личныя ихъ отношенія становились все хуже.

Однажды весною С., засидѣвшись у меня вечеромъ, сказалъ:

– Проводи меня до дому. Мнѣ что-то очень грустно. Оля все грозитъ покончить съ собою и отомстить мнѣ такъ, что и въ голову не придетъ.

Его жизнь въ это время тоже приняла нѣсколько болѣзненный оттѣнокъ. Онъ много игралъ въ карты. Много волновался изъ-за литературныхъ неудачъ. Имѣла она основаніе и ревновать его.

Лѣтомъ, въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ ней, на случайныя деньги (онъ игралъ на бѣгахъ, скачкахъ), С. уѣхалъ въ Италію, съ нашей легкой руки входившей въ моду. Путята – въ Парижъ. Тамъ и созналась Бурцеву, что уже нѣсколько лѣтъ служить въ охранѣ и... – вспомнила угрозу! – что и С. знаетъ объ этомъ, помогаетъ и пользуется ея деньгами. Бурцевъ все это сообщилъ печати.

// л. 98

*

Мы мгновенно собрались изъ Флоренціи. Въ Москвѣ картина оказалась тяжелой. Да, такъ и вышло, какъ мы предполагали: кромѣ ближайшихъ друзей всѣ отвернулись отъ С. Раньше я не видалъ, чтобы нравственное страданіе такъ искажало физически. С. сталъ какой-то иной, измѣнился цвѣтъ лица его, звукъ глоса, выраженіе глазъ. Всегда-то худой, теперь онъ обратился въ трость. На тоненькой шеѣ нѣсколько набокъ, сидѣла голова съ сѣрыми, на выкатѣ, замученными глазами. Онъ сразу прекратилъ всѣ уроки, всѣ литературныя дѣла и всѣ знакомства.

Предстояла борьба. Пятеро его друзей подписалось подъ вызовомъ «Русскимъ Вѣдомостямъ». Вызовъ появился въ «Русскомъ Словѣ». Мы въ страстной формѣ удостовѣряли лживость обвиненія и свидѣтельствовали о порядочности С.^{*)} Онъ-же потребовалъ третейскаго суда.

Если бы газета не пошла въ судъ, оставалась только дуэль. Косвенно это надо было понять – «Русскія Вѣдомости» на третейскій судъ пошли.

* *

*

Вспоминая ту зиму, ничего не помню въ ней кромѣ этого «дѣла богемы». Оно стало кров-

// л. 99

нымъ моимъ дѣломъ. *Моего* друга безчестили. *Моя* квартира оказалась «свѣтлымъ пятномъ для охраннаго отдѣленія» (на этихъ то «явкахъ» и выслѣживали кого надо. Вотъ почему насъ и не арестовывали!). Вся наша литературная группа прямо или косвенно задѣта. Если С. могъ *знать* о ремеслѣ своей жены и продолжать съ ней жизнь, то каковъ онъ, какова среда, каковы мы всѣ...

Въ обществѣ приходилось сражаться постоянно.

– Позвольте, – говорили намъ, – Путята служить въ охранѣ, получаетъ жалованье, мужъ втеченіе двухъ лѣтъ ничего не замѣчаетъ? Ну, это сказки! А откуда-же у нея деньги, онъ не соображалъ?

Надо сказать, что жила Путята довольно таинственно. Считаюсь членомъ партіи, куда-то иногда отлучалась «по партійнымъ» дѣламъ, ночевала дома не всегда, вела «конспиративныя» знакомства, и т. д. Услѣдить за ней было-бы нелегко. Деньги ей будто-бы присылали родные. Она хорошо одѣвалась, и при врожденной лживости отлично обманывала не только С., но и нашихъ, болѣе искушенныхъ дамъ насчетъ цѣны своихъ туалетовъ («по случаю», «на распродажѣ», и т. д.). Да и получала она немного. Какъ скупо платятъ за предательство! Сперва 35 руб. въ мѣсяць, а потомъ, ужъ на четвертый годъ – 100. «Серебренники» немногимъ превышали Іудины.

---

^{*)} Среди подписавшихъ – П. П. Муратовъ и тотъ самый В. В., отъ котораго Путята ушла къ С.!

Все это такъ. Но посторонніе не знали семейной жизни С., не знали, что именно весной ихъ отношенія вполнѣ разладились, не знали о ея истерической ревности и истерически-выросшей ненависти къ нему. Не знали и о прямой угрозѣ.

Начался судъ. Онъ былъ поставленъ серьезно. Предсѣдатель – Филатовъ, глава адвокатскаго сословія въ Москвѣ. Стороны – профессора, писатели, извѣстные юристы (Н. В. Давыдовъ). Засѣданія происходили на квартирѣ Филатова, въ обстановкѣ почти Окружного Суда. Разбиралось все по существу. Допросили море свидѣтелей. Запрашивали Бурцева и Бѣлоруссова (парижскаго корреспондента). Путята не пожелала ни подтвердить, ни опровергнуть своего показанія.

Засѣданія шли въ нервномъ, остромъ стилѣ. «Русскія Вѣдомости» взяли тонъ прокурора, стараясь топить С. Онъ яростно защищался и переходилъ постоянно въ нападеніе. Мы показывали тоже въ страстномъ тонѣ, всѣ приблизительно одно: С. честный человѣкъ, мы знаемъ его жизнь день за днемъ, провокаторша мстила изъ ревности, оговоръ голословенъ, и т. д. Позиція С. была такая: газета нарушила литературную этику, возводя вздорныя обвиненія. Она должна за это отвѣтить.

Съ обѣихъ сторонъ ставка была немалая. Этимъ и объяснялось упорство борьбы.

* *
*

В., на судѣ показавшій на С., жалѣлъ Путяту. Даже нѣсколько разъ съ ней видѣлся. Онъ считалъ, что она погибшій человѣкъ... – все-же, это была его прежняя любовь, да и «славянская мягкость» въ немъ говорила. И надо сказать, трудно, очень трудно зашить уже опозореннаго, уже распятаго преступника. Какая-бы Путята ни была, я вспоминая ея лицо за этотъ годъ позора и сравниваю съ прежнимъ: дорого ей обошлись тридцать пять сребрениковъ. Какимъ затравленнымъ звѣрькомъ выглядѣла она уже тогда, когда надъ ней только скоплялась туча подозрѣній!

Припоминаю одну ночь, еще до суда. Мы были въ Литературномъ Кружкѣ. Туда заѣхалъ и С. Мелькнула изящная фигурка О. Ф. Потомъ исчезла, неся уже за собой грузъ двусмысленныхъ взглядовъ. Черезъ полчаса С. вызвали къ телефону. Онъ вернулся бѣлый, съ дергавшимся на щекѣ мускуломъ: О. Ф. только что отравилась, вернувшись домой, но жива, ее отправили въ Старо-Екатерининскую больницу.

...Три часа ночи. Послѣ блеска, говора, вина, электричества – приѣмная больницы, холодные и темные коридоры. Едва свѣтитъ лампочка. Мы съ женою и

С. сидимъ и ждемъ. Сверху доносятся вопли, какая то полоумная икота. Ольгу Федоровну водятъ подъ руки по коридору, не давая заснуть – способъ борьбы съ остатками яда, только что выкачаннаго изъ желудка.

// л. 102

Мы тогда, по наивности, думали, что это послѣдствіе ссоры съ С. Но кажется, именно въ тот вечеръ въ клубѣ кто то ясно далъ ей понять, что ее подозрѣваютъ.

Въ зиму-же «процесса» она не появлялась ужъ нигдѣ. Болѣзненную, полудикую жизнь велъ и С. Онъ цѣлыми днями дремалъ у себя въ номерѣ, бессмысленно бродилъ по улицамъ, приходилъ ко мнѣ почти ежедневно – съ воспаленнымъ, какъ-бы пьянымъ лицомъ, горячими руками... При его мучительномъ самолюбіи, уже ранѣе растравленномъ неудачами, при недостаткѣ моральной силы, вести жизнь «человѣка съ пятномъ», «подсудимаго» было ужасно. Иногда мы демонстративно «вывозили» его на люди, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ (державшимся къ нему холодновато). Но чаще – играли въ шахматы, или обсуждали подробности будущихъ засѣданій, возможныхъ нападеній и отвѣтовъ. Онъ становился маниакомъ.

Въ эту самую зиму, столь для него горькую, наплась однако юная душа, совсѣмъ молоденькая дѣвушка, слѣпо въ него влюбившаяся именно потому, что онъ какъ бы «отверженный», что идя по Тверской въ своемъ зимнемъ пальто и мѣховой оленьей шапкѣ съ наушниками, онъ не знаетъ, поклонится-ли ему встрѣчный знакомый, или нѣтъ.

Эта дѣвушка вышла за него замужъ.

// л. 103

* *
*

«Дѣло» тянулось всю зиму. Иногда намъ казалось, что оно вообще никогда не кончится. Въ самомъ составѣ судей происходили перемѣны, мы думали, что они просто перемрутъ до окончанія его. Судьи распалились тоже очень. Споръ о текстѣ постановленія шелъ, кажется, чуть не мѣсяць.

«Приговоръ» оказался полной нашей побѣдой. Судъ выразилъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» порицаніе за неосторожность, съ какою они взвели тяжкое и бездоказательное обвиненіе на неповиннаго человѣка.

* *
*

Съ тѣхъ поръ прошло семнадцать лѣтъ.

Тѣ, кто тайкомъ ходили къ намъ на «явки», ѣздятъ теперь въ автомобиляхъ, живутъ въ Кремлѣ, носятъ почтенный титулъ убійцъ нашихъ дѣтей. Тѣ, кто тогда

волновались и спорили, друзья и враги – одинаково оказались в изгнании. «Русских Вѣдомостей» нѣтъ вовсе. Италия жива и всегда будет жить, всегда будет прекрасной Италией – но и она сейчас иная...

Въ анфиладѣ событій, катастрофъ и трагедій все рассказанное – песчинка. Но живые люди участвовали въ немъ, гибли, боролись и подымались – въ малыхъ размѣрахъ это и есть обликъ жизни.

// л. 104

Путята исчезла. Никогда больше не видалъ я ея хорьковаго лица, карихъ глазъ, элегантной фигурки. Весной 1911 г. ея портретъ, какъ «провокаторши» появился въ газетахъ рядомъ съ приговоромъ. И дальше – забвеніе. Изъ Москвы она куда-то уѣхала. Перекинулась ли въ революцію вновь, по иному, къ большевикамъ? Была-ли гдѣ-нибудь комиссаршей или нарядной чекисткой? Спекулировала-ли? Или служила шпионкой иностранной державы? Прощель слухъ, что большевики разстрѣляли ее. Это очень возможно. О, какъ крѣпко боролась – думаю – за жизнь эта маленькая, хитрая, остро-пронзительная и въ концѣ концовъ очень несчастная предательница.

И главное лицо пьесы... С. – Всяко въ жизни бываетъ. Онъ просто побѣды не выдержалъ. Или слишкомъ она запоздала? Страданья зимы раздавили его. Онъ уже не оправился. Впалъ въ глубокій мракъ. Все, какъ кошмаръ, преслѣдовали его подозрѣнія. Силы были *выше* людей у него не нашлось, въ Москвѣ онъ не удержался и, женившись, погрузился въ первоначальный свой бытъ – сталъ учителемъ въ провинціи.

Это былъ, одно время, ближайшій мнѣ человекъ. Мы любили другъ друга. Многое вмѣстѣ пережили, вмѣстѣ начинали литературный путь, даже вмѣстѣ жили. Станнымъ образомъ, то самое «дѣло богемы», въ которое оба мы столько вложили страсти, изъ котораго вышли побѣдителями – оно то и развело насъ...

Я не знаю объ С. ни звука.

// л. 105

Флоберъ въ Москвѣ

Нельзя сказать, чтобы у насъ хорошо знали Флобера. При жизни перевелъ двѣ его новеллы Тургеневъ («Легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ» и «Иродіаду»). Переводы эти очень полны, богаты, и какъ все, что писалъ Тургеневъ, проникнуты въ языкъ духомъ свободы, непринужденности – чѣмъ отъ самаго Флобера Тургеневъ очень отличался: во французскомъ писателѣ было гораздо больше суровой выработки, зашнурованности. Переводы Тургенева отличны. Все таки «Юліанъ» вышелъ тяжелѣе, менѣе музыкаленъ и шершавѣе, чѣмъ подлинный. Станнымъ образомъ, нарядъ нашего языка кажется нѣсколько грузнымъ для этой вещи!

«Госпожу Бовари» перевели еще в шестидесятых годах. Позже – «Сентиментальное воспитание», «Искушение св. Антония», «Саламбо» (тоже при жизни автора) – и очень плохо. По этим лубочным изданиям никак Флобера узнать нельзя.

Как следует начал он просачиваться к нам в девяностых годах – посмертно. Семи-

// л. 106

десятые, восьмидесятые были у нас глубоко провинциальны. Флобер не пришел бы к месту. Но в девяностых произошло некое освещение. Изменился подход к искусству. Ослабло давление «общественности». Художество заявило права нерушимые, как бы потребовало Великую Хартию вольностей – и получило ее.

Эту полосу мы по себе уже знаем, и не о ней речь. Но ее воздух оказался благоприятным для Флобера.

Одним из ранних его ценителей русских явился А. И. Урусов – дилетант-эстет, не профессионал, но человек тонкий и со вкусом. От блестящей адвокатской деятельности урывал он время для литературы. Прославлял Флобера в Москве среди писателей, артистов. Очень неплохо сам переводил отрывки из него. Флобера вознес в «Вечных спутниках» Мережковский (но сколь мне известно не переводил). Большими его поклонниками оказались Бальмонт и Бунин. К моему величайшему удивлению и Максими Горький.

* *
*

В 1904 году попался мне от К. Д. Бальмонта урусовский экземпляр «Искушения св. Антония». Бывает, что лицо человеческое сразу, необыкновенно понравится. Бывает так и с книгой. С первых же звуков, слов Флобера, ощутил я, что это мой. Я в него влюбился. Флобер на некоторое время стал моей

// л. 107

манией. Как истый влюбленный, я не допускал спора о нем, тем более – осуждения.

«Искушение св. Антония» вещь очень трудная, неблагодарная. В форме видения проходят в ней страны, народы, цари, ересяхи, красавицы, бьсы, учителя Церкви, зѣри, сам Дѣволъ. В концѣ Христосъ является въ дискѣ солнца, какъ бы обнимающая природу и мѣръ. Все это втиснуто въ триста страницъ. Движенія и развитія нѣтъ. Вещь глубокой внутренней горечи. И глубокой поэзіи. Держится вся на красотѣ слова. Некоторые звуки «Искушенія» доставляли мне

почти физическое удовольствіе... Но удовольствіе это – на любителя. Среди читателей немного поклонниковъ было у него – находили скучноватымъ, въ родѣ второй части «Фауста». Французской публикѣ, при появленіи своемъ, «Искушеніе» вовсе оказалось не по зубамъ. Русская могла судить лишь по отвратительному переводу, губившему все.

И вотъ мнѣ вздумалось перевести его на русскій. Предпріятіе очень рискованное, требовавшее большихъ знаній, силы въ собственной словесности и – крѣпости, зрѣлости. Всего этого явно не хватало. Приходилось брать увлеченіемъ.

Я взялся страстно. Засѣлъ въ Румянцевскомъ музеѣ за разныхъ гностиковъ, за Василидовъ, Валентиновъ, за словарь Миня, исторію Вавилона – и мало ли еще какой премудрости нѣтъ въ «Искушеніи!» – хотѣлось же, переводя любимаго писателя, знать все, о чемъ идетъ рѣчь. Одновременно читались и другія его вещи

// л. 108

«Бовари», «Саламбо», «Три новеллы». Много радостнаго и прекраснаго далъ этотъ романъ съ Флоберомъ, радость чистейшаго искусства, радость ученія, общенія съ великимъ художникомъ, столь простымъ, благороднымъ, одинокимъ. Среди зимы удавалось уѣзжать надѣли на три въ деревню, подъ Каширой, и въ отцовскомъ домѣ невозбранно трудиться надъ флоберовскимъ словомъ. Окно небольшой комнаты съ ковромъ на стѣнѣ надъ тахтой, съ рогами и ружьями на нихъ, голландской печью, всегда жарко натопленной, выходило на открытый балконъ. Лѣтомъ онъ тонулъ въ жасминъ. Теперь, въ декабрьскіе дни, метель завивала по немъ бѣлыя змѣи, онъ весь въ туманѣ, на стеклѣ окошка налипли снѣжные узоры, иглы, звѣзды, фантазіи не хуже таинственныхъ странъ Флобера. За небольшимъ столомъ бился нѣкто надъ трудными мѣстами мастера, искалъ, вставалъ, ходилъ... Метель трясла немолодую крышу дома, дергала ставни. Изъ окна тянуло холодомъ. Ритмическою прозой надо было описывать Царицу Савскую, Византію, Римъ, Египетъ. (Особенно хотѣлось передать звучаніе флоберовской прозы, ея музыку. На этомъ пути случалось пускаться и въ сомнительныя предпріятія, чрезмѣрно напрягая языкъ).

Поддерживало то, что самъ Флоберъ писалъ мучительно. Борьба, погоня его за словомъ (или фразой) были изумительны. Прелестны его художественскія бдѣнія въ Круассэ, въ одиночествѣ, манера самому себѣ вслухъ читать написанное...

// л. 109

Иногда ночью я просыпался, подъ тотъ же зимній, пустынный вѣтеръ, и въ ужасѣ вскакивалъ съ тахты: зажигалъ свѣчку, какъ гимназистъ недоучившій урокъ, бѣжалъ къ столу, смотрѣлъ въ рукописи – вдругъ да ошибся на такой то строчкѣ!

Работа шла медленно. Заняла не менѣе года. Раза три переводъ переписывался. Весь былъ испещренъ поправками, вставками, зачеркнутыми словами.

Лѣтомъ, отъ тѣхъ же Бальмонтовъ, получилъ я переписку Флобера, въ четырехъ томахъ: книги принадлежали Александрѣ Алексѣевнѣ Андреевой, сестрѣ супруги Константина Дмитриевича. Нынѣ Александры Алексѣевны нѣтъ въ живыхъ. Прекрасный человѣкъ, старый достойный литераторъ, прежняя Москва! – не могу безъ волненія вспомнить ея особнякъ въ Брюсовскомъ, ея книжные шкафы, ея самое – высокую, представительную даму, съ очками на кругловатомъ лицѣ... «Correspondance de Gustave Flabert» – четыре тома въ коричневыхъ шагеновыхъ переплетахъ – какъ связано это съ Александрой Алексѣевной, ея солидностью и добросовѣстностью, ея чернымъ шелковымъ платьемъ съ золотой цѣпочкой. И дальше – лѣто въ деревнѣ, дожди, сладкій запахъ жасмина, пушокъ весенняго тополя, упавшій на страницу Correspondance. У себя во флигелѣ запоемъ читалъ я эти удивительныя письма, лучше ихъ ничего не знаю въ эпистолярной литературѣ. Видѣлъ Круассэ, домъ Флобера, Сену, его садъ, жизнь суровую и

// л. 110

одинокую, высшимъ достоинствомъ проникнутую. И высшей грустью. «La vie n'est supportable, qu'en travaillant» – навсегда лѣнивому запомнились слова великаго столпника нашего искусства.

* *

*

Въ зрѣлости знаешь, что ни отъ чего міръ не сдвинется, ни отъ своихъ дѣлъ, ни отъ твоей жизни, ни отъ смерти. Нѣкій высшій смыслъ дѣланія остается, конечно. Бзъ этого всѣ мы обратились бы въ поденщиковъ. Очень загадочная вещь – смыслъ творчества! Къ счастью, въ душѣ заложенъ непонятный разуму законъ, или таинственная сила, черезъ года, десятилѣтія влекущая все къ одному: строителя – къ строенію, дѣльца къ дѣламъ, политика къ властвованію, художника къ словамъ, звукамъ, краскамъ.

Это влеченіе надъ-жизненно. Въ зрѣлости повинешься ему, какъ знаку свыше, и только. Въ юности кажется, что «дѣло» необходимо и для окружающаго міра. Это даетъ, конечно, подъемъ огромный.

Мучась надъ Флоберомъ, я былъ убежденъ, что малѣйшій промахъ имѣеть всероссійское значеніе. Что я могу задѣть священную особу Литературы. Что вся работа эта вообще необычайно важна. Кругомъ были каширскія поля и молчаливые пейзажи, въ тѣ времена загадочно помалкивавшіе. Какъ страшно важно для нихъ,

// л. 111

хорошо выйдетъ Флоберъ по-русски, или плохо!

«Искушеніе» появилось въ сборникѣ «Знанія». Затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ «Знаніи»-же. Солнце вставало совершенно какъ раньше. И въ государствѣ російскомъ никакихъ событій не произошло. Гонораръ заплатилъ хорошій – читатели же, какъ и прежде, находили, что «Искушеніе св. Антонія» вещь... ну, скажемъ, тяжеловѣсная. Знавшіе переводчика лично, опасались задѣвать при немъ Флобера.

На смѣну «Знанію» выросъ «Шиповникъ» (создатель его, З. И. Гржебинъ, покоится сейчасъ на здѣшнемъ кладбищѣ). Въ одномъ изъ сбониковъ «Шиповника» появилось въ моемъ же переводѣ «Простое сердце» (тамъ есть ошибка, до которой никому нѣтъ дѣла, и сами эти сборники разлетѣлись дымомъ по лицу Совдепіи: меня же она и сейчасъ жалитъ). Друзья мои шиповники, Гржебинъ и Копельманъ, пріѣзжая изъ Петербурга ко мнѣ въ Москву и у меня останавливаясь, много слышали о Флоберѣ. И задумали издать собраніе его сочиненій по-русски.

* *
*

Когда Флоберъ умеръ, Тургеневъ, большой его почитатель и цѣнитель, опубликовалъ въ Россіи призывъ подписываться на памятникъ Флоберу – первая попытка международной дружественности въ литературѣ.

// л. 112

Къ стыду Россіи она првалилась. Русскіе не доросли до общеевропейскаго чувства прекраснаго. На призывъ лучшаго своего писателя не только не откликнулись – засыпали его насмѣшками (и оскорбленіями!) за самую мысль о солидарности. Какой то тамъ Флоберъ! Собирать на Флобера! Тургеневъ получалъ ругательныя письма.

Пишешь объ этомъ съ горечью – и за Россію, за Тургенева, и за Флобера. Но съ чувствомъ отдыха вспоминаешь, что все-таки, хоть черезъ тридцать лѣтъ, нѣкій реваншъ Флоберъ въ Россіи взялъ.

Огромные Томы собранія сочиненій выходили со статьями, примѣчаніями, вариантами. «Госпожу Бовари» перевела Чеботаревская под ред. Вячеслава Иванова, «Саламбо» – Минскій, «Искушеніе» – мое, «Сентиментальное воспитаніе» – В. Муромцевой подъ ред. Бунина, «Письмами» занимался Блокъ, для «Трехъ новеллъ» взяли переводы Тургенева и мой. Изданіе не закончилось (не хватало, кажется, «Бувара и Пекюше»), помѣшала война и революція. Все-таки и то, что вышло, давало уже Флобера въ подобающемъ видѣ. Изданіе это было некоммерческимъ: Флоберъ никогда никому прибылей не давалъ и самъ умеръ въ бѣдности. Тѣмъ болѣе надо помянуть добрымъ словомъ починъ «Шиповника».

Гдѣ сейчасъ эти отлично изданныя книги? Кто ихъ читаетъ?

// л. 113

Пожелаемъ, чтобы для Россіи будущаго сталъ Флоберъ «Вѣчнымъ спутникомъ» – прекраснымъ и нужнымъ образомъ Запада.

// л. 114

Гоголь на Пречистинскомъ

Пречистинскій бульваръ связанъ съ чѣмъ-то повышеннымъ, неопредѣленно-романтическимъ. Романтика начинается уже съ Никитскаго бульвара, съ дома Талызина, гдѣ жилъ и умеръ Гоголь. Это область купола Христа Спасителя: здѣсь всегда онъ плыветъ въ небѣ надъ идущимъ – какъ золотистый корабль. И чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ сильней ощущеніе легкости, надземности. За Арбатской площадью, на Пречистинскомъ, геній мѣстности самое слово: Пречистая. Бульваръ вѣдь, дѣйствительно, чище и тише, и благообразнѣй другихъ. Александровское училище, церковка, контора Удѣловъ (гдѣ столько жила Тургеневъ), домъ Рябушинскаго – и зеленый откосъ къ бульвару. Зеленый и опрятный бульваръ: дѣти съ няньками, студентъ на лавочкѣ съ книжкой, розовый закатъ, сквозь наливающіяся почки липы. Лѣтомъ прохладно отъ густой листвы. Ранней весной – первый обтаиваетъ откосъ, глядящій на югъ и первая зазеленѣетъ на немъ травка. Вообще-же, вспо-

// л. 115

Минная милое это мѣсто, всегда ощущаешь свѣтъ и облегченіе.

Гоголь любилъ Пречистинскій бульваръ. Въ немъ самомъ не было свѣтлаго, но стремленіе къ красотѣ – Рима-ли, Италіи, нашихъ золотыхъ куполовъ – всегда жило. И то, что прославить писателя Москва рѣшила на Пречистинскомъ, не удивляетъ. Въ 1909 г. исполнилось столѣтіе рожденія егою На Тверскомъ бульварѣ Пушкинъ уже входилъ въ пейзажъ, задумчиво поглядывалъ со Страстного на площадь съ трамваями. Очередь дошла до Гоголя. Времена были мирныя, денегъ достаточно. Памятникъ заказали скульптору Андрееву, Николаю Андреевичу, и разослали приглашенія на празднество въ Россіи и Европѣ.

* *
*

Той зимой жили мы въ Римѣ. Уѣзжая весной изъ Москвы, бросили квартиру, лѣто провели въ деревнѣ, а тамъ въ Италію. Возвращаясь, не очень-то безпокоились объ устройствѣ: Москва велика, гдѣ нибудь да приткнемся. (Всѣ тогда въ нашемъ кругу такъ жили: неужели стали-бы заводить «обстановочки», сберегательныя книжки, и т. д.?).

И на этотъ разъ мы не ошиблись. Получили двѣ комнаты большой квартиры на Сивцевомъ Вражкѣ, у близкаго намъ человѣка. Занимали низъ стариннаго особняка. Мои окна выходили во дворъ, за заборомъ котораго стоялъ домъ Гер-

// л. 116

Цена. Наискось жилъ Бердяевъ – его кабинетъ смотрѣть на герценовскій дворъ. Была теплая, сѣрая зима, со снѣгомъ, послѣ Италіи холоднымъ. Въ нашемъ домѣ все шло чинно, нѣсколько и въ сиаромодномъ духѣ. Дѣвочки ходили въ гимназію, горничная Домаша въ бѣломъ фартукѣ аккуратно подавала на столъ въ большой столовой. Въ окнахъ тащился на санкахъ Ванька, по ухабамъ Сивцева Вражка. Домаша, три мѣсяца назадъ пріѣхавшая изъ Рязанской губерніи, жеманно говорила, что ужъ ничего не помнитъ, какъ тамъ живутъ у «мюжиковъ». Однимъ словомъ, была вокругъ старая, простецкая и пріятная Москва – вполтъ до этого самого Николая Андреевича, сосѣда, скульптора изъ Большого Афанасьевского. Я его зналъ довольно хорошо. Нѣкогда, въ ясныя январскія утра ходилъ къ нему въ студию, огромную, свѣтлую, гдѣ онъ сажалъ меня на вертящійся стулъ, вертѣлъ туда-сюда какъ игрушку – вертѣлъ и тотъ глиняный бюстъ, что лѣпилъ съ меня.

Для самого Гоголя не нужна была натура. Но для Тараса Бульбы (въ барельефѣ постамента) позировалъ ему Гиляровскій, всей Москвѣ извѣстный, толстый, добродушный старожилъ, ходившій въ поддевкѣ и высокихъ сапогахъ – журналистъ, правда, смахивавшій на Тараса Бульбу.

Николай Андреевичъ самъ былъ крѣпкій человѣкъ, мѣщански-купецкаго происхожденія, съ густымъ бобрикомъ, бороною лопатой, острымъ и живымъ взглядомъ. Руки у него сильныя, и весь.

// л. 117

онъ сильный, тѣлесный, очень плотскій. Гоголь мало подходилъ къ его складу. Но вращался онъ въ нашихъ кругахъ, литературно-художественныхъ. Розанова, Мережковского, Брюсова читалъ. Болѣе сложное и глубокое пониманіе Гоголя, принесенное литературою начала вѣка, было ему нечуждо, хоть по существу мало имѣлъ онъ къ этому отношенія. Во всякомъ случаѣ, замыслилъ и сдѣлалъ Гоголя не «творцомъ реалистической школы», а въ духѣ современнаго ему взгляда: Гоголь измученный, согбенный, Гоголь видящій и страшащійся чорта – весь внутри, ничего отъ декораций и «позы». Однимъ словомъ, памятникъ не выигрышный. Кажется, и проектъ его вызвалъ сопротивленія: находили, что писатель получается что-то мизерный. Не только генеральскаго нѣтъ въ немъ, но больше смахивалъ на хилую, пригорюнившуюся птицу (Гоголь сидитъ, какъ извѣстно – въ тяжелой и болѣзненной задумчивости).

Все-же проектъ утвердили. Зимой памятникъ поставили, въ самомъ началѣ Пречистинскаго, противъ стѣны тира Александровскаго училища. Но былъ онъ еще закрытъ – до торжественнаго момента.

Весна выдалась холодная, въ апрѣлѣ перепадалъ снѣгъ съ дождемъ. Гоголю предстояло явиться безъ блеска: подлинно хмурою личностью литературы. Всѣмъ завѣдывала Дума и Общество Любителей Россійской Словесности. Западники, славянофилы, ссорившіяся на пушкинскихъ торжествахъ, перевелись. Литература

// л. 118

дѣлилась на «реалистовъ» и «символистовъ». НЕ было никого сколько нибудь равнаго Тургеневу, Достоевскому (Толстой не въ счетъ, онъ доживалъ послѣдніе дни)... Чеховъ въ могиѣ. Надо сознаться: и «реалисты», и враги ихъ отнеслись къ Гоголю равнодушно. «На Пушкина» съѣхалась вся братія (Тургеневъ даже изъ за-границы). Гоголя удостоили совсѣмъ немногіе –неловко даже вспомнить...

Открывали памятникъ въ сырости, холодѣ, липы едва распускались. Трибуны окружали монументъ. Народу много. Помню минуту, когда упалъ брезентъ и Гоголя мы, наконецъ, увидѣли. Да, неказисто онъ сидѣлъ... и нѣкій вздохъ прошелъ по толпѣ. Потомъ Грузинскій, Предсѣдатель Любителей Словесности, говорилъ рѣчь...

Алексѣй Евгеньевичъ, пожилой, основательный профессоръ, читалъ на женскихъ курсахъ русскую литературу. Сейчасъ былъ парадень (во фракѣ, пришлось доставать цилиндръ), нѣсколько блѣдень, но бодро и привычно сказалъ, что полагается.

Въ официальныхъ торжествахъ всегда есть сторона печальная – надо упомянуть о «великомъ художникѣ», «свѣточѣ, ведущемъ насъ по пути добра и красоты» – удивляться и негодовать на это не приходится. Такъ было, такъ будетъ. Все это давно описано у Флобера (сельскохозяйственный съѣздъ въ «Мадамъ Бовари»), наслушались мы такихъ рѣчей и на гоголевскихъ торжествахъ.

// л. 119

Первое открытое засѣданіе было днемъ въ Университетѣ. За отсутствіемъ писателей, пришлось говорить людямъ далекимъ отъ литературы, но «почтеннымъ». Ясно запомнилась на трибунѣ въ актовомъ залѣ фигура знаменитаго кадета-юриста. Говорилъ онъ крѣпко, самоувѣренно, сильно выпячивая бѣлую крахмальную грудь. Видно, что знаетъ цѣну себѣ и словамъ своимъ – мы-же, слушавшіе, такъ и не поняли, что въ нихъ цѣнно.

Были иностранцы, представители университетовъ. Изъ французовъ Мельхиоръ де Вогиоэ, Лирондель. Нѣмцы отсутствовали. У Вогиоэ лучше всего былъ зеленый академическій мундиръ. Англичанинъ – въ длинномъ черномъ сюртукѣ, стоячихъ воротничкахъ, бритый, мягко-благодушный. Говорилъ ровно, скромно и почтительно. Вѣроятно, хорошо. Я понялъ только два слова: gogolian realistik. Они казались мнѣ очень смѣшными, и вызывали веселое настроеніе.

А въ общемъ... Московскій Университетъ, профессора, дамы, черные сюртуки, бороды, интеллигентскія голенища изъ подъ брюкъ, академики на эстрадѣ за столомъ... какая скука!

Нельзя сказать, чтобы скучнооказалось на другомъ собраніи, въ Консерваторіи. Выступалъ тамъ Валерій Брюсовъ.

* *

*

«Но послѣдній царь вселенной,
«Сумракъ! Сумракъ! – за меня».

// л. 120

Мало зналъ я писателей, кого такъ не любили-бы, какъ Брюсова. Нелюбовь окружала его стѣной; любить его, дѣйствительно, было не за что. Горестная фигура – волевого, выдающагося литератора, поэта, но больше «дѣлателя», строителя и кандидата въ вожди. Его боялись, низкопоклонствовали и ненавидѣли. Лъстецы сравнивали съ Данте. Самъ онъ мечталъ, чтобы въ исторіи всемірной литературы было о немъ хоть двѣ строки. Казаться магомъ, выступать въ черномъ сюртукѣ со скрещенными на груди руками «подъ Люцифера» доставляло ему большое удовольствіе. Родомъ изъ купцовъ, ненавидѣвшій «русское», смѣсь таланта съ безвкусіемъ, желѣзной усидчивости съ грубымъ разгуломъ... Тяжкій, нерадостный человѣкъ.

Я сидѣлъ на эстрадѣ, когда вышелъ онъ къ рампѣ читать рѣчь. Помню его сину, фракъ, выдававшіяся скулы, рѣзкій, какъ бы твякающій голосъ. Изъ всѣхъ выступавшихъ онъ единственный придумалъ нѣчто своеобразное. Гоголя считалъ «испепеленнымъ» тайными бурями и страстями, художникомъ-гиперболистомъ, далекимъ отъ мѣры Пушкина. Сравнивалъ выдержки изъ него съ Пушкинымъ, и какъ-бы побивалъ его имъ.

Все это очень хорошо, одоного не было: капли преклоненія, любви. Рѣчь *не* для юбилея. Не того ждала публика, наполнявшая залъ. Понималъ-ли онъ это? Врядъ-ли. Душевнаго такта, какъ и мягкости никакъ отъ него ждать нельзя было. Онъ читалъ и читалъ, его высокая худая

// л. 121

Фигура разрѣзала собой пространство, въ глубинѣ дышавшее толпой. Но съ нѣкоторыхъ поръ въ живомъ этомъ, слитномъ существѣ стала пробѣгать рябь. Что-то какъ будто вспыхивало и погасло: сдерживались. И вотъ Брюсовъ, описывая Гоголя физически (внѣшній обликъ, манеры), все сильнѣе сталъ клонить къ тому, насколько онъ былъ непривлекателенъ. Когда упомянулъ что-то о его желудкѣ и пищевареніи – въ залѣ вдругъ прорвалось.

– Довольно! Безобразіе! Долой!

Кое-гдѣ повскакали съ мѣстъ, махали шляпами, студенческими фуражками, тростями.

– Не за тѣмъ пришли! Позоръ! Похороны какія то!

– Не мѣшайте! Дайте слушать – кричали другіе. Раздались свистки. Свистали дружно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Брюсовъ поблѣднѣлъ, но продолжалъ. Было уже поздно. Публика просто разозлилась и улюлюкала на самыя безобидныя вещи. Распорядители волновались – «скандальчикъ» въ духѣ праздника гувернантокъ въ «Бѣсахъ». Единственно что могъ сдѣлать – и сдѣлалъ Брюсовъ: наспѣхъ сократилъ, пропускалъ цѣлыя страницы. Кончилъ подѣ свистъ и жидкіе демонстративные аплодисменты.

* *
*

Такъ что гоголевскія торжества проходили неважно. Единственно весело оказалось на ночномъ раутѣ въ Думѣ.

// л. 122

...Около полуночи подымались мы по лѣстницѣ, среди разодѣтой, нарядной, живой толпы. Николай Ивановичъ Гучковъ, городской голова, во фракѣ, во всемъ передѣ встрѣчалъ прибывающихъ у входа. Залы быстро наполнялись. Много было свѣта, гула, знакомыхъ и незнакомыхъ; съ кѣмъ-то здоровались, кому-то насъ представляли...

Москва показала тутъ гостепріимство. Фрукты, угощенія, цвѣты, шампанское. Какія-то опять рѣчи – кажется, привѣтственные иностранцамъ – но все это быстро потонуло въ общемъ и веселомъ гомонѣ. Разбились по компаніямъ, разсѣлись по столамъ и началось московское объяденіе и хохоть. Мало походило это на Европу. И благонамѣренный gogolian realistik въ пуританскихъ воротничкахъ не безъ удивленія озирался, какъ и старый Воюэ въ зеленомъ мундирѣ съ пальмами.

Мы засѣли съ Василиемъ Розановымъ. Кто-то подсаживался, кто-то отсаживался, лакеи таскали бутылку за бутылкой шампанское – могу сказать, хорошо я тогда узналъ Розанова... – всю повадку его, манеру, словечки, трепетный блескъ небольшихъ глазокъ, весь талантъ, заживавшійся чувственностью, женщиной. Очень былъ онъ блестящъ и милъ въ ту дальнюю ночь гоголевскихъ торжествъ.

Всѣ шутки его, и блески отблестили, какъ и ночь прошла. Мы возвращались на разсвѣтъ мимо Гоголя того-же, дѣтища Николая Андреича, изъ-за котораго столько наговорились ораторы.

// л. 123

Гоголь сумрачно сидѣлъ на бульварѣ. У ногъ его, съ барельефовъ, глядѣли Чичиковы, Хлестаковы, знакомый Гиляровскій-Бульба. Воробьи чирикали. Бульваръ пустыненъ.

Праздники кончились. Наша жизнь пошла намъ данной чредой – гоголева по своему. Какъ и при жизни, мало его любили. Одинокимъ Гоголь прожилъ. Одинокимъ перешелъ въ вѣчность.

Но напрасно отнеслись къ нему такъ жители Москвы. Памятникъ вовсе не плохъ; и въ пейзажъ бульвара вошелъ – внесъ ноту скорбную. Можно удачнѣе его сдѣлать. Но и мимо такого не пройдешь: среди зелени распускающейся Пречистинскаго бульвара задумчивѣй будешь продолжать путь.

// л. 124

Ю. И. Айхенвальдъ

«Te spectem suprema mihi cum venerit hora,
«Te teneam moriens, deficiente mammi»
«На тебя буду смотрѣть въ послѣдній мой часъ,
«Къ тебѣ припаду слабѣющей рукой».

Это двустипіе, приведенное въ одномъ изъ моихъ разсказовъ, въ послѣднее время занимало Юлія Исаевича. Онъ дважды писалъ весною моей женѣ: «Спросите Б. К., откуда взяты эти стихи?»

Я отвѣтилъ: кажется, изъ Катулла. И показалось страннымъ, почему они его такъ пристально интересуютъ?

Лѣтомъ въ Берлинъ пріѣзжала къ нему изъ Москвы жена, Нина Кирилловна – погостила и уѣхала (вся его семья въ Москвѣ). Юлій Исаевичъ снова остался одинъ. Онъ жилъ скромно, почти бѣдно, писалъ въ «Рулѣ» литературные обзоры, читалъ лекціи, давалъ уроки. Безсмысленный трамвай раздробилъ ему черепъ. Онъ впалъ въ безпамятство. Не приходя въ себя,

// л. 125

скончался. Ни на кого онъ не смотрѣлъ въ предсмертный часъ. Ни на чью руку не опирался.

Юлій Исаевичъ былъ очень замкнутъ, очень весь «въ себѣ». Онъ плохо видѣлъ, носилъ очки большой силы. (Никогда не видѣлъ звѣздъ. Путешествовалъ по Италіи, но не полюбилъ ея: не разсмотрѣлъ. И смерти своей не увидѣлъ). За этими очками жилъ глубиной и чистотой души, очень сильной и страстной, очень упорной. Литература, книги – вотъ его область. Онъ писалъ о писателѣ такъ, какъ видѣлъ его въ своемъ уединенномъ сердцѣ, только такъ, и въ оцѣнкахъ бывалъ столь же горячъ, столь же «ненаученъ», какъ и сама жизнь. Всѣ его писанія шли изъ крови, пульсеціи, изъ текучей стихіи. Можно было соглашаться съ нимъ или не соглашаться, одобрять или не одобрять его манеру, но это былъ художникъ литературной критики и, за послѣднія десятилѣтія, вообще, первый русскій критикъ.

Какъ всѣ страстные, онъ бывалъ и пристрастенъ. Вознося Пушкина и Толстого, рѣзко не любилъ Гоголя и Тургенева. Театръ отрицалъ вполнѣ. Не выносилъ Бѣлинскаго, за что много поношеній принялъ отъ учителей гимназій.

Изъ живущихъ, дѣйствующей арміи...

...Тутъ одна его черта очень ясна: никогда онъ не обижалъ слабыхъ, молодыхъ, неизвѣстныхъ. Напротивъ, старался поддержать. Но «кумиры» повергалъ. Брюсовъ находился въ полной славѣ, когда сказалъ о немъ Айхенвальдъ: «преодолѣн-

// л. 126

ная бездарность». То же произошло и съ Горькимъ («Горькій и не начинался...»).

Айхенвальдъ возросъ на нѣмецкой идеалистической философіи. Хорошо зналъ Канта, Гегеля, особенно ему былъ близокъ Шопенгауэръ. Отлично перевелъ онъ «Міръ, какъ воля и представленіе» – точно по-русски написана эта книга въ его изложеніи.

Въ немъ самомъ была горечь, тотъ возвышенный, экклезіастовскій пессимизмъ, который можно не раздѣлять, но мимо котораго не пройдешь. Вотъ ужъ поистинѣ: любилъ онъ красоту, и жизнь, и свѣтъ, но оплакивалъ міръ. Грубость, насиліе, свирѣпость, все, что съ такой полнотой поднесено нашему поколѣнію, было для него безвыходной печалью. Въ себѣ самомъ онъ носилъ начало Добра. И въ платоновскія идеи вѣрилъ. Но послѣдняго Добра, воплощеннаго, кажется, цѣликомъ въ сердце не принималъ.

Война потрясла его. По самому началу онъ рѣшилъ, что побѣдитъ Германія, а Россія погибнетъ. Въ первомъ онъ ошибся. Но Россія, его породившая, Россія, которую онъ любилъ безмѣрно, пушкинско-толстовская Россія пала – тутъ онъ угадалъ.

* *
*

Юлій Исаевичъ жилъ въ Москвѣ на Новинскомъ бульварѣ, въ семьѣ, тихой трудовой жизнью. Читалъ лекціи на женскихъ курсахъ, въ воздухѣ дѣвической влюбленности. Былъ отлич-

// л. 127

ный ораторъ. Предъ началомъ выступленья, слегка горбясь, протираетъ очки и ровнымъ голосомъ, словами иногда играющими (онъ любилъ фіоритуры) живописалъ литературные портреты.

На кафедрѣ, какъ и въ трамваѣ, у себя дома былъ одѣтъ тщательно, и скромно. Всегда безукоризненныя манжеты. Ослѣпительные носовые платки. Чуть-чуть пахло отъ него духами.

Особенно силенъ онъ былъ въ полемикѣ – сильнѣе, чѣмъ въ лирическомъ утвержденіи. Мы съ женою присутствовали однажды на его сраженіи изъ-за Бѣлинскаго (въ Москвѣ, въ Клубѣ Педагоговъ). Учителя гимназій шли на него въ атаку безконечными цѣпями. Онъ сидѣлъ молча, нѣсколько блѣдный. «Какъ-то Юлій Исаевичъ отвѣтитъ?» спрашивали мы другъ друга шопотомъ. – Онъ всталъ

и, прекрасно владѣя волненіемъ, внутренно его накалявшимъ, въ упоръ разстрѣлялъ ихъ всѣхъ, одного за другимъ. Онъ буквально сметалъ враговъ – доводами точными, ясными, безъ всякой грубости или злобы. Просто *устранялъ*.

Грубимъ Юлій Исаевичъ и вообще не могъ быть, если-бъ и захотѣлъ – джентельмэнъ-рыцарь. За это время, что его нѣтъ уже въ живыхъ, все вспоминаешь его, и сквозь душевное волненье, слышишь его тихій голосъ, видишь изящныя руки, застѣнчивую улыбку, его манеру наклонять голову и слегка поддакивать ею, его сутулую фигуру, даже излюбленные его бѣлые отложные воротнички и запахъ духовъ –

// л. 128

если не ошибаюсь, ландыша. Вотъ онъ въ пальто съ барашковымъ воротникомъ, не первой молодости, спѣшитъ на лекцію по снѣжнымъ улицамъ Москвы, еще мирной, вотъ ведетъ дѣтей своихъ, одной рукой мальчика, другой – дѣвочку – черезъ Арбатскую площадь. Ахъ, если бы эти мальчикъ и дѣвочка шли съ нимъ и по улицамъ Берлина въ тотъ роковой день... не писалъ бы я этихъ строкъ.

Но его семья въ Москвѣ. Шесть лѣтъ прожилъ онъ одиноко въ нѣмецкой странѣ, одиноко и умеръ въ ней.

* *
*

Помню его въ революцію. Вмѣстѣ мы бѣдствовали, холодали и недоѣдали, стояли за прилавками Лавокъ Писателей. Вмѣстѣ страдали душевно (что скрывать: много страдали).

Юлій Исаевичъ былъ одиночка, аристократъ, художникъ. И – изъ тѣхъ, кто «къ ногамъ народнаго кумира не клонить гордой головы». Аристократъ, всю жизнь работалъ и всегда ходилъ въ потертомъ апльто, и деньги презиралъ, и аскетически жилъ. Но никакой хамъ не могъ заставить его облобызать себя. Да, онъ сильно умѣлъ любить и ненавидѣлъ какъ слѣдуетъ. Злой ткани въ немъ не было, но отъ зла онъ отгалкивался. Ничто не привлекало бы его къ нему. Онъ сказалъ разъ свѣтловолосой дѣвочкѣ въ эмиграціи, его «единомышленницѣ», какъ онъ выражался:

// л. 129

– Если весь міръ, Наташа, признаетъ *ихъ*, то мы съ вами *не* признаемъ. И ваша мама.

Въ этомъ онъ весь. Онъ не переносилъ самогона, махорки, чубаровщины. Живя до своей высылки въ Москвѣ, не умолкалъ. Въ Союзъ Писателей, на Тверскомъ бульварѣ, вскорѣ послѣ убійства Гумилева прочелъ восторженный докладъ о Гумилевѣ и Ахматовой.

Разумѣется, его въ концѣ концовъ выслали.

* *

*

Въ томъ же Союзѣ Писателей. Для принятія въ члены требовалось представить книгу. Ее давали читать кому-нибудь въ правленіи. Нерѣдко Айхенвальду. Прочитавъ, часто онъ говорилъ:

– Ну, конечно, очень слабо...

– Значитъ, не принять? (У насъ были довольно строгія требованія «уровня» литературности).

Тутъ низвергатель Бѣлинскихъ и Брюсовыхъ *всегда* отвѣчалъ:

– Нѣтъ, отчего же. Зачѣмъ мы его будемъ обижать.

Онъ улыбался застѣнчиво, потряхивалъ курчавыми волосами, вынималъ свой безукоризненный платокъ, распространявшій запахъ духовъ, но сдвинуть его съ мѣста, переубѣдить было нельзя. Онъ сидѣлъ за своими очками, какъ въ крѣпости. Въ ней рѣшалъ про себя и для себя разные вопросы – и ужъ тогда дѣло кончено: ему легко было отдать что угодно изъ вещей,

// л. 130

денегъ, но *себя*, свои мнѣнія, свои истину онъ никому уступить не могъ. Мнѣнія его иногда бывали причудливы. Но мы всѣ, его сотоварищи по правленію, знали отлично: какъ бы онъ ни былъ расположенъ сердцемъ къ тому, къ другому изъ насъ, мнѣнія своего не измѣнить. Онъ спокойно голосовалъ одинъ противъ всѣхъ. Впрочемъ, это, кажется, была и въ жизни излюбленная его позиція: именно одинъ, именно наединѣ съ собою, своимъ сердцемъ.

Для людей очень «современныхъ» Айхенвальдъ долженъ казаться старомоднымъ. Онъ не скрывалъ своего пассаизма. Онъ даже особенно на немъ настаивалъ – революція у него, какъ и у многихъ, обострила это чувство. У него были нѣкоторыя нерушимыя позиціи, съ которыхъ онъ и дѣйствовалъ. Для людей спорта и фокстрота онъ неинтересенъ. То, что онъ любилъ, тому, въ сущности, всегда поклонялось и поклонится человѣчество въ лучшей своей сердцевины – докол– оно не обратится въ механическихъ «роботовъ». Онъ не любилъ смотрѣть «впередъ», но его очень любила молодежь, и у него всегда былъ для нея привѣтъ, сочувствіе, вниманіе. Какъ ясно представляю я его себѣ, напимѣръ, среди молодежи монпарнаскаго христіанскаго движенія!

Ибо за старомодною его внѣшностью, за нелюбовью къ Маяковскимъ и тому подобнымъ, жила въ немъ душа очень яркая, очень своя, очень утонченная и сложная.

// л. 131

Онъ какъ-то не признавалъ Исторіи, теченія и измѣненія жизни. Въ этомъ былъ, можетъ быть, одностороненъ. Но Исторія не была ему нужна, ибо онъ жилъ свѣтомъ души, свѣтомъ Вѣчности.

* *
*

Онъ любилъ тишину, книги, семью, дѣтей. Онъ провелъ конецъ своей жизни въ грохотъ европейской столицы и полномъ одиночествѣ. Онъ ненавидѣлъ машины и «цивилизацию». Машины отмстили ему и убили его въ расцвѣтъ силъ.

// л. 132

П. М. Ярцевъ

Для однихъ – «извѣстный театральный критикъ и драматургъ», для меня Петръ Михайловичъ, «Ярчикъ», какъ его мы звали.

Рѣдѣющіе, каштановые волосы, зачесанные назадъ. Большой лобъ, въ пору шекспировскому. Подъ нимъ свѣтлые, огромные глаза, такъ глубоко засаженные, что глядятъ точно изъ пещеръ, обрамленныхъ крѣпкими, костистыми арками – хуба и остроугольность ихъ удивительна. Низъ лица явно стремится къ треугольнику съ рыжеватою бородкою. Мягкая и не первой юности шляпа, черный галстукъ, длинный сюртукъ, крылатка и сѣрые матерчатые перчатки, голова нѣсколько вдавлена въ плечи, брови насулены – такъ проходитъ Ярцевъ въ скромномъ старомодномъ обликѣ своемъ по переулкамъ Москвы, близъ Арбата, по Плющихѣ, въ Левшинскомъ...

Петръ Михайлычъ появляется въ моей памяти зимою 1905 года. Художественный театръ репетировалъ тогда «У монастыря», трехъактовую лирическую его пьесу. Автора вовсе не зна-

// л. 133

ли въ литературѣ. Что-то ставилъ онъ въ Петербургѣ, чуть-ли не у Суворина. Но Художественный театръ... Сразу могъ онъ дать славу, деньги, положеніе. Говорили, что Немировичъ увлекается новой пьесой и новымъ драматургомъ. Драматургъ жилъ въ небольшой квартиркѣ на Плющихѣ. Въ кабинетѣ его висѣлъ Ибсенъ, лежало нѣсколько книгъ. Столъ былъ покрытъ сѣрымъ сукномъ, обои сѣро-зеленоватые. Тутъ писалъ, курилъ, пилъ крѣпчайшій черный кофе хозяинъ. Онъ и дома сидѣлъ въ сюртукѣ – очень длинномъ, не весьма новомъ. Нѣчто и донкихотское, и монашеское было въ его обликѣ.

Ему поручили отдѣлъ театра въ одномъ журналѣ – онъ меня пригласилъ писать. Кажется, я почти ничего не написалъ, но мы познакомились и сдружились на многіе годы.

Репетиціи шли. Онъ потиралъ тонкія руки, шагаль изъ угла въ уголь ибсеновскаго кабинета. Московскіе морозы трещали за окномъ съ темными занавѣсками. Приближалась премьера – декабрьская новинка театра.

Кто пьесы ставиль, знаетъ, что такое театръ. Вѣроятно, легко это поймутъ любители азартной игры. Ни книга, ни журналъ ничего бщаго съ театромъ не имѣютъ. Театръ есть встрѣча съ публикой безъ ширмъ – съ *толпой*. Въ ея рукахъ успѣхъ или провалъ. Въ томъ дуновеніи сочувствія или вражды, какое вызываешь. Нельзя угодать чувствъ многоглаваго противника. Что то «доходить», что то «идеть въ гробъ» –

// л. 134

самъ великій знатокъ театра, самъ Немировичъ не разъ ошибался.

Неясно помню содержаніе пьесы. Врацалась она вокругъ любви – сложныхъ и туманныхъ чувствъ. Одно дѣйствіе происходило въ гостиницѣ при монастырѣ – за окнами снѣгъ, зима, Качаловъ ходить по сценѣ въ мягкихъ, бѣлыхъ валенкахъ. Нѣкую роль игралъ букетикъ ландышей. Германова была прелестна. Но пока на сценѣ мечтательно разговаривали, въ зрительномъ залѣ упорно молчали, молчаніемъ равнодушнымъ.

Знатокъ театра ошибся. Если «доходила» тишина чеховская, то ярцевская не дошла. Спектакль медленно, какъ то беззвучно уходиль въ небытіе – безъ раздраженія или неодобренія: просто соскальзываль.

Въ антрактахъ кое гдѣ появлялся авторъ въ длинномъ сюртукѣ, съ прекрасными глазами, нервными, худыми руками. Зрители равнодушно бесѣдовали о постороннемъ.

* *
*

Пьеса, написанная «для себя», успѣха не имѣла. Она шла – выдержала десятка два представленій, но автора не прославила. Ярцевъ остался тѣмъ же: глубокой и тонкой натурою артитической, публику не побѣдившей. Онъ держался замкнуто, благородно. Попрежнему пиль крѣпкій кофе, курилъ въ ибсеновскомъ кабинетѣ, пожималь сухощавыя руки и много о чемъ-то думаль.

// л. 135

Онъ жилъ совершенно птицей небесной. Болѣе беззаботнаго, безсребрянаго и неприспособленнаго человѣка я не встрѣчалъ. Правда, и время было особенное. Четверть вѣка, прошедшая съ тѣхъ поръ, кажется столѣтіемъ. Что сказалъ бы ктонибудь о пайкахъ, смычкахъ, пятилѣткахъ! Считалось, что настоящій человѣкъ – это романтикъ, живущій неувимыми томленіями сердца, красотой (стиха, Италиі, театра). «Хлѣбъ нашъ насущный» – второстепенно. (И по болѣе легкимъ

условіямъ той жизни хлѣбъ этотъ легче и приходилъ. Культа же сытости не было)...

Всетаки, вспоминая Петра Михайловича, думаю, что будь онъ одинъ, врядъ-ли бы выдержалъ: мѣра его отвращенія къ практицизму все превосходила. Но за нимъ стояла подруга, вѣрная и преданная, Марія Зиновьевна, Марія и Марѳа одновременно. Она его опекала и берегла. Делила радости, горести, волновалась писаніемъ, волновалась и тѣмъ, какъ платить за квартиру, гдѣ достать денегъ. Ея мягкая, большая фигура, тихій голосъ, улыбка черныхъ глазъ – тоже неразрывно съ нимъ связаны, какъ и онъ съ ея обликомъ.

Ярцевъ отрицалъ собою всякій складъ и порядокъ. Никакое «крѣпкое и зрѣлое» общество не можетъ на такихъ людяхъ держаться. Или онъ загадочно пьетъ свой кофе, или уходитъ – неизвѣстно куда и неизвѣстно насколько.

– Петръ Михайловичъ, ты будешь дома обѣдать?

// л. 136

– Да, Машенька... Да, можетъ быть, буду.

– Я вѣдь должна навѣрно знать.

– Ну да, конечно... Я непременно постараюсь.

Одно дѣло стараться, другое знать. Петръ Михайловичъ былъ тогда глубоко богемень. Надъ чашкою кофе могъ сидѣть безъ конца въ кафэ, что то записывать, о чемъ то размышлять. Встрѣтившись съ кѣмъ нибудь изъ молодежи, могъ оказаться въ кабачкѣ, отъ сумрачной молчаливости перейти къ нервической оживленности, яко бы загорѣться – поправляя галстукъ и откидывая назадъ волосы увлекательно говорить о театрѣ, все на нервахъ, на нервахъ... Гдѣ же тутъ знать, когда вернуться? И что именно приготовила Машенька, и на какія деньги!

– Это не то. Это мелочи!

Мы издавали въ то время журнальчикъ «Зори». Ярцевъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ и соредкторомъ.

Послѣ редакціонныхъ собраній – чаще всего у Ярцевыхъ – шли бродить по Москвѣ, спорили на бульварахъ, засѣдали въ кафэ или ресторанчикѣ «Богемія» – случалось, тамъ и раннюю весеннюю зарю встрѣчали.

Ярцевъ любилъ такую жизнь. Будучи старше насъ, загорался не меньше. Хотя нерѣдко – такъ же быстро и гасъ: глубокимъ неврастеникомъ былъ всегда, и всегда въ сердцѣ его лежало зерно горечи. Душевное опьяненіе лишь временно затопляло эту горечь.

// л. 137

«Романтическій человѣкъ съ раннею душой» – такъ можно было бы опредѣлить его. Онъ мечталъ объ особенномъ театрѣ, (исходя, впрочемъ, отъ Станиславскаго), о высокомъ, духовно-облегченномъ искусствѣ. Ему хотѣлось, чтобы чувства на сценѣ сквозили чистѣйшими, прозрачными красками.

Дѣйствительность, даже въ Художественномъ театрѣ, этого не давала. Чаще всего несла она успѣхъ «Дѣтямъ Ванюшина».

Огромность требованій Ярцева къ театру, къ любви, къ жизни ставила его въ тяжкія положенія. Во многомъ и неуспѣхъ «Монастыря» съ этимъ связанъ.

* *
*

На углу площади, у Москва-рѣки, выходя фасадомъ на Храмъ Христа Спасителя, стоялъ большой красный домъ, выстроенный затѣйливо въ стилѣ сѣвернаго модернъ: съ крутоскатною крышей, отдѣлкою зеленой майоликой, большими окнами – извѣстный «домъ Перцова». Тамъ были и квартиры, и отдѣльныя студіи. Въ квартирахъ жили люди болѣе солтидные. Въ студіяхъ художники, актрисы. Тамъ тихо обитала «монахиня» Художественнаго театра Бутова, удивительный обликъ благочестивой художницы сцены. Тамъ, съ нею рядомъ, пмѣщался Александръ Койранскій, – «Саша Койранскій» – острый, живой, печальный и рѣзкій. Женопо-

// л. 138

добный Поздняковъ пробѣгалъ нерѣдко коридоромъ. Осипъ Самойловичъ Бернштейнъ таилъ свои шахматныя комбинаціи, Баліевъ начиналъ «Летучую мышь». Много извѣстныхъ и видныхъ людей Москвы – артистовъ, литераторовъ, художниковъ пребывало тутъ.

Въ одной изъ студій Ярцевъ «раскинулъ свой театральнй шатеръ». Онъ увлекался опытами молодого интимнаго театра. Пожалуй, это была завязь поднѣйшихъ театральныхъ начинаній типа Вахтангова и Михаила Чехова. Выбралъ онъ для постановки мою небольшую пьеску «Любовь». Какъ всегда, намѣренія его были предѣльны. Въ вещи лирической, не-театральной, написанной съ молодою восторженностью хотѣлъ онъ передать какой-то трепетъ, паѳосъ, опьяненіе. Исполнители – молодежь, барышни изъ театральныхъ школъ, начинающіе актеры. Барышни благоговѣнно смотрѣли въ его глубоко-запавшіе глаза, но на репетиціи запаздывали. Актреы – то кто-нибудь заболѣвалъ, то мѣняли исполнителя, то репетиція начиналась послѣ полуночи, когда кончался театръ. Все шло нескладно, безпорядочно. Но создавало удивительный бытъ. Около репетицій толклись и посторонніе. Получался не то клубъ, не то кафэ, не то театръ. Безпрерывно варился кофэ, на низкихъ диванахъ полусидѣли, полудежали зрители и сполнители, нельзя было и разобрать кто за чѣмъ пришелъ. Среди ночи пили коньякъ. Пріѣзжалъ Леонидъ Андреевъ, трехугольный Мейерхольдъ, кто то игралъ на роялѣ. Борисъ Пронинъ, помощникъ ре-

// л. 139

жиссера Художественного театра, съ открытой шеей и бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ какъ у Блока, вихремъ носился, вздувая энтузіазмъ. Художникъ писалъ какую то декорацію, но впрочемъ, никто толкомъ не зналъ, будетъ ли декорація или все пойдетъ «на сукнахъ». Главное же, никто не зналъ, откуда вцѣять денегъ и какъ, собственно, все это показать.

– Милый, мама, голуба, – кричалъ Пронинъ. – Все будетъ! Все чудесно устроится... Ахъ, да, все будетъ замѣчательно!

Петръ Михайловичъ пилъ черный кофе, и устало закрывая глаза, привычнымъ жестомъ поправляя на головѣ волосы, говорилъ:

– Да, да. Все будетъ. Все придетъ. Главное – да. Остальное все мелочи. Это такъ. Да. Остальное – не надо.

Но тутъ скрывался Борисъ Пронинъ, терзая свой артистическій галстукъ.

– Боже мой! О, я идіотъ! Безъ десяти восемь. Черезъ десять минутъ давать занавѣсъ въ Камергерскомъ... Боже мой!

И улетасть.

Мы проводили чуть не цѣлые дни въ этомъ коловращеніи. Иногда можно было уйти съ Ярцевымъ въ ресторанъ и тоже просидѣть часовъ пять. Разъ случилось, что мы трое – онъ, я и переводчикъ Владиміръ Высоцкій, общій нашъ другъ и пріятель Пшибышевскихъ и Тетмайеровъ, на такомъ ресторанномъ засѣданіи чуть не уѣхалъ за границу – такъ, ни съ того ни съ сего. Выработали даже маршрутъ – Кра-

// л. 140

ковъ, Венеція, Вѣна, что то въ двѣнадцать дней – и въ мечтахъ пережили всѣ прелести поѣздки.

Глупо все это? Можетъ быть. Но жилось интересно. Не намъ одному. Почему то толпился же народъ въ нашей «студіи»?

* *

*

Предпріятіе разваилось, разумѣется, деньги оказались не такой «мелочью». Нѣкоторое время Ярцевъ, въ нелегкихъ условіяхъ, прожилъ еще въ Москвѣ. Потомъ перебрался въ Кіевъ.

Его привязанность къ театру не остыла. Начались годы театрально-критической работы. Онъ писалъ въ «Кіевской Мысли». Но максимализмъ не оставлялъ его. Онъ всегда требовалъ предѣльнаго. Кого любилъ, тому поклонялся (Станиславскому, напримѣръ). Но и къ любимому былъ строгъ. То же, что отвергалъ, отвергалъ начисто. Въ жизни изящный, безобидный, неспособный питать злобу, въ писаніи бывалъ и рѣзокъ, беспощаденъ. Многіе актеры ненавидѣли его.

Въ Кіевѣ съ нимъ произошелъ скандалъ. Однажды, когда въ длинномъ своемъ сюртукѣ, скрестивъ на груди руки, сидѣлъ Петръ Михайловичъ въ партерѣ,

ожидаючи підняття занавіса, на авансцену вийшли ніхто і заявили, що поки Ярцев в театр, актори не бажають грати. Ярцев поправив волосся, застегнув

// л. 141

сюртук, встав і спокійно вийшов. («Це не то! Це не головне!» – сказав, вбрюхотно). Але виявилось саме, що головне. За ним піднялась і пішла, в знак протеста, вся кївська преса. Прем'єра залишилась без рецензентів. Акторам прийшлося туго – такого випадку насилья над критиком ще в театр не бувало. Кївські рецензенти виступили затім сообща, печатно. За ними піднялись російські письменники і драматурги і в столицях. Акторам предстояло або сдатися, або потрапити під бойкот повний. Вони обрали перше. На цей раз Петро Михайлович побідило повністю, сам, розуміється, ніяк не діючи.

З Кієва потрапив, затім, в Петербург. Тут писав в «Річч» у Гессена і Милюкова. Художественний театр захищав страстно і во всеоружі (весною художественники завжди являлись в Петербург з новими постановками). Станіславській остаточно прийшов тоді до своєї теорії театру (внутрішнє переживання актора, «сквозное дієвство», і т. п.). Всім цим він ділився з Ярцевим в бесідах довгих, увлекательних, завжди Петра Михайловича воодушевлявших. Так що писати він міг про Станіславського не з боку, а зсередини. Його статті того часу, вбрюхотно, краще, що написано про Художественний театр.

З Петербургу ж він поїхав один раз, з томом «Братів Карамазових» (Достоевського завжди глибоко читав) в Оптину. Монастир виявив до нього велике, дивне

// л. 142

дієвство. Завжди шукаючи в житті і мистецтві чистоти, краси, святості, він знайшов її в Оптинській. Образи старців – він зустрів, якщо не помилюсь, о. о. Анатолія і Нектарія – показали йому ні з чим неспівимим висотою і красою. «Смирись, гордий чоловік» – Петро Михайлович спеціально гордим не був, але байдужість, засореність, бруд нашого земного поруч з істинно-святим почував. Своєобразно він відчував старців, бесідує з простим андромом – як величайших артистів, повних духовного мистецтва. Згадую, він говорив, що в очах, руках, благословляючому жесті Анатолія крім всього іншого була неспівима театральна краса. Вона являлась безпосереднім вираженням духа.

З «Братями Карамазовими» в руках вивчав він кожен дрібний оптинський пейзаж, обстановку, побут, перевіряючи Достоевського: і знайшов, що при всій своїй фантастичності, *здесь Достоевський дуже точен*.

Петро Михайлович написав про Оптинську кілька помітних статей. Їх слід було видати книжкою. Але не так був Ярцев, щоб турбуватися про життя, реальне.

* *

*

Самъ родомъ изъ Коломны, почвенною любовью любилъ онъ все русское, особенно же московское. Съ годами эта любовь росла. Въ ли-

// л. 143

тературѣ онъ держался Достоевскаго, Лѣскова, Аполлона Григорьева. Театръ признавалъ лишь національный. Очень высоко въ немъ ставилъ Островскаго и Чехова. И въ жизни – къ самой Москвѣ, ея храмамъ, «древлему благочестію», складу, говору, московскимъ людямъ,, московскимъ извозчикамъ, трактирамъ, Замоскворѣчью, банямъ, – питалъ неистребимую привязанность.

Одно время, передъ войной, жилъ въ номерахъ на Балчугѣ, у Чугуннаго моста. Тутъ далеко уже было отъ Прониныхъ и Мейерхольдовъ. Вставалъ очень рано, часовъ въ шесть, и шелъ куда-нибудь въ простую чайную. Ему нравились «человѣки» въ бѣлыхъ рубашкахъ, расписныя чашки и подносы, крутой кипятокъ, простые русскіе люди въ поддевахъ, съ намаслянными проборами, торговцы, прасолы. За «парой чая» сидѣлъ Ярцевъ и писалъ, любуясь видомъ на Кремль, золотымъ лучемъ солнца, типами Островскаго у прилавка.

Полагалъ онъ теперь, что театръ долженъ выражать народную душу, суть, теплоту. Щепкина считалъ основателемъ русскаго театра, Станиславскаго (родомъ съ Хивы, за Язуою) его достойнымъ продолжателемъ.

Мы встрѣчались въ это время часто. Ѣздилъ онъ и ко мнѣ въ деревню. Любилъ землю нашу, сѣно, ржи, яблоки, телѣги и березы, дрожки, мягкій пейзажъ средней Россіи. Мы гуляли довольно много и въ Москвѣ, тогда еще мирно-благодатной. Помню, онъ водилъ меня въ трак-

// л. 144

Тиръ Егорова въ Охотномъ ряду – примѣчательность московская, о которой не имѣлъ я понятія. Невзрачный двухэтажный домъ рядомъ съ «Континенталемъ». Внизу извозчичій трактиръ, во второмъ этажѣ «купецкій». Сюда сходились съ ранняго утра чаевничать охотнорядцы. Въ невысокой комнатѣ столики, сидятъ распаренные купцы, пьютъ чай (тоже съ шести утра! – въ десять вечера все закрывалось). Въ клѣткахъ канарейки. Ярославцы и владимірцы, въ бѣломъ, бойко разносятъ подносы съ чайниками, кипяткомъ и стаканами, чудными калачами, баранками. Днемъ можно обѣдать. Тутъ главная приманка Егорова – удивительные осетры, балыки, расстегаи, рыбныя солянки – все это на грязноватыхъ сатертяхъ, съ колченогими вилками къ приборамъ, съ деревянными солонками, но качествомъ не уступая первокласснымъ «Эрмитажамъ», «Прагамъ».

Трактиръ Егорова любилъ Островскій. Мы и объдали въ комнатѣ Островскаго – боковой, съ каминомъ, вѣчно пылавшимъ, съ особыми канарейками, потертыми диванчиками краснаго бархата и большой, потемнѣвшей картиной во всю стѣну, если не ошибаюсь, что то китайское на ней изображалось*).

// л. 145

...Тепло, пахнетъ ухой, поддевками, синеватый туманъ, дрова трещать, благообразный немолодой владимірецъ въ бѣломъ передникѣ, вкуснѣе говорящій по-русски, чѣмъ та осетрина, которую только что поставилъ, подаетъ намъ шкаликъ «Ерофеича»: кромѣ егоровскаго трактира не было по Москвѣ нигдѣ этого Ерофеича – николаевскихъ временъ водки, настоянной на травахъ. И на потертомъ диванчикѣ мы сидимъ ...сколько и о чемъ можно наговориться съ Петромъ Михайлычемъ, когда онъ въ духѣ, въ ударѣ – въ обстановкѣ, ему нравящейся!

* *
*

Все это кончилось. Подошла война, революція, не до театра стало, не до поэзіи и любованія Москвой. Въ октябрѣ впервые дрогнули купола Кремля подъ шрапнелями большевиковъ. Эти шрапнели рвались и надъ Савеловскимъ переулкомъ, вблизи Остоженки, гдѣ жилъ тогда Ярцевъ съ Маріей Зиновьевной. Какъ и другимъ, какъ всѣмъ намъ, пришлось имъ быть свидѣтелями униженія и разгрома Москвы.

...Я попалъ изъ деревни въ Москву побѣжденную, – подъ раннимъ зимнимъ снѣгомъ, съ сумрачнымъ карканьемъ воронъ на крестахъ церквей, съ раскрытою кое гдѣ мостовой, чуть не со слѣзами запекшейся крови. Впрочемъ, снѣжокъ все заметалъ – вводилъ въ страшную зиму голода, холода, примусовъ, разобранныхъ заборовъ.

// л. 146

Какъ и всѣ, дрогли и голодали Ярцевы, въ сумеречной квартирѣ перваго этажа по Савеловскому. Марія Зиновьевна боролась отчаянно. Откуда то добывала крупу, хлѣбъ... порціями аптечными. – Петръ Михайлычъ подтапливалъ печурку – чѣмъ придется. Онъ такой же былъ все худой, такъ же погруженъ въ Русь, такъ же поддерживался и духовно, и внѣшне, все тою же Маріей Зиновьевной. Когда нечего было ѣсть, сидѣлъ покорно и тихо. Питался любимымъ кофе. Изможденный и тощій, въ бархатной кацавейкѣ жены, накинутой на плечи, съ воротникомъ живописно раскинутымъ вокругъ тонкой шеи, подобно жабо, походилъ остроугольнымъ лицомъ и бородкой на испанскаго гранда. Изгнаніе начиналось для всѣхъ насъ. Петръ Михайловичъ могъ терпѣть

---

*) Комната эта столь знаменита, что когда въ Александринскомъ театрѣ ставили пьесу Островскаго, режиссеръ и художникъ пріѣзжали къ Егорову писать декорацию.

голодь и холодъ, но не орду, не татарщину, въ чьихъ рукахъ мы оказались. Крики газетъ, афиши на стѣнахъ, митинги, волчьи зубы вокругъ, муть, кровь, заплеванность... горько и вспомнить.

Иногда въ изнеможеніи, закрывая огромные глаза, окончательно ушедшіе въ пещеры, сидѣлъ онъ подолгу передъ разгорѣвшейся печуркой, неподвижный, полумертвый.

– Петръ Михайлычъ, съѣшь, вотъ тутъ осталась корочка.

– Нѣтъ, ничео, Машенька. Я не голодень. Я не хочу ѣсть. Это не то.

Голодь былъ для него «мелочь», «не то»...

Не имѣя ни средствъ, ни, въ сущности – силъ, сверхъестественнымъ напряженіемъ воли

// л. 147

женской, женской любви, вывезла таки его Марія Зиновьевна изъ Москвы. Они «отступили» на Кіевъ.

И затѣмъ... все, что полагается русскимъ на югѣ: ужасы разныхъ «властей», погромы, чуть не пѣшкомъ новыя отступленія, до самаго Понта Эвксинскаго, до кораблей, увозившихъ троянцевъ отъ пылающаго Иліона.

* *

*

Я не видалъ больше Ярцева, и никогда не увижу. Но теперь, вспоминая эту жизнь полную тревогъ, горестей, бѣдности, энтузіазма и преданности *высокому*, съ большой радостью (странно сказать: почти гордостью) думаю о завершающихъ, изгнанническихъ ея годахъ. Съ великимъ счастіемъ замѣчаю, что въ болгарской столицѣ не палъ, а выросъ Ярцевъ. Не растерялъ въ Энеидѣ своей, а пріобрѣлъ. Глубокую любовь къ Россіи вывезъ вмѣстѣ съ вѣрною подругой и на чужой землѣ потрудился.

Онъ работалъ режиссеромъ въ болгарскомъ Народномъ театрѣ. Оптина и «Святая Русь» не прошли даромъ. Въ театральнѣй свой трудъ внесъ онъ всю страстность *служенія*, безкорыстнаго и безогляднаго. Въ мои годы, въ Москвѣ, лишь начиналъ путь обращенія. Въ изгнаніи его заканчивалъ. Рѣдкій, и *русскій* случай: дѣятель театра, проникнутый Церковью. Это дало ему, думаю, особыя силы. Сгладило угловатости, успокоило, какъ то *внѣдрило* въ жизнь. Всѣ это

// л. 148

чувствовали. И маленькая квартирка Ярцевыхъ стала особымъ центромъ – привязанности, благожеланія, любви. «Весь театр, школа, актеры, отъ самаго маленькаго до большого любили его нѣжно, и въ трудныхъ условіяхъ болгарской жизни находили у него прибѣжище. Всѣ болгарскіе писатели, художники шли къ нему». (Изъ письма). «...Домъ былъ радостный, теплый, уютный... шли люди и

находили успокоеніе у него. Онъ былъ очень просвѣтленный и мудрый, очень былъ религіозенъ, посѣщалъ всѣ службы, молился утромъ и вечеромъ и ежедневно заходилъ въ церковь».

Послѣдняя его постановка была «Горе отъ ума». На ней онъ и надорвался. Приходилось торопиться, спѣшить къ сроку – онъ самъ наблюдалъ за швальней, носился изъ этажа въ этажъ вверхъ и внизъ, даже не пользуясь лифтомъ. «Онъ былъ какъ на крыльяхъ, и вся швальня работала весело и радостно для него. Они его обожали. Когда кончили все, первый портной подошелъ къ П. М., обнялъ его и сталъ цѣловать въ плечи и все повторялъ: «Какъ я васъ люблю, Петръ Михайличъ».

Вѣрно и «Петръ Михайличъ» любилъ простыхъ болгарскихъ людей, какъ нѣкогда простыхъ русскихъ – находилась въ немолодомъ «Ярчикѣ» теплота, доброта.

Послѣ спектакля онъ слегъ – не сразу даже къ доктору обратились... причина все та же (нужно, чтобъ было чѣмъ платить). Начались

// л. 149

жженія въ груди. Смерть пришла мгновенно, онъ скончался на рукахъ Маріи Зиновьевны.

Ярцевъ, будто бы человекъ мирный, тихій, всѣ свои годы воевалъ. Съ упорствомъ, страстностью, любовью нѣчто отстаивалъ. Умеръ онъ на позиціяхъ. Самое страшное – быть побѣжденнымъ: сдаться, въ холодѣ, равнодушій. Онъ прекрасный примѣръ не-сдавшегося, не-побѣжденного. Богатства онъ не нажилъ: денегъ не любилъ, они къ нему не шли, тоже не любили. Но вотъ, сломить его «князь тьмы» не смогъ.

Въ глубокой горечи его утраты чувствую и радость:

– Не посрамилъ земли русской Петръ Михайлычъ.

// л. 150

Надежда Бутова

...На родинѣ, въ Саратовѣ, она была учительницей. Высокая, худая, диковатая, все помалкивала, тайкомъ копила деньги, молча разсталась съ сестрой, сѣла въ поѣздъ и однажды вышла на вокзалѣ московскомъ изъ вагона третьяго класса, въ поношенной шубкѣ, съ потертымъ чемоданчикомъ, пледомъ на ремняхъ. Кончилось дѣло съ Саратовымъ. Начались меблированные комнаты Москвы. Стала она разучивать стихи, басни, отрывки. И на экзаменѣ въ школѣ Художественнаго театра вниманіе привлекла. Чѣмъ? Саратовскимъ напоромъ, мощію земли, темпераментомъ глухимъ и цѣломудреннымъ?

Нельзя сказать, чтобы красотой: красива не была. Лицо весьма русское, можетъ быть, и съ татарскимъ оттѣнкомъ – нѣсколько широки скулы, съ яркимъ румянцемъ, загорѣлымъ, худымъ румянцемъ; надъ скулами же глаза непомѣрной

бирюзы. (Могут эти глаза быть ласковы, могут быть почти страшны). Голосъ низкій и глуховатый. Крѣпкія тонкія руки, прекрасные волосы. А во всей ней деревенское нѣчто,

// л. 151

крестьянское: повязать платочкомъ, послать на поденную, а потомъ въ хороводѣ пѣсни пѣть. Или черничкою въ монастырь.

– Для монахинь пригодится на сценѣ, для царицъ опальныхъ, для Островскаго... Ростъ, понятно, великъ...

Можетъ быть, и не сказалъ такъ экзаменаторъ, а бессознательно пролетѣло въ немъ и бессознательно ростъ легкою грустью скользнулъ: не полагается головой выше всѣхъ быть на сценѣ.

Все равно. Ее приняли. Стала она ученицей, упорной и страстной. Иначе ужъ не могла, по натурѣ. Ночей отъ волненія не спала, предъ Станиславскимъ благоговѣла. Но и характера оказалась нелегкаго. Всегда что то сидѣло въ ней свое, любимое или нелюбимое. За любимое могла жизнь отдать, съ нелюбимымъ лучше не подступайся. Съ младости была набожна, истова. Любила порядокъ, чистоту, строгость. Не выносила куренія, неряшливости, актерской распущенности. Нѣкое древнее упрямство было въ ней, раскольничье. Двѣсти лѣтъ назадъ за двуперстное сложеніе жизнь отдала бы – не постѣснялась бы.

Художественный театръ всегда заглатывалъ актера – изъ китова чрева, въ сущности, хода ужъ не было. А особенно для актрисъ. Актрису молодую и податливую, можно «разработать» какъ угодно, и будетъ она говорить не «я», а «мы, Художественный театръ», и каждый звукъ голоса Станиславскаго, каждое его движеніе

// л. 152

станутъ ея собственными: искренно она увѣрена, что это и есть она.

Надежда Сергѣевна тоже говорила «мы», восторженнотсь Худжественнаго театра въ ней сидѣла, но и свое было. Одолѣть его не удалось никому, хотя даръ ея не принадлежалъ къ крупнымъ, скорѣе направлялся вглубь: неблагодарный даръ. Впрочемъ выигрышнаго, удобнаго для успѣха въ ней вообще ничего не было. Успѣхъ въ эту судьбу не входилъ.

Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ свое разрасталось. Тѣмъ труднѣе съ ней становилось.

* *

*

Я зналъ Надежду Сергѣевну уже «взрослой», извѣстною актрисой, строгой, требовательной, нѣсколько въ тѣни, безъ шумной популярности, но съ прочностью. Была она какъ бы и совѣстью Художественнаго театра, его

праведницей. (Головой выше физически, головой выше душой). Въ трупѣ держалась одиноко, прохладно: не помню особенныхъ ея пріятелей изъ актеровъ. «Я не могу ни съ кѣмъ жить вмѣстѣ, близко», говорила она. И никакіе капустники, никакія попойки не занимали ее (конечно, зубоскалили актеры надъ ея отшельничествомъ: но побаивались).

Платья она носила темныя, волосы пышно зачесывала назадъ. На груди крестъ. Въ толпѣ сразу замѣтишь ея худую, широкоплечую фигуру, надъ всѣми возвышающуюся. Разговоръ

// л. 153

тихий, степенный, но могла и смѣяться по дѣтски. Не дай Богъ разсердить ее – и особенно важнымъ, не пустякомъ, а идейнымъ: новозавѣтный человѣкъ, она впадала и въ библейскій гнѣвъ.

Жила холостякомъ, въ студіи красно-зеленаго, сѣвернаго модернъ дома Перцова, противъ храма Христа Спасителя. Сосѣди въ коридорѣ тоже были у ней актеры, художники. Огромное окно выходило на храмъ. Кремль виднѣлся направо, Москва-рѣка, мостъ. Въ студіи у нея прохладно и «благолѣпно». Вотъ гдѣ не можетъ ужъ быть божескаго безпорядка! Иконы въ углу, лампадка, деревянный столъ, русская скамья. Вышитыя полотенца, сѣраго сукна диванъ (Художественный театр!). Фотографіи Станиславскаго, Немировича, Чехова. Много книгъ на полкахъ. Картины, рисунки современныхъ художниковъ – иногда и сосѣдей по перцовскому дому.

«Подъ образами» можно въ пять часовъ пить у ней чай, разговаривать – бесѣда всегда интересна, нѣчто горнее въ ней, какъ и въ самой хозяйкѣ. Скучно никогда не было, и плоско тоже никогда.

Въ долгихъ нашихъ, и ушедшихъ разговорахъ, театръ присутствовалъ неизмѣнно – главнѣйшее для нея. Говорила она медленно, ища словъ: старалась точно передать, что нужно. Закрывала глаза, бралась за виски, глуховато выцѣживала...

Радостно бесѣдовать съ художникомъ, съ тѣмъ, кто искусствомъ своимъ дышитъ, насквозь его

// л. 154

Знаетъ и можетъ сказать живое (а значитъ, и новое: всегда живое есть новое). Надеждѣ Сергѣевнѣ съ годами тѣснѣе, неуютнѣе, становилось въ театрѣ. *Terre à terre* Станиславскаго, плоткость его, гоньба за «жизненными» мелочами, затрудняли. Хотѣлось большаго. Это не удавалось. И она много томилась.

– Онъ... великій актеръ, что тамъ говорить, и искатель... Ну, вы понимаете, этотъ человѣкъ въ ночномъ безпокойствѣ, вѣчно добивается... онъ не можетъ *просто такъ* сдѣлать... – она сжимала себѣ виски, разводила длинныя руки, какъ бы дорисовывая пальцами: ему надо наполнить... чтобы образъ весь налитой... и всѣ подробности... *свои*, созданныя.

Потомъ останавливалась, говорила еще тише и ужъ совсѣмъ ясно, даже легко:
– Но онъ не поэтъ. Поэзіи, духовнаго не чувствуетъ, для него этого нѣтъ, онъ весь, весь тутъ... и литературы не чувствуетъ и многого – высшаго – вовсе не знаетъ. Комедійный актеръ, не духовный...

Вотъ чего ей хотѣлось. Не нравились клистирные трубки Мольера, смѣшныя штучки «кавалера» въ «Хозяйкѣ гостиницы». Античная трагедія, можетъ быть, Достоевскій, Шекспиръ, Кальдеронъ...

Для нея самой мало на сценѣ оказывалось подходящаго. Въ «Трехъ сестрахъ» была она одной изъ сестеръ, но надолго не удержалась – можетъ быть, изъ за росту (и большей силы, чѣмъ тамъ нужно было! Не тотъ темпераментъ,

// л. 155

не тотъ тонъ). Замѣчательно сыграла у Островскаго Манеѳу – («Идетъ Егоръ, съ высокихъ горъ...») – и тоже не совсѣмъ въ тонѣ спектакля. Дала гротескъ, силу подземную, дикую... вспомнила свой Саратовъ. Но инокинь, древнихъ царицъ, какъ и Федръ, Медей не было въ репертуарѣ. Играла она иногда страшныхъ старухъ – превосходно, но мало.

Театръ не совсѣмъ заполнялъ, не совсѣмъ радовалъ.

Было у ней и другое: женское сердце. Можно знать ея внѣшнее, роли, театръ, послужной списокъ. Чувствъ не узнаешь. Замкнута, запечатана. Лишь временами доходило дыханіе *того*, отъ всѣхъ скрытаго. Иногда особенный блескъ глазъ, иногда нѣкій стонъ...

Трудно объ этомъ говорить.

* *
*

Подошла революція.

Въ театрѣ собирались ставить оперетку. Надежда Сергѣевна переѣхала изъ дома Перцова. Теперь была у ней квартира – небольшая, столь же чинная и поднебесная, только окна въ садъ выходили. Среди деревьевъ выступала церковнка московская. Что то отъ кельи, монахини вошло, упрочилось здѣсь навсегда. Но съ великою нѣжностью сосѣдствовалъ и великій гнѣвъ. На слова скорби, бѣды могла отвѣчать она взглядомъ утѣшенія необычайнаго, ласки, любви. А когда зашла рѣчь о комиссарѣ, прежнемъ зна-

// л. 156

комомъ ея, завернулась въ платокъ, голову вдавила въ плечи, длинною рукою погрозила:

– Проклинаю! Проклинаю я его и всѣхъ ихъ!

И была похожа на боярыню Морозову, которую у Сурикова везутъ въ саняхъ въ ссылку, а она высохшею рукою, въ цѣпяхъ утверждаетъ двуперстіе. Трудно

укрощать страсти. Смирилась ли она? Или такъ и ушла, раздираемая? Духовникъ только можетъ объ этомъ знать. А мы знаемъ другое, и удивляемся, на примѣръ, тому, какъ не засадили, не убили Надежду Сергѣевну, прямо въ лицо называвшую убійцами кого слѣдовало, не подававшую руку сановникамъ, на всѣхъ перекресткахъ громившую ихъ. Отъ нея не было пощады. (И теперь, когда нѣтъ ея, можно сказать: ей обязанъ жизнью видный бѣлый – нынѣ тоже умершій – у ней за ширмами чуть не мѣс

// л. 157

Все больше отдавалась она Церкви. Православіе у ней было страстнымъ, прямымъ, аскетическимъ, мученическимъ. Она читала много Евангеліе, св. Отцовъ, молилась, постничала. Кіотъ надъ аналоемъ появился, вся квартирка стала похожа на церковь и внѣшне, и внутренне, излученіемъ своимъ. Сама она какъ будто все росла, но и худѣла, и свѣтлѣла. Духовникъ ея былъ о. Медвѣдь, а потомъ перешла она къ извѣстному о. Алексѣю Мечеву.

Надежда Сергѣевна принадлежала къ нашему кругу, средне-интеллигентскому. Но вотъ не всѣ же въ немъ «рыхлые интеллигенты!». Ничего вялаго не было въ ней. Инокія-актриса, праведница въ виригахъ на сценѣ: рѣдкая и яркая фигура, можетъ быть, слишкомъ для женщины сильная, обликъ Руси древней... – то, что можно еще въ жизни любить. И о чемъ вспомнишь почтительно.

Какъ многимъ праведницамъ, ей дана была смерть мучительная. Горловая чахотка заѣла ее. Но душевно сломить не могла (хоть и стенала Надежда Сергѣевна, и тосковала по человѣчески). Одна она не оставалась. Тѣ же преданныя дѣвицы смѣнялись у ея ложа.

Въ страшный морозъ, солнечный, съ жгучимъ вѣтромъ, шли мы за ея длиннымъ гробомъ. Москва замерзала и голодала. Надежда Сергѣевна не видала уже ея позора.

Предъ Художественнымъ театромъ, въ Камергерскомъ переулкѣ служилъ о. Алексѣй Мечевъ литію.

// л. 158

III.

// л. 159

“Мы, военные...”

ЗАПИСКИ ШЛЯПЫ

I.

Юнымъ студентомъ, обитая на Арбатъ, проходилъ я нерѣдко по Знаменкѣ въ Румянцевскій музей, и на углу площади Арбатской, съ памятникомъ Гоголя, булочной Савостьянова и старинной церковкой, видѣлъ приземистое зданіе, двухъэтажное, съ колоннами, времяъ начала XIX вѣка. Зналъ, что это Александровское военное училище, и былъ глубоко къ тому равнодушенъ. Училище и училище. Выпускаетъ пѣхотныхъ офицеровъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Меня интересуютъ книги и литература. Я всегда очень любилъ Москву. Меньше всего, однако, могли бы меня заинтересовать: лагеря на Ходынкѣ, кадетскій корпусъ въ Лефортовѣ, да училище на Знаменкѣ...

* *
*

Лѣтось 1916 года призвали ратниковъ ополченія 2-го разряда.

// л. 161

Не желая итти на войну солдатомъ, я рѣшилъ поступить въ военное училище.

Странная была та осень въ деревнѣ – послѣдняя обычная, человѣческая. Вотъ запись о ней:

... «Березы Рытовки, и узенькая тропка, по которой выходили мы на зелена, покой равнинъ, сѣрые вечера сентябрьскіе съ красной рябиной, зеркалами прудовъ, крикомъ совы и лиловой луной изъ-за лѣса – все осталось, какъ воспоминаніе прощальное и свѣтлое. Однажды, выходя изъ леса, набрали на гнѣздо птички, опустѣлое. Взяли съ собой. Сентиментальность? Но такъ захотѣлось. Пересѣкли мы поле, и внизу Притыкино, пруды и мельница, деревья парка. Колокольня мирно подымалась изъ ложбины. И спокойный, мягко сѣроватый ликъ небесъ, дымки надъ деревьями, дальній лепетъ молотилки, дальняя, какъ облачко, стая грачей, свисавшаяся, развивавшаяся надъ овинами, все ясное, родное... такъ пронзительно печальное, какъ будто мы навѣки съ нимъ прощались».

Навѣки не навѣки, но 1-го декабря подѣзжалъ, на извозчичьихъ санкахъ, въ новыхъ высокихъ сапогахъ, съ чемоданчикомъ, къ фронтону того самага зданія на Знаменкѣ, мимо котораго высокоомѣрно нѣкогда проходить. Попрощался съ женой у подѣзда, и какъ снопъ былъ поданъ въ невѣдомый мнѣ, и казавшійся суровымъ, барабанъ. Десятки такихъ же сноповъ съ разныхъ концовъ Россіи и Москвы подавались въ тѣ же самыя двери, въ большинствѣ моло-

// л. 162

дежъ. Но они были веселѣй, бурнѣй и беззаботнѣе меня.

Низкая прихожая, лѣстница нверхъ, огромные коридоры, огромныя, холодноватыя залы и дортуары. Вотъ насъ переодѣваютъ – въ цейхгаузѣ какой то

бойкій типъ раздаётъ гимнастерки и шинели: вѣрнѣе, всѣ сами набрасываются на грудь этого добра, онъ только наблюдаетъ. Скоро нѣчто мѣшкообразное, съ погонами, однако, оказывается на мнѣ. Я заранѣе наголо остриженъ, этотъ форманный нарядъ, высокіе сапоги, сразу меня топятъ: не чувствую себя прежнимъ. Что то случилось. Меня зачисляють во вторую роту. Я юнкеръ второй роты пятнадцатаго ускореннаго выпуска. Долженъ маршировать, «строиться» къ обѣду, «строиться» на молитву, по трубѣ вставать... мнѣ должно бы быть не тридцать пять, а двадцать лѣтъ... И такъ далѣе.

Первый день было чувство, что просто попалъ въ тюрьму. Никто мнѣ ничего дурного не дѣлалъ. Но меня самого, *такого*, къ какому привыкъ, съ книгами, рукописями, медлительными прогулками – больше не существовало. Былъ юнкеръ второй роты пятнадцатаго ускореннаго выпуска, и притомъ «шляпа»^{*)}. Шляпа, разумѣется, первосортная. Съ военной точки зрѣнія такое существо не радуетъ. Но и ушляпы есть душа, сердце, воображеніе. На-

// л. 163

примѣръ, лежитъ этотъ юнкеръ-шляпа впервые на своей койкѣ въ ротѣ. Огромная колонная зала. Холодно, сумракъ. У столика дежурнаго маленькая лампочка – небольшое пятно свѣта. Въ аккуратныхъ станкахъ винтовки. Рядомъ, сбоку, насупротивъ храпятъ юноши – мой сосѣдъ, двадцатилѣтній Бартеневъ задуваетъ зюио всѣхъ силъ (обычная его мольба впослѣдствіи: сразу же тормозитъ при утренней трубѣ, а то никакъ не проснется). Разъ, другой въ ночь войдетъ дежурный офицеръ, пройдетъ по ротѣ, съ дежурнымъ юнкеромъ при тесахъ: проверитъ все ли въ порядкѣ, правильно ли сложено платье у спящихъ (полагалось складывать его аккуратно, и перевязывать ремненнымъ поясомъ, не туго, но и не слабо. Кое гдѣ офицеръ подымаетъ этотъ пакетикъ жалкій: «Велите подтянуть ту же...» «Слушаюсь, ваше высокоблагородіе...»).

Шляпѣ не спится. Что такое? Гдѣ это онъ? Почему остриженъ, лежитъ въ холодной залѣ? Вотъ она, новая жизнь! Это только начало. Это еще «миръ», война впереди. Если миръ таковъ, что же самое то, «настоящее»?

И часы бѣгутъ, въ тоскѣ, одиночествѣ. Добѣгаютъ до какой то странной и даже таинственной минуты, когда сѣро-синеватая мгла въ окнахъ и вся пустынность колонной залы вдругъ разрывается отъ рева дикаго, неистоваго, – врядъ ли устояли бы и стѣны Іерихона! Половина шестого. Сигналъ к жизни. Мощь его рассчитана именно на Бартеневыхъ и имъ подобныхъ, на силу молодого сна.

// л. 164

Начинають въ холодѣ копошиться фигуры. Зажигается свѣтъ. Одинъ за другимъ тянутся въ умывальную заспанные «извозчики» (первая царская рота называется «жеребцы», мы, вторая, «извозчики»). А потомъ строятъ «къ чаю»;

---

^{*)} Слово жаргонное. Означаетъ безнадежно «штатскаго» и нерасторопнаго человѣка.

длинными, гулками коридорами сходить роты одна за другой (ихъ у насъ двѣнадцать) – въ полумглѣ, въ начинающемся зимнемъ разсвѣтѣ внизъ въ огромную столовую, гдѣ молитва и чай съ булкою за деревянными столами, а тамъ вновь строятъ, вновь ведутъ – лекціи, строевыя занятія, гимнастика: машина заработала.

* *

*

Мы, вновь прибывшіе, называемся «фараонами». Намъ надо обломать, хоть сколько нибудь привести въ военный видъ, и только тогда можно пустить въ отпускъ (мало ли опасностей на волѣ: а вдругъ встрѣтишь генерала, да не станешь во время во фронтъ, прозѣваешь рѣзваго капитана, только что вернушагося съ фронта? Сядешь въ театрѣ, на спросясь у старшаго по чину офицера? Жизнь сложна). И вотъ, кто хочетъ въ субботу итти въ отпускъ, долженъ выдержать «экзамень чести». Это для шляпъ дѣло нелегкое. Казалось бы, не такъ уже хитро: бодро и весело подойти, остановиться, сдѣлать подъ козырекъ, отрапортовать, повернуться и отойти... Но это цѣлая наука! Элементы гимнастики (можетъ быть, и балета) входятъ сюда. И не мало надо попотѣть, порепетировать со

// л. 165

своими же, прежде чѣмъ командиръ роты пропуститъ. Но тогда завоевано право отпуска, священное право, то, чѣмъ всѣ здѣсь дышатъ и о чемъ мечтаютъ старые и малые, простые юнкера и портупей, шляпы и строевыя орлы.

Кромѣ отпуска есть еще развлеченіе въ трудовой жизни: три раза въ недѣлю, съ пяти до семи, ждутъ насъ въ пріемной жены, сестры, друзья – къ намъ является уголокъ прежней, «милрой» жизни. И въ залу эту, полную благожелательныхъ, веселыхъ лицъ со всяческими приношеніями (конфеты, пирожки, яблоки, мало ли чего можно натащить въ Москвѣ еще человѣкообразной) – къ нимъ туда не такъ легко проникнуть. Нѣкіе Церберы стерегутъ. Надо пройти черезъ маленькую дежурную комнату и сдѣлать, казалось бы, простую вещь: подойти къ дежурному по училищу офицеру, взять подъ козырекъ и сказать, что юнкеръ такой то роты проситъ разрѣшенія пройти въ пріемную. Тутъ то вотъ и таятся для шляпы опасности. Обыкновенный юнкеръ войдетъ, быстро исполнитъ номеръ – и ужъ онъ среди болтающихъ и восхищающихся дамъ, барышень, невѣсть. Шляпъ грозятъ отовсюду опасности.

І. Распахнувъ дверь, съ перепугу онъ не замѣтитъ, сколько звѣздочекъ на погонѣ дежурнаго и на бѣду бахнетъ капитану:

– Господинъ поручикъ...

Или поручику:

– Господинъ капитанъ...

Но тогда дѣло предрѣшено:

– Кру-гомъ!

II. Или онъ разбѣжится и у самага столика какъ вкопанный замретъ со своей сакраментальной фразой (а надо за два шага, до столика) и тогда опять:

– Кру-гомъ!

III. Или, въ ужасѣ, вмѣсто «въ пріемную» скажетъ: «въ отпускъ» и снова:

– Кру-гомъ!

Но жизнь научаетъ. Шляпѣ тоже вѣдь хочется повидать родныхъ. И онъ «ловчить»: заранѣе разузнаетъ, кто дежурный, и въ какомъ чинѣ, въ открывающуюся дверь на глазъ размѣрять, гдѣ сдѣлать балетное па – въ концѣ концовъ малые эти пустяки не останоятъ: въ пріемную всетаки прорвешься.

И какая радость – видѣть родное лицо, получить какія нибудь шоколадки... Когда человѣку живется туго, всякая малость такъ освѣжаетъ, такъ помогаетъ...

Но особенно, конечно, важень отпускъ.

Въ отпускъ идутъ по субботамъ – и лишь тѣ, кто за недѣлю чистъ и безупреченъ, преступленіями не замаранъ, репетиціи сдалъ. Последнее не такъ то легко. Въ четыре мѣсяца надо пройти двухлѣтній курсъ – хоть наскоро и съ сокращеніями – все таки трудно и въ днѣ нашемъ все рассчитано по минутамъ, до одиннадцати по вечерамъ мы зубримъ. (Помню одно свое поражение: двойку по топографіи – не туда какъ то заѣхалъ по картѣ. Ночь безъ сна, удвоенное зубренье, на другой день у того

же нѣмца двѣнадцать, и въ отпускъ всетаки ушелъ).

Часть отпуска – часть блаженный. Одѣваемся, чистимся, другъ другу оправляемъ пояса, складки шинели на спинѣ.

– Отпускные, стройся!

Выбѣгаемъ, толкаясь, какъ маленькіе, въ коридоръ. За нѣкую мзду типъ въ цейхгаузѣ выбралъ выходную шинель получше, обмѣнилъ прежнюю. То же и съ фуражкой. Сапоги вычищены, поясъ затянуть, пряжка съ орломъ сіяетъ. Иногда стоимъ съ первой ротой, съ «жеребцами» – они по одной стѣнкѣ, мы по другой. Всѣ въ хорошемъ расположеніи духа. Пока не пришелъ офицеръ, развлекаемъ, какъ умѣемъ. У насъ свои задиралы, у нихъс вои.

– И-го-го-го! – гогочетъ какой нибудь нашъ Гущинъ, румяный и веселый парень. – Го-го! – и дѣлаетъ видъ, что подымается на заднія ноги, скачетъ въ одномъ мѣстѣ...

– Эй, извозчикъ, – кричитъ правофланговый жеребецъ: – въ Большой театръ, полтинникъ! Живо! Въ Оперу опоздали!

Гущинъ копытомъ роетъ землю.

– Т-с-съ!

Дежурный офицеръ. Все волшебнымъ мѣняется. Ни жеребцовъ, ни извозчиковъ, замершіе, въ струнку, грудь впередъ, голова нѣсколько на отлетѣ, юнкера, – тѣ, что

веселыми, молодыми тѣлами, дѣлають во дворѣ ротное ученье, ходять за Доргомилово въ походъ, маршируя бойко поють «Взвейтесь соколы орлами...»

// л. 168

Осмотръ опять касается того, все ли въ порядкѣ, туго ли стянуты пояса, всѣ ли пуговицы на мѣстѣ – Александровецъ долженъ быть въ отпуску на высотѣ своего училища.

И вотъ, хлопнула тяжелая входная дверь, заснѣженный тротуаръ, десятки молодыхъ лицъ, проѣзжающій Ванька (на этотъ разъ настоящій уже извозчикъ, а не символическій), Арбатская площадь въ сизости сумерекъ, галки на золотомъ крестѣ церковки.

Молодежь разбѣгается. Шляпа весело, но и осторожно идетъ къ себѣ на Арбатъ, норовить больше переулками. Того и гляди, изъ-за памятника Гоголя, въ сумеркахъ выскочить какойнибудь штабсъ-капитанъ, и ты во время не откозыряешь...

– А подать сюда Ляпкина-Тяпкина.

Или же другая крайность: вдругъ козырнешь замгусару (въ сумеркахъ всѣ кошки сѣры: генеральный штабъ, земскій союзъ... да не дай Богъ, еще гимназистъ взрослый пролетитъ на лихачѣ... Жутко подумать, если и ему честь отдашь).

Но впереди домъ, свой уголъ, жена, Арбатъ, что можетъ быть радостнѣй субботаго вечера!

II.

Да, блаженъ отпускъ, блаженъ вечеръ субботы. Въ двухъ комнатахъ переулка у Пречистинки все кажется такъ свѣтло, чисто и уютно!

// л. 169

Пусть бы и не двѣ, а одна, но вотъ съ этимъ мирнымъ снѣгомъ за окномъ, съ вороной на дврѣ, смѣно прыгающей около корки, съ кустикомъ, запушеннымъ бѣлымъ... Благовѣсть церкви рядомъ – знаменитой приютской Дурновскаго переулка – тоже особенный: милаго московскаго захоластья. (Тамъ замѣчательный хоръ, чудная служба. Если бы не усталость, хорошо бы по чуть протоптанной тропкѣ дойти ко всенощной).

Но никуда не пойдешь. Никакого желанія двигаться. Столько надвигался, столько напрыгался на параллеляхъ, набѣгался въ строевомъ учении – только-бы лежать, пить чай, читать – самое большое газету, и чувствовать, что ни фельдфебель, ни дежурный офицеръ въ эту комнатку съ образами и мѣщанскими занавѣсками не войдутъ, не придется вскакивать, какъ угорѣлому и опять садиться по командѣ:

– Занимайтесь своимъ дѣломъ!

Здѣсь, если заглянуть, то какая нибудь Аксинья или Матрена, полуотворивъ дверь, робко всунется: дома ли, моль, баринъ? Самоварчика свѣженькаго не поставитъ-ли? Баринъ дома, онъ въ субботу всегда, безнадежно и какъ то райски дома... и бесконечно можетъ распивать чай. Ночью же будетъ, просыпаясь, бормотать спросонку:

– Встать! Смирно! На первый-второй рассчитай-сь!

Но уже воскресный день – иной. Вечеромъ надо уходить. Горизонтъ мирнаго утра съ кала-

// л. 170

Чемъ, бубликомъ, свѣжимъ масломъ омраченъ дальней тучей. Ее почти не видать, но она надвигается – медленно, неотвратно. До завтрака большая часть неба свѣтла. «Мы», здѣшніе, – изъ Дурновскаго, еще въ больширнствѣ. Съ двухъ-трехъ часовъ перевѣсь получаютъ «они»: военная машина на Знаменкѣ, предъ которой мы ничто.

Къ девяти надо возвращаться. Тутъ все точно, очень строго. Если опоздать хотя бы на нѣсколько минутъ, мѣсяцъ безъ отпуска. Такъ что держи ухо востро! И держали. Лишь самые отчаянные являлись къ третьему звонку. Шляпы забирались раньше. Шляпа грустно появляется у колоннъ фасада, часовъ въ восемь съ чѣмъ нибудь, и простившись съ другомъ, ныряетъ въ знакомыя, на блокъ, двери.

Въ передней свѣтло. Дожидаются нѣсколько юнкеровъ.

– Кто ныне дежурный?

– Капитанъ Тимохинъ.

Ладно. Хотя и изъ «Войны и Мира», да зато навѣрно знаешь, что ужъ капитанъ. И черезъ двѣ минуты, въ дежурной комнатѣ, вытянувшись передъ Тимохинымъ, вовсе на толстовскаго непохожимъ, гаркнетъ шляпа:

– Господинъ капитанъ, юнкеръ второй роты пятнадцатаго ускореннаго выпуска изъ отпуска прибылъ!

«Прибылъ!» Какое важное событіе. Прибываютъ цари, президенты... Скромный-же воинъ, столь торжественно прибывшій, полутемной лѣ-

// л. 171

стницей взбѣгаетъ на второй этажъ, пустыннымъ, гулкимъ коридоромъ идетъ къ себѣ въ колонную – «извозчицкую». Койки еще пусты. Темно, холодно. Лишь въ глубинѣ, у столика дежурнаго, лампочка подъ темнымъ абажуромъ (бѣдняга цѣлый день сидѣлъ тутъ, сторожилъ стѣны и винтовки – дежурство его выпало на субботу).

– Ну, вотъ, – говоритъ онъ, зѣвая, – распишитесь. Хорошо погуляли?

* *

Мѣняется жизнь, но мѣняется и человекъ. Каждая утренняя труба, какое умыванье на холодѣ, каждый обѣдъ внизу въ столовой какъ то его мѣняютъ. Черезъ кобылу, конечно, до гробовой доски шляпа не перепрыгнетъ, и въ строю его фигура не изъ блестящихъ (португеемъ никогда не былъ), но въ предѣлахъ шляпскихъ своихъ возможностей онъ пообтесывается и привыкаетъ. Учится хорошо. Устаетъ сильно. Тѣломъ похудѣлъ, подтянулся, живетъ изо дня въ день, почти безъ думъ, едва поспѣвая за непрерывнымъ, неустаннымъ ходомъ жизни. Есть въ его монашеско-военномъ бытіи малая радости и кромѣ отпуска: время отъ половины пятого до четверти шестого. Тутъ имѣетъ онъ право растянуться у себя на койкѣ, пожевать шоколадку, принесенную женой, и блаженно съ дѣтской простотой на нѣсколько минутъ выйти изъ условій жизни – зачерпнуть иного міра,

// л. 172

тоже безсвязнаго, но отъ барабана далекаго... Именно нѣсколько минутъ. Та же труба, что зоветъ къ суду утромъ, такъ же разрываетъ уши ревомъ въ неизмѣнную минуту. Перемирие окончено. До трубы можно лежать не вставая, хоть бы самъ батальонный вошелъ. Теперь надо вставать, хотя въ ротѣ и никого нѣтъ.

Да и не очень належишься. Раза два въ недѣлю репетиціи. Днемъ на лекціяхъ, готовиться можно лишь по вечерамъ – и до одиннадцати клонятся стриженые юнкерскія головы надъ учебниками.

Самое страшное въ пѣхотѣ – артиллерія, въ Александровскомъ пѣхотномъ артиллерійскій полковникъ Александеръ: живой, бодрый пятидесятилѣтній человекъ, бодростью-то и нагоняющій на юнкеровъ ужасъ.

– Юнкеръ, чѣмъ-же пушка отличается отъ гаубицы?

Ему почти весело, онъ того гляди захохочетъ, а пѣхотинецъ помалкиваетъ.

– А какова траекторія?..

Юнкеръ краснѣетъ. Полковникъ-же чувствуетъ себя превосходно.

– Юнкеръ, если не умѣете говорить, можетъ быть, намъ споете?

Юнкеръ и пѣть не умѣетъ. Юнкеръ не знаетъ ничего и о взрывчатыхъ веществахъ...

– Слѣдующій!

Полковникъ совсѣмъ развеселился. Радостно ставитъ ноль. (Страннымъ образомъ, шляпѣ именно у него и повезло: получилъ двѣнадцать,

// л. 173

очень рѣдкій баллъ. Друзья-извозчики устроили ему овацію. И онъ ощущалъ славу болѣе, чѣмъ выходя на вызовы въ театрѣ Корша, на премьерѣ пьесы).

Зато ученѣйшій и старенькій генералъ по фортификаціи, кротостью больше походившій на монаха, подвергался баззастѣнчивымъ жульничествамъ. Правда, предметъ его трудный. Хорошо ему, старичку въ золотыхъ погонахъ зигзагами,

всю жизнь рисовавшему разные брустверы да блиндажи: онъ то ихъ наизусть помнить, вѣроятно, во снѣ способенъ изобразить какое-нибудь «укрытіе». А мы только укрываемся отъ разныхъ репетицій... – да и вообще развѣ можно такую науку, инженерно-строительную, усвоить въ четыре мѣсяца?

Выходъ простой: самопомощь. Пока генераль грустно объясняетъ что-то слабымъ, какъ у ветхаго священника, голосомъ юнкеру у одной доски, къ другимъ доскамъ, гдѣ томятся два другихъ юнкера, летятъ подкѣпленія: выдранныя странички изъ лекцій.

– Господа, прошу потише!

Бываетъ такъ, что стрѣла съ подкѣпленіемъ упадетъ у самыхъ ногъ генерала, или онъ обернется въ ту минуту, когда юнкеръ Гущинъ вслухъ читаетъ безтолковому юнкеру Гундасову страницу учебника.

– Па-а-громче! Не слыш-но! Па-жалуйста, па-а-громче!

Генераль страдальчески вздыхаетъ.

// л. 174

– Господа, я принужденъ буду налагать взысканіе...

Всѣ вытягиваются, лица безпредѣльно постны, добродѣтельны. Ни въ какія генеральскія взысканія никто не вѣритъ. Но конецъ странички Гущинъ черезъ нѣсколько минутъ читаетъ, все-же, тише.

– Па-а-громче! – слышится отъ доски.

– Паж-а-луйста, па-а-громче!

* *

*

«Рождество Твое, Христе Боже нашъ», пѣли въ церквахъ: «возсія мірови свѣтъ разу-ума». Юнкеровъ распустили на три дня. Въ Дурновскомъ была елочка. Мы съ нѣкою грустью прятались за ней отъ будущаго – фронта, невдали ужъ рисовавшагося, всѣхъ раскатовъ, ужасовъ войны. Но многого не понимали и не различали еще въ жизни. Міръ-же все не понималъ «свѣта разума», вѣрнѣе, отъ него отрекался. Тѣ-же боины шли, и сама родина наша, сама Россія и Москва близились къ страшному рубежу.

Новый годъ встрѣчали у друзей, въ роскошной квартирѣ близъ Мясницкой. Ужинъ былъ мало похожъ на юнкерскіе. Воронежская хозяйка, тяжелаго купческаго рода, блеснула жемчугами, угощеніемъ. Хрусталь сервировки, цвѣты, индѣйка, мороженое, шампанское, полякъ лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ, дамы въ бальномъ, мужчины въ смокингахъ... – прежній русскій міръ точно давалъ послѣднее свое представленіе: спектакль передъ закрытіемъ сезона.

// л. 175

Кромѣ пріятеля моего, хозяина – европейскаго привать-доцента государственнаго права – помню другаго привать-доцента, анархическаго, помню еще кой-кого изъ всѣмъ извѣстныхъ московско-россійскихъ фигуръ. Но вотъ запомнился больше другихъ въ тотъ вечеръ Кокошкинъ, можетъ быть, и оптому, что не сразу меня узналъ.

– Боже мой, вы... стриженный, въ этой странной на васъ формѣ...

Кокошкинъ былъ надушенъ, элегантенъ, кончики его усовъ, вздымавшихся полукружіями, слегка покачивались, когда нѣжнѣйшимъ платочкомъ проводилъ онъ по нимъ. (Эти усы помню еще съ университета, студентомъ, когда у него держалъ экзамены). Кокошкинъ остался все тотъ-же, такой-же культурно-нарядный, такой-же московскій «кадетъ», интеллигентъ, способный, кромѣ государственнаго права, поговорить и о музыкѣ, и о Вячеславѣ Ивановѣ.

Говорили, конечно, много о войнѣ. Розовый докторъ Блюмъ, съ серебряной шевелюрой, бодрый, веселый, все и всѣхъ знающій, явился поздно. Блестя глазами черносливными, вкусно выпилъ водки, закусилъ икрой, обтеръ салфеткой усь съ капелькою растаявшаго снѣга. Наливая вторую рюмку, благодушно кивнулъ мнѣ и черезъ столъ чокнулся.

– Ура! За армію и за побѣду до конца!

Опрокинулъ рюмку, проглотилъ, и засмѣялся такъ раскатисто и весело, точно побѣдить было

// л. 176

Ему нисколько не труднѣй, чѣмъ выпить эту водку.

– У меня самыя свѣжія новости. Да, мы были на волоскѣ, едв Ане заключили мира. Не забывайте, что императрица и вся партія ея... нѣмецкой ориентации... Сепаратный миръ, а? Какъ это вамъ понравится?

Онъ обвелъ всѣхъ взглядомъ ласково-побѣдоноснымъ.

– Сепаратный миръ, когда Германія и до весны не продержится!

– А вы долго будете держаться? – спросилъ кто-то.

– Да, но позвольте, вамъ извѣстно, сколько теперь вырабатываютъ въ день шрапнелей на заводахъ?

Поднялся споръ. Блюмъ такъ распоряжался шрапнелями и пулеметами, точно они лежали у него въ карманѣ.

Въ двѣнадцать часовъ, разумѣется, чокались, пили шампанское (за побѣду. За скорый миръ, за всеобщее счастье – мало-ли за что можно пить въ веселую минуту, за обѣденнымъ столомъ, при яркомъ свѣтѣ, хрусталѣ, дамахъ, цвѣтахъ?). Было шумно, и какъ всегда подъ Новый годъ грустно-весело. Все-же, шла война. (За «сѣрыхъ героевъ» тоже, конечно, выпили). Не всѣ были такъ радостно-самоувѣрены, какъ Блюмъ. Кой у кого сжималось, все-же, сердце, смутнымъ, и волнующимъ щемленіемъ.

...Мы вышли поздно. По Москвѣ морозной, цѣпенѣющей отъ холода, мчалъ насъ лихачъ въ

Дурновскій. Знакомыя созвѣздія неслись надъ головой, въ узкихъ, знакомыхъ улицахъ. На Лубянской площади у костра грѣлись извозчики. Думали-ль мы тогда, чѣмъ будетъ впослѣдствіи это мѣсто, этотъ домъ Страхового Общества?

Небо, да тайна были надъ нами въ канунъ года, такъ шумно встрѣченного. Года, разбившаго наши жизни, заливащаго Москву кровью. А Кокошкина, съ его надушенными усами, приведшаго къ кончинѣ мученической.

Ш.

Перваго февраля 1917 г. старшая половина нашей роты вышла въ прапорщики. Мы съ завистью смотрѣли, какъ въ колонную нашу залу натаскивали свѣжую обмундировку, офицерскія шашки, фуражки, какъ вчерашніе сотоварищи надѣвали болѣе элегантные сапоги, получали великолѣпные револьверы-кольты. И неукоснительно, по движенію стрѣлки произошла перемѣна: дружески съ нами попрощавшись, обратившись въ чистенькихъ, иногда даже изящныхъ прапорщиковъ, внезапно исчезли. На ихъ мѣсто, въ тотъ-же часъ появились «фараоны», вполнѣ еще шляпы, такіе-же, какъ мы были два мѣсяца назадъ, наполовину въ штатскомъ, растерянные, робѣющіе. Нельзя сказать, чтобы мы ихъ цукали. Но даже шляпы декабрьскія все-же смотрѣли на февральскихъ нѣсколько сверху внизъ. Ихъ такъ-же, какъ и

насъ готовили къ экзамену чести. Какъ «опытные» строевики, мы снисходительно давали имъ совѣты, учили, обдергивали топорщившіяся гимнастерки, заправляли пояса подъ хлястики шинелей. Вообще, чувствовали себя господами.

Лично я, впрочемъ, въ эти недѣли потерпѣлъ жестокое пораженье. Хорошимъ строевикомъ не былъ никогда, все-таки, на третьемъ мѣсяцѣ юнкерства, казалось бы, долженъ былъ кое что смыслить въ командованіи. Курсовые офицеры знали, что я писатель. Нѣкоторые относились ко мнѣ съ подчеркнутой любезностью. Эта любезность однажды меня и погубила. Обычно вечеромъ роту рассчитывали или фельдфебель (юнker-же), или портупей – юноши изъ самыхъ ловкихъ, захватскихъ, смѣлыхъ. Поручикъ Н., желая оказать мнѣ вниманіе, стоя передъ фронтомъ роты, вдругъ вызвалъ меня:

– Ну-ка, рассчитайте роту!

Подъ свѣтомъ неяркихъ лампъ шеренга юношей – многіе среди нихъ пріятели, съ которыми вмѣстѣ разбирали и чистили винтовки, другіе – робкія новыя шляпы, еще неподтянутыя и мѣшковатыя. Расчетъ роты производился каждый вечеръ. Всѣ команды какъ будто знакомы:

– Рота смир-но!

Это-то я зналъ навѣрно. Фараоны съ благоговѣйнымъ ужасоомъ подтянулись. Рота дѣйствительно затихла, обратилась въ молодую, живую и неподвижную изгородь.

– На первый второй рассчитайсь!

Тоже не плохо.

// л. 179

Какъ въ заводной игрушкѣ головы поворачивались слѣва направо, и эта волна быбстро, легко бѣжала съ одного фланга къ другому. Теперь надо раздвинуть взводы, вздвоить ряды, сдѣлать еще какія-то мелочи, повернуть направо и колонной двинуть внизъ, въ столовую.

Что со мной сдѣлалось? Очень простая вещь. Я скомандовалъ такъ, точно-бы самъ находился *въ строю*, а не *передъ строемъ*. И все вышло наоборотъ, какъ въ зеркалѣ. Команда магическое слово. Съ ней не спорять и ее не обсуждаютъ. Взводы покорно исполнили, что имъ было приказано: фараоны съ окаменѣлыми лицами полѣзли другъ на друга, плечо на плечо: вмѣсто того, чтобы раздвинуть роту, образовавъ промежутки, я обратилъ ее въ бессмысленную кашу. Сразу все пропало! Погибла стройная фаланга, исчезъ ритмъ ея и эластичность. «Не такъ... что вы дѣлаете!» зашептали изъ строя пріятель. Фараоны испугано смотрѣли во всѣ глаза: можетъ, это ни еще напутали... Офицеръ поправилъ меня. Но уже все ббло потеряно. Растерявшись, я вновь неправильно скомандовалъ, опять вышла какая то чепуха... Нѣтъ, подѣ несчастной звѣздой все затѣялось. Остальное Н. командовалъ уже самъ.

* *
*

Наступили морозы. Какіе холода выпали на начало 1917-го гда! Стекла нашей роты промерзали, «паръ отъ дыханья волнами ходилъ»,

// л. 180

Мучительно – умываться въ шесть часовъ при такой стужѣ. И именно тутъ мы ходили въ походы. Въ своемъ родѣ это и интересно. Съ раннего утра возимся съ винтовками, одѣваемся потеплѣе – башлыки, шерстяныя варежки, прилаживаемъ сумки съ патронами, веселой колонной выходимъ на Знаменку, рассыпаемся длинной шеренгой. Настоящій офицеръ, правильно командующій, строитъ насъ въ походную колонну, и мы трогаемся. То-ли въ Хамовники, то-ли за Доргомилово. Быстрая ходьба разогрѣваетъ. А тамъ изъ дымнаго тумана означится краснѣющее надъ Москвой солнце, и покажется, что теплѣй, и московскій снѣгъ, промерзшій и пѣвучій, скрипитъ подѣ сотнями молодыхъ ногъ. Похоже на прогулку, на какую-то игру. Прохожіе оглядываются сочувственно. На какомъ нибудь углу поджидаютъ – кого жена, кого сестра, невѣста. Машутъ

платочками, смѣются: эти привѣты дорогихъ и близкихъ всегда въ нашемъ положеніи такъ радостны!

– Взвейтесь соколлы орла-ами, полно горе горевать...

Наша рота пѣвучая. Какіе-бы мы ни были «извозчики», но поемъ, дѣйствительно, хорошо, и «жеребцы» намъ завидуютъ. А подъ пѣсню, даже на морозѣ, идти легче. По правдѣ же говоря, длинный походъ не такъ особенно и легкокъ: трудно съ винтовками. Идти намъ нуж-

// л. 181

но стройно и красиво («бравые александровцы»), и для этого штыки должны торчать стойкомъ и весело позванивать иногда, задѣвая одинъ за другой. Нельзя винтовку просто положить на плечо: и безобразно будетъ, и того гляди выколешь глаза комунибудь. Значить, вся тяжесть винтовки на ладони, въ которую упирается ложе, а штыкъ въ небѣ. Рука устаетъ. И очень устаетъ. Правда, мы научились и ловчить: приноровишь петельку шинели, и обопрешь на нее ложе. А рукой держишь только для декораціи.

За городомъ разсыпаніе въ цѣпи, перебѣжки, атаки, все это уже настоящій спортъ, игра. По легкомыслию-ли, по могучей-ли, таинственной жизненности, вся эта молодежь, и даже шляпы не первой молодости, какъ-то забывали на пустыряхъ Хамовниковъ, на искрящемся снѣгомъ полѣ предъ видомъ Воробьевыхъ горъ, куполовъ Новодѣвичьяго, что это за игра, къ чему, собственно, готовимся. Перебѣгали, залегали, хохотали въ снѣгу... А тайными путями Провѣданія въ тѣ самые дни нарастали событія, долженствовавшія все перевернуть.

Съ какого-то дня, все-же, морозы прекратились.

Походы стали еще легче. И теперь ходили мы больше за Дорогомилово, подъ Фили – знаменітые Фили 12-го года съ Наполеономъ, Кутузовымъ, побѣдоноснымъ нашимъ отступленіемъ. Тутъ уже, въ снѣгахъ лоцинь, лѣсочковъ, деревушекъ, сразу чувствовалась весна, и нерѣдко

// л. 182

теперь, съ рѣзкимъ переломомъ погоды, легкія, прозрачныя облачка вѣялись по глубокому небу, шоссе вдругъ темнѣло, рыжѣло, грачи появились... Какъ весело, и радостно забиваться гурьбою въ деревенскій трактиръ – съ разрумяненными лицами, широко дышащей грудью: пить изъ пузатыхъ чайниковъ чай съ калачами, закусывать немудрящей колбасой – игра и охота продолжались передъ самыми «событіями».

* *

*

«Скажи-ка дя-дя вѣ-ѣдь недаромъ,
Москва спале-спаленная пожаромъ,
Французу отдана... Французу отдана».

Мы шли Арбатомъ, возвращаясь въ училище. Роту вель красивый прапорщикъ Николай Сергѣичъ.

– Ать-два, ать-два – по временамъ онъ обертывался и шагаль спиной впередъ, на легкихъ, молодыхъ ногахъ. Въ первомъ ряду четыре портупей-юнкера маршировали рѣзво – высоко, точно держа винтовки – узкой лентой колыхалась дальше рота, звякали штыки, отблескивая солнцемъ. Оттепельный, свѣтлый день! Ноги шлепали по шоколадному, съ голубыми лужами снѣгу Арбата. На углу Серебрянаго Николай Сергѣичъ отдалъ честь женѣ моей, поджидавшей нашъ пароходъ, и шагавшей потомъ рядомъ съ нами по тротуару... (пріатели мои уже знали ее, и тоже кланялись изъ строя: вещь не совсѣмъ законная, но сходявшая съ рукъ).

// л. 183

На Арбатской площади мы немножко задержались: наперерѣзъ неслась пара въ дышло. Снѣгъ и грязь летѣли изъ подъ лошадей, кучеръ воздымался истуканомъ. Мелькнула полость, сани полицмейстерскія съ высоченной спинкой, генераль въ сѣрой перламутровой шапкѣ, съ золотымъ перекрещеніемъ на ней. Лицо его тоже пронеслось видѣніемъ мгновеннымъ... – но что-то было въ немъ особенное, совсѣмъ, совсѣмъ другое.

Не знаю, какъ, откуда къ намъ проникло *это*. Но лишь мы раздѣлись, придя въ роту, изъ усть въ уста побѣжало:

– Въ Петербургѣ возстаніе!

Сразу все измѣнилось. То-есть, по видимости было прежнее, машина шла, но безумное волненіе охватило всѣхъ сразу, и шляпъ, и портупеевъ, офицеровъ курсовыхъ и батальонныхъ, поваровъ и генераловъ. Выдержка скрывала еще новое – но не надолго...

Въ городѣ что-то происходило. Проходили по Знаменкѣ кучки солдатъ, штатскіе, дамы, иногда намъ махали съ тротуаровъ, кричали. Мы выставили карауль у входа. Насъ никуда не выпускали.

Если не ошибаюсь, этотъ день еще прошелъ спокойно. Утромъ слѣдующаго меня вызвали съ лекціи внизъ въ пріемную – необычайный случай: съ лекціи и въ неурочный часъ... Тамъ ждалъ родственникъ, профессоръ медицинскій, съ зеленымъ отъ волненія лицомъ.

– Въ Петербургѣ вчера убить Юра...

// л. 184

Простъ, и страшень былъ рассказъ. Я его выслушалъ. Я его, кажется, и бессмысленно, сразу оконченѣвъ, выслушалъ. И потомъ все пошло призрачно.

Сквозь туманъ прощался съ родственникомъ, вернулся на лекцію – на лекцію-то все-таки вернулся. Да немного изъ нея вынесъ.

– Что съ вами? – шептали сосѣди.

Юра былъ мой племянникъ. Полковникъ что-то дочитывалъ. Я сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Въ ушахъ слова о статьяхъ полевого устава. Въ темнотѣ съ радужными криками – мальчикъ, на моихъ глазахъ родившійся, на моихъ глазахъ выросшій – изящный, скромный рыцарь. Только что кончилъ Павловское училище. Вышелъ въ Измайловскій полкъ. 27 февраля былъ дежурнымъ въ полку – вотъ онъ въ снаряженіи, ремняхъ, съ револьверомъ и пашкой, юношески стройный, съ карими, веселыми, смѣшными глазами... Петя Ростовъ?

Когда чернь ворвалась во дворъ казармъ, онъ *одинъ* загородилъ дорогу. На предложеніе сдаться, отвѣчалъ отказомъ... такъ-бы и Петя поступилъ. И тотчасъ палъ.

Началась «безкровная», «великая безкровная» – судъ надъ всѣми нами, съ непонятною таинственностью начавшій съ самыхъ юныхъ и невинныхъ: ими сердца наши разившій.

// л. 185

* *

*

Юра палъ какъ рыцарь, какъ военный. Самодержавный строй, его жизнью расплачивавшійся, самъ валился стремительно – никто его не защищалъ. Къ вечеру войска двинулись въ Москвѣ на площадь передъ Думою (кажется, присягать Временному Правительству). Въ нашемъ училищѣ электрически пронеслось и установилось такое душенстроение: противъ большевиковъ и за Временное Правительство. За самодержавіе никого, изъ юнкеровъ и молодыхъ офицеровъ. Старые – другое дѣло.

Часовъ въ шесть была сдѣлана, по приказу Морозовскаго, командующаго войсками округа, послѣдняя попытка борьбы. Насъ выростили въ ротахъ, роздали винтовки, боевые патроны. Стало извѣстно, что поведутъ «усмирять». Молніей пронеслось:

– Въ народъ стрѣлять не будемъ!

Тѣ часы въ памяти остались огненными. Въ головѣ вертѣлась гибель и кровь Юры, предстоящая кровь, неизвѣстность, мучительная тоска, невозможность стрѣлять и возможность быть сзади растрѣяннымъ изъ пулеметовъ за отказъ повиноваться, ненависть къ убійцамъ въ Петербургѣ, и нежеланіе проливать кровь не-убійць (какъ намъ тогда казалось). Тотъ самый офицеръ, что подвелъ меня своею любезностью въ мирное (казавшееся столь далекимъ!) время, въ боевомъ снаряженіи вышелъ передъ фронтъ нашей роты. Рота уже не стояла

// л. 186

Такъ «смирно», какъ тогда. Подъ свѣтомъ лампъ штыки нервно покачивались у примкнутыхъ къ плечамъ винтовокъ. Онъ объяснилъ, куда идемъ.

Что-то задышало, заволновалось, начались «шевеленія»... глухія слова, сначала неясныя. Потомъ кто-то крикнулъ:

– Не будемъ стрѣлять!

– Юнкеръ, вы въ строю...

– Мы не будемъ стрѣлять, господинъ поручикъ, закричали съ разныхъ сторонъ.

Офицеръ еще сильнѣе поблѣднѣлъ.

– А вы знаете, что Москва на военномъ положеніи, и что бываетъ за послушаніе...

Но ужъ не могъ сопротивляться онъ той бурѣ, что неслась одновременно, электрически, по *всѣмъ* ротамъ. Строй потерялся. Штыки звякали, всѣ кругомъ говорили. Взволнованныя, раскраснѣвшіяся лица...

– Посланъ узнать въ другія роты...

Въ величайшемъ волненіи самъ офицеръ ушелъ. Мы остались стоять. Что то рѣшалось, колебалось въ старыхъ стѣнахъ училища, съ портретами государей, полководцевъ на стѣнахъ... Какія-то стѣны падали.

Черезъ часъ намъ велѣли разоблачиться. Никуда мы не вышли.

Въ такомъ настроеніи наши двѣнадцать ротъ не выведешь.

// л. 187

IV.

...На улицу насъ такъ и не пустили, чтобы не подвергать опасностямъ. Попрежнему въ передней стоялъ караулъ. На противоположномъ тротуарѣ толклись любопытные, студенты, дамы. Махали намъ, какъ бы насъ звали. Лекціи и занятія все-же шли. Вернувшись съ ротнаго ученія втсрѣтилъ я въ колонной залѣ юнкера Гущина. Веселый юнкеръ, со штыкомъ у пояса, на ходу крикнулъ:

– Сейчасъ на улицу вашей супругѣ салютовали!

– Какъ такъ?

– А вонъ, взгляните...

У окна толпились юнкера. Махали носовыми платками, одинъ кричалъ что то форточку.

– Она спрашивала, – объяснилъ Гущинъ, – живы-ли вы, и какъ здоровье. Ну, вотъ ей и отвѣтили...

Особенную извѣстность жена моя получила въ эти дни за то, что первая дала знать въ училище объ арестѣ командующаго войсками (ген. Мрозовскаго). Въ приѣмную къ ней меня не пустили. Но въ бутербродахъ ухитрилась она передать мнѣ записку о Мрозовскомъ – это произвело у насъ огромнѣйшее впечатленіе. Въ знакъ благодарности, юнкера вывѣшивали ей теперь бюллетени о моемъ состояніи.

// л. 188

Подойдя, увидѣлъ я на оконномъ стеклѣ, приклеенный, огромный листъ бумаги. На немъ усердно, крупно было выведено:

– Боря здоровъ.

* *

*

Не долго продолжался нашъ нейтралитетъ. Тотъ самый вѣтеръ, что перебуrowилъ всю Россію, проникъ и сюда. Само начальство наше перешло подъ власть Временнаго Правительства.

Всѣ помнятъ эти дни – ощущение стихіи надвигающейся, все сметающей. Мнѣ же особенно врѣзался одинъ вечеръ въ училищѣ, первый послѣ паденія самодержавія. Обычно, при расчетѣ роты, шеренга «извозчиковъ» пѣла «Боже, Царя храни!». Офицеры и фельдфебеля держали подъ козырекъ, всѣ мы тянулись во фронтъ. Это считалось минутой торжественной.

Наступила она и въ тотъ день. Когда надо было взять дружно, хоромъ – раздалось всего два-три неувѣренныхъ голоса, по привычкѣ.

– Отставить, сказалъ высокій, худой ротный нашъ, съ сѣдиною, при Георгіи. Всѣ замолчали. Странная, невеселая минута! Одиноко, мы стояли. Сумерки наступали. Гдѣ то вдали играла музыка. Екатерина, во весь ростъ, смотрѣла съ овальнаго портрета въ глубинѣ залы. Александръ, насупротивъ, выставлялъ бѣлыя лосины, зачесанные височки. Николай скакалъ на конѣ. Гимна не пѣли.

Высокій ротный, съ сѣдиной и плѣшью, отиралъ платочкомъ слезы.

// л. 189

* *

*

А на другой день юнкера весело выбѣгали на мокрую, въ мартовскомъ солнцѣ улицу, мѣсили сырой снѣгъ, прыгали черезъ лужи – бѣжали въ отпускъ. И старый ротный, старый гимнъ, вес это позади. Улицы бурлятъ народомъ, еще радостнымъ и оживленнымъ. Разочарованій еще нѣтъ. Медовый мѣсяцъ. Что же говорить, большинство нашихъ нацѣпили красные банты: Временное Правительство, какъ ни какъ, изъ революции вѣдь родилось. И всѣ близкіе – жены, сестры, матери – приблизительно такъ чувствовали.

Но дисциплину мы сохраняли. Помню, встрѣтилъ я на Пречистенскомъ старичка-генерала, худенькаго, съ красными лампасами, въ кованыхъ калошахъ. Онъ старательно обходилъ лужу на тротуарѣ. Бравый александровецъ, хоть и съ краснымъ бантомъ, сталь, разумѣется, передъ нимъ во фронтъ, да такъ ловко, что треть лужи выплеснулъ на генералово пальто. Старичекъ горестно махнулъ рукой:

– Эхъ, юнкеръ, юнкеръ...

* *

*

Новая жизнь начлась и у насъ, въ старомъ, вѣковомъ дворцѣ на Знаменкѣ. Новая жизнь, съ революціей пришедшая, состояла въ томъ, что прежній, грозно-крѣпкій строй вдругъ обратился въ нѣкій призракъ. О, мы вели себя благо-

// л. 190

пристойно, съ внѣшной стороны машина будто бы и двигалась. Но въ самомъ этомъ движеніи появилась нѣкая фальшь. Не было ощущенія власти, неотвратимой силы, прежде смалывавшей... надо просто признать: лично, для *каждого*, стало въ училищѣ *легче*. (И если такъ произошло съ нами, но что же стало съ солдатами! Какъ же *имъ* было не хотѣть раволюціи!).

И начальство перемѣнилось. Какъ не инымъ можетъ стать начальство, когда сразу же роты выбрали свои комитеты, и уполномоченные эти въ любви время могли докладывать старику-генералу, начальнику училища, о своихъ нуждахъ. Царство шляпъ начиналось. О, если бы я хотѣлъ выплыть, время подошло. Но я безъ всякаго моего желанія, только за то, что я писатель и шляпа, выбрали меня и въ ротный комитетъ и потомъ въ комитетъ семи отъ всего училища – мы вошли въ Совѣтъ Солдатскихъ и Офицерскихъ депутатовъ Москвы. Много интереснѣй, разумѣется, было засѣдать, вмѣсто лекцій, въ какой нибудь *для насъ отвѣденной* аудиторіи, или ѣхать въ Политехнической музей на общее собраніе Совѣта. Или итти депутаціей къ нашему генералу, просить о какихъ нибудь послабленіяхъ (о «подтягиваніи» никогда мы не просили) – и при всей внѣшной почтительности нашей все же генераль смущался... и никакъ не могъ взять тона: что мы, подчиненные его, или онъ намъ въ чемъ то уже подчиненъ? Мы старались, разумѣется, быть мягче и приличнѣе, но за спиной нашей «ловчили» уже

// л. 191

дѣйствовали: старый, тяжеловѣсный и суровый строй военный отступалъ.

Попрежнему ходили мы въ походы, были даже на парадъ на Красной площади, попережнему учились стрѣльбѣ въ тирѣ и разбирали проклятый пулеметъ (понять устройство коего невозможно). Но все это было наполовину игра, «нарочно».

* *

*

Важное, или важнымъ лишь кажущееся, надвигалось такъ же неотвратимо, какъ въ свое время минута погруженія въ училище.

...Последніе дни нашей жизни на Знаменкѣ были легки, нѣсколько и лѣнны, заняты. Помню московскую весну, свѣтъ, лужи, огромный офицерскій магазинъ

на Воздвиженкѣ, куда ходили мы примѣрять новенькіе фрэнчи, фуражки съ офицерской кокардой, шинели. А потомъ все это волокли къ намъ въ роту. Лекціи уже окончились, мы валялись по койкамъ, вновь мѣрили, охорашивались, сравнивали револьверы, пробовали лезвія шашекъ – возрастъ нашъ сразу понижался до полуребяческаго, несмотря ни на какіе погоны. Въ эти же дни шло медленное, но тоже непрерывное возвращеніе къ жизни обычной: точно бы просыпался послѣ четырехмѣсячнаго сна съ удивительными сновидѣніями (команды, марши, трубы, походы...). Въ эти свѣтлые весенніе дни, лежа на своей койкѣ, опять я читалъ, какъ обычный человекъ и истин-

// л. 192

ная шляпа, нѣчто глубоко-невенное, совершенно здѣсь неподходящее, что, однако, уводило въ нѣкій иной, романтическій міръ: «Воображаемые портреты» Уолтера Патера (въ переводѣ Павла Муратова) – и свѣтлый опаль съ нѣжнымъ сиреневымъ отгѣнкомъ дней московскихъ, дней весеннихъ, сливался съ обликами Ватто, пейзажами дальняго Оксерра. Эта смѣсь поэзіи и странной жизни вокругъ и тогда волновала и теперь о ней воспоминаешь съ удивленнымъ чувствомъ.

1-го апрѣля обратились мы въ нарядныхъ прапорщиковъ арміи, дни которой и вообще то были сочтены. Обнимались, прощались весело и грустно. Выходили всѣ въ разные полки. Будущее было загадочно и неясно – судьба наша недостоверна. И дѣйствительно, вѣромъ разнесло насъ, кого куда. Изъ всѣхъ полутораста своихъ сотоварищей по ротѣ лишь одного довелось встрѣтить мнѣ за пятнадцать лѣтъ.

...На моихъ новенькихъ погонахъ стояла цифра 192 – запасный пѣхотный полкъ Московскаго гарнизона.

// л. 193

Офицеры

(1917)

I

...Казармы – вблизи Сухаревки. Огромный дворъ, трехэтажные корпуса, солдаты, слоняющіеся безъ толку, – кое гдѣ вялый подпоручикъ строить взводъ, пытается заняться ученіемъ. Офицеры, изрѣдка пересѣкающіе дворъ, – больше въ канцелярію или въ столовую. Ненужное, скучное, безтолковое... пока еще мирное, но уже въ себѣ искры таящее. Такой же сумбуръ и снаружи, вокругъ знаменитой башни Сухаревской, пристанища чернокнижника Брюса. Базаръ, суета, солдаты, квась, палатки, сѣмячки.

Вернувшись из деревни, надѣваю парадную форму, со всѣми портупееями и крестообразными ремнями, чищусь, подтягиваюсь, отправляюсь представляться полковому командиру.

Часамъ къ десяти собираемся мы, пять-шесть прапорщиковъ, въ небольшой комнатѣ, свѣтлой, носящей еще слѣды старой, налаженной жизни – приемная полкового командира. Скоро вышель

// л. 194

И онъ. Мы вытянулись, поочередно представились... Вспоминая лысаго старичка съ большимъ лбомъ, вижу его какъ бы на сценѣ: не то изъ «Трехъ сестеръ», не то изъ другой чеховской вещи. Во всякомъ случаѣ, это чеховскій человѣкъ. Онъ радостно, какъ роднымъ и близкимъ, пожималъ намъ руки. Кажется, это былъ генераль-маіоръ, съ сѣдыми бачками, въ сюртукъ съ эполетами, и съ красными лампасами (теперь иногда такихъ показываютъ въ русскихъ фильмахъ).

– Александровскаго училища? Такъ, такъ-съ, прекрасно. Отличное заведеніе... Надѣюсь, будемъ въ согласіи работать. Времена трудныя, господа, вы сами понимаете, требующія особеннаго такта, осмотрительности...

Изъ окна виденъ дворъ. Солдаты шляются по немъ, иногда въ обнимку, другіе висятъ на подоконникахъ, курятъ, плюютъ, дуцатъ сѣмячки. Такой же дворъ, вѣроятно, былъ и въ Измайловскомъ полку, когда туда ворвались (тоже лущившіе сѣмячки) и убили Юру. Мы многое понимаемъ и безъ старенькаго генерала.

Онъ отпустилъ насъ съ лучшими пожеланіями. Понимаю его. Въ нашемъ обликѣ, тонѣ, почтительности, чувствовалъ уголокъ своего. Мы не обидимъ. Не нагрубимъ – тонкая пленочка, еще отдѣляющая его отъ сѣмячекъ.

Возвращаясь домой, остановился я на Сухаревкѣ, ждалъ трамвая. Въ сутолокѣ базара случайно взглянулъ на лотокъ, гдѣ лежали разныя мелкія вещи: гребни, шкатулки, бусы. Среди

// л. 195

нихъ небольшая деревянная икона, безъ оклада, стариннаго письма. Въ серединѣ Ангель-хранитель, въ бѣломъ съ золотомъ, съ округлымъ, чуть припухлымъ ликомъ рублевскаго тпа. Слева Николай Мирликійскій, справа св. Татіана. (Рѣдкая по сюжету композиція 17 вѣка).

Татьяна, это Пушкинъ, Москва. Имя моей матери, моей сестры, съ дѣтства какъ бы священное. На перекресткѣ жизни, въ нищетѣ и убожествѣ сухаревскаго рынка предстала мнѣ св. Великомученица.

...Черезъ нѣсколько минутъ я везъ икону, тщательно завернутую, къ себѣ на Долгоруковскую. И она вошла въ домъ мой въ первые мѣсяцы страстей Россіи.

Такъ началась въ Москвѣ офицерская моя жизнь. На юнкерскую вовсе непохожая. Тамъ напряженность, дисциплина, трудъ, здѣсь распушенность и грустная ненужность. Война еще гремѣла. На Западѣ принимала даже характеръ апокалиптическій. У насъ вырождалась. Мы уже не могли воевать, мы – толпа. Это чувствовалось и въ тылу. Въ Москвѣ тоже дѣлали видъ, что живутъ, обучаютъ солдатъ и къ чему-то готовятся. Въ дѣйствительности же...

Я поселился въ особнякъ у друзей. Старинный купеческій домъ, фасадомъ на Суцевскую, дворомъ на Долгоруковскую. У меня отличная комната. Для работы огромный кабинетъ, ря-

// л. 196

домъ пустая зала, по которой взадъ-впередъ можно ходить безъ устали. Блистающій паркетъ, фанера на стѣнахъ, лукутинскія табакерки и коробки, жара, солнце и пыльная улица за окномъ съ церковью Казанской Божіей Матери (гдѣ нѣкогда я вѣнчался).

Служба... Состояла она въ томъ, что по утрамъ надо ѣхать въ казармы. Тамъ рѣшительно нечего дѣлать, при всемъ желаніи. Бездѣльничали и солдаты, и офицеры. Смыслъ поѣздокъ только тотъ, что въ полдень въ офицерскомъ собраніи, тамъ же въ казармахъ мы и завтракали. А послѣ завтрака Сухаревка, трамвай, и къ себѣ на Суцевскую.

Но одинхъ сутокъ все-таки и мнѣ не забыть: меня назначили дежурнымъ по полку. Опять снаряженіе, ремни, портупей, теперь и заряженный револьверъ. Весь полкъ на твоей отвѣтственности... А ужъ какой это теперь полкъ!

Около полудня спустился я съ какой-то лѣстницы во дворъ казармъ. Къ великому моему удивленію, тамъ стоялъ хорошо построенный взводъ, со старымъ фельфебелемъ. Къ моему окончательному изумленію, при моемъ появленіи взводъ взялъ на-караулъ – винтовки тяжело, но правильно взлетѣли, штыки блеснули – военный театръ перваго сорта. И на привѣтствіе мое караулъ отвѣтилъ совсѣмъ по старорежимному:

– Здравія желаемъ, господинъ прапорщикъ!

Начался «день въ караульномъ помѣщеніи»...

Что я тамъ дѣлалъ? Въ своемъ вооруженіи («до зубовъ»), сидѣлъ въ нечистой комнатѣ съ

// л. 197

клеенчатымъ диваномъ, у столика. Подписывалъ какія-то бумажки, пилъ чай. Безсмысленно смотрѣлъ на проходившихъ, спрашивавшихъ, можно ли послать ефрейтора туда-то, дѣлать то-то, разрѣшить отпускъ тому-то, сдѣлать тот-то на кухнѣ. Если бы былъ властолюбивъ, вѣроятно, все запрещалъ бы. Но я взялъ иную линію: все можно. Если угодно, это линія отчаянія: ни въ одномъ распоряженіи

своемъ я не могъ уловить смысла. Что надо дѣлать въ кухнѣ? Какъ поступить съ ефрейторомъ Ничипоренко?

Ночью «камера» моя обратилась просто въ полицейскій участокъ. Безпрерывно ловили на Сухаревкѣ дезертировъ, жуликовъ, воровъ, – передъ столикомъ моимъ проходили типы съ чужими сапогами подъ мышкой, кое-кто уже съ синяками, какіе-то мальчишки, солдаты съ фантастическими документами... Царь Соломонъ, разрѣши, кого куда? Въ преддверіе Ада, или въ нижніе круги?

Меня выручилъ тотъ же фельдфебель, что утромъ такъ отлично отсалютовалъ. Я его взялъ на ночь «техническимъ экспертомъ».

– Этого сукина сына, ваше благородіе, – шепталъ экспертъ, – прямо на гауптвахту.

– У того съ заячьей губой документъ отберемъ.

Вводятъ лохматую «косую сажень» съ подбитымъ глазомъ, растеразаннаго, въ солдатской фуражкѣ: стащилъ чуть ли не тюфякъ.

– Эного, ваше благородіе, прикажите въ комиссаріатъ...

// л. 198

Часамъ къ тремъ ночи въ окнѣ блѣдно-зеленѣетъ. Выхожу на дворъ, курю. Нѣжное предутреннее небо, тающій, знакомый узоръ милыхъ звѣздъ, таинственныя дуновенія ночныя. Сладокъ дымъ папиросы на чистомъ воздухѣ, іюньской ночью! Неужели я писалъ когда-то книги? Неужели и сейчасъ въ столѣ на Суцеской лежитъ начатая рукопись: «Голубая звѣзда»?

Опять ведутъ дезертира. Этотъ, пожалуй, укралъ всю полковую кухню? Папироса докурена. Начинается судъ. Клеенчатый диванъ, спертый воздухъ, нечистота... Нѣтъ, всю жизнь прослужилъ я въ полицейскомъ участкѣ.

* *

*

Все-таки, нѣкоторые полки уходили на фронтъ. Какъ, кому удавалось уговаривать на странное предпріятіе? Но сами мы съ женой провожали 193-й пѣхотный на Днѣстръ. Съ нимъ уѣзжалъ пасынокъ мой, прапорщикъ Алеша С., (впослѣдствіи большевиками разстрѣлянный).

...Знойный, блестящій день, платформа гдѣ-то у Ходинки, товарный поѣздъ съ вагономъ второго класса для офицеровъ. Толпа солдатъ, съ гиканьемъ, пѣснями валить въ вагоны. Круглое, въ пенснѣ, лицо Алеши, нервно смѣющагося, бѣгающаго по платформѣ, на ходу цѣлующаго руки матери.

– Ты, мама, не волнуйся... Какая теперь война, просто сидѣніе въ окнахъ...

// л. 199

Ни одна мама міра не утѣшится такими утѣшеньями – да стануть ли ее и спрашивать? Идетъ стихія, буря, судьбы россійскія рѣшаются – приходится тащить таинственные жребіи. Мать дала ему на войну иконку – Николая Чудотворца – да по-женски плакала, когда ухдилъ поѣздъ, весь въ сѣрыхъ шинеляхъ... и оркестръ игралъ:

«По улицамъ ходила
Большая крокодила...»

О, знаменитая музыка революціи. Блоку мерещившаяся – Большая крокодила...

Юношеское лицо въ пенснэ, конечно, въ слезахъ, виднѣлось изъ окна вагона. Бѣлый платочекъ, да вѣтеръ, да солнце. – Скоро и мой чередъ.

II.

...Въ концѣ мая 192-й пѣхотный полкъ выступилъ въ лагерь. Май стоялъ чудесный. Солнце, тепло, сады московскіе залились зеленью... Кое какъ выстроили полкъ, даже музыка появилась, пѣсенники. Офицеры въ снаряженіи – черезъ всю Москву повели мы своихъ сѣрыхъ героевъ на зеленую дачу. Не такъ много въ строю ихъ и было: остальные предпочитали слоняться по городу, вечерами флиртовать въ Александровскомъ саду. Да и тѣ, кто шли, дѣлали намъ великое одолженіе: въ сущности, съ полудороги

// л. 200

(если бы надоѣло), могли они разбѣжаться вполне безнаказанно: намъ бы оставалось лишь доказывать имъ, что въ лагерьъ лучше, чѣмъ въ казармахъ.

Впрочемъ, и дѣйствительно лучше. Ходынскій лагерь очень пріятень. Слѣва Петровскій паркъ, весь свѣжій и густой, крѣпкозеленый. Прямо – Москва съ золотымъ куполомъ Христа Спасителя, знаменитое поле, нѣкогда трагическое, а теперь мирное, поросшее травкой – тропинки по немъ протоптаны солдатами. Лагерь окопанъ канавой – это опушка лѣса, и всѣ палатки подъ деревьями. Похоже на дачное мѣсто для военныхъ. Роты размѣщаются по участкамъ. Пріѣзжаютъ кухни, обозы, начинается извѣчное военное хозяйство.

Намъ, троемъ младшимъ офицерамъ роты, отвели небольшой домикъ. Мы тамъ устраиваемся «приблизительно»: лишь толстый немолодой прапорщикъ, латвійскаго происхожденія, будетъ здѣсь ночевать: а мы каждый вечеръ домой.

Ротный Л. у насъ милѣйшій. По профессіи пѣвецъ, съ недурнымъ баритономъ и лѣвыхъ устремленій – эсеръ. Но не шляпа. Высокій и стройный, веселый, отлично командуетъ, вѣритъ въ республику и побѣду соединенныхъ армій. Вѣритъ, что нравственнымъ вліяніемъ можно поддержать дисциплину и въ наше время.

– Работать надо, господа, дело делать, а не опускать носы. Только этимъ мы и сможемъ одолѣть анархію и большевизмъ. Вотъ, вы, напримѣръ, (обращаясь ко мнѣ): вы писатель, надо

// л. 201

Завести собесѣдованія съ солдатами, объяснять имъ необходимость войны до побѣднаго конца, чтобы они, знаете-ли, поняли ту высокую цѣль, изъ-за которой мы боремся... подумать только: германскій имперіализмъ! Ну, да что мнѣ васъ учить, сами найдете нужные слова.

Грѣхъ мой состоялъ въ томъ, что тогда я писалъ для одного издательства брошюру о необходимости войны «до побѣднаго конца». Л. зналъ объ этомъ. И считалъ меня самымъ подходящимъ для такихъ бесѣдъ.

Мы ихъ устроили. Тутъ же, подъ березами и осинками лагеря. Никакъ это не походило на митинги, скорѣе на семинары. О войнѣ говорили, но мало: тема быстро исчерпалась. Разговоръ же шель, и оживленно – о деревнѣ, жизни, о литературѣ. Кое что я имъ читалъ: Толстого, Гаршина. Не знаю, имѣло ли это смыслъ и достигало ликакой нибудь цѣли. Новъ памяти остались нѣкоторыя солнечныя утра на Ходынкѣ, десятка два-три молодыхъ солдатъ, сидящихъ и полулежащихъ на травѣ, чтенія наши и разговоры. Нѣкоторые изъ солдатъ глядѣли со вниманіемъ и любопытствомъ. Нѣкоторые, казалось мнѣ, даже съ сочувствіемъ. Трудно опредѣлить, какимъ кажешься. Приблизительно такъ представляю себѣ ихъ впечатлѣнія:

– Разумѣется, дело баринъ, и въ свою сторону гнетъ. Книжки читалъ, рассказываетъ по печатному.

Вмѣшивается пожилой ефрейторъ.

// л. 202

– Теперь прапорщикъ пошелъ лядащій. Одна видимость. Бывало какъ Михаилъ Михайлычъ выскочить, да какъ гаркнетъ: вы что тутъ, сукины дѣти, лежебоки прохладаетесь – даже въ середкѣ похолодѣетъ. Это были военные люди...

– Теперь, дядя, другія времена. Слабода!

Ефрейторъ крутитъ цыгарку.

– А коли слабода, такъ на кой хрѣнъ мы тутъ? Война-война, до побѣднаго конца... Я, братцы мои, порядки знаю, Перемышль бралъ, въ руку раненъ. Да. А съ такими кобелями какъ вы какое мнѣ войско? Насъ нѣмецкія бабы въ плѣнъ возьмутъ.

Пристаетъ рыжій большевикъ, съ веснучатымъ лицомъ.

– Вы, товарищъ, не сознательный... Это, конечно, прапорщикъ, какъ онъ помѣщичій сынъ, то о войнѣ и разсуждаетъ по буржуйски. А насъ, ежели на фронтъ пошлютъ, мы тотчасъ братаніе въ окопахъ устроимъ...

– Гаврюха, ты куда мою рубаху повѣсилъ?

– И даже ничего ее не трогаль...

– Вот сукинъ котъ! А мнѣ вечеромъ въ городъ.

Ефрейторская цыгарка ѣдко курится. По Ходынкѣ, въ лѣтнемъ зноѣ, вяло бредутъ нѣсколько солдатъ. Здѣсь, въ тѣни, и то жарковато.

– До побѣднаго конца! Какіе теперь ахвицеры!

// л. 203

* *

*

Я зналъ, что еще въ мартѣ были предприняты шаги для перевода моего въ артиллерию. Куда то жена ѣздила со знаменитымъ москвичемъ, что то налаживала, хлопотала. Но шли мѣсяцы, не было ни отвѣта ни привѣта. Войска же понемногу шли на фронтъ. Нашъ чередъ приближался.

Ротный Л. вызвалъ насъ троихъ въ канцелярію.

– Господа, завтра смотръ. Приѣзжаетъ командующій войсками, все какъ полагается. Прошу показать роту нашу образцово... и вообще – онъ улыбнулся: не ночующимъ въ лагерѣ – не опоздать! Да, трудное время (онъ напустилъ на свое худощавое, бритое лицо серьезное выраженіе): но упорство, и культурная, демократическая работа въ арміи, преодолѣть анархію. Твердо вѣрю! Надѣюсь на васъ, господа. Надѣюсь.

Мы поклонились. Черезъ четверть часа ротный плескался въ умывальникѣ, пріятнымъ баритономъ напѣвалъ:

– О, дайте, дайте мнѣ свободу, я свой позоръ сумѣю ис-ку-пи-ить, верну я честь свою и сла-аву! И Ру-усь отъ недру-говъ спа-су!

Можетъ быть, и взаправду, командуя своей ротой рассчитывалъ веселый Л. спасти Россію, какъ, можетъ быть, мечталъ о томъ же и Верховскій, молодой генераль, тоже изъ эсэровъ, командующій войсками округа.

«Кто штыкъ точилъ ворча сердито»... – намъ бородинскаго сраженія не предстояло, и штыка

// л. 204

я не точилъ, все-таки шашку съ вечера осмотрѣлъ – главное: легко-ли вынимается изъ ноженъ. И опять, не для того, чтобы рубить головы, а чтобы салютовать авантюристу Верховскому.

Всталъ на другой день пораньше, приодѣлся, и въ седьмомъ часу ждалъ на перекресткѣ Бутырокъ трамвая къ «Трухмальнымъ». Все прошло правильно. Приѣхалъ загодя – видѣлъ свѣжій, зеленый утренній лагерь (по правдѣ сказать – впервые такъ рано). Л. былъ нервень, оживлень. Даже кого то распекаль, съ театральными переливами баритона. Солдаты тоже подтягивались. Смотръ – это большое развлеченіе.

Что, послѣ Толстого, скажешь объ этомъ военномъ зрѣлище? Откуда взять Кутузовыхъ, Багратионовъ, Ростовыхъ, Болконскихъ? И «сѣрые герои» наши – не павлоградцы и не апшеронцы: всетаки, сколько могли, мы выстроили ихъ, по опушкѣ вдоль лагеря. Какъ водится, долго стояли «вольно», а потомъ увидали группу всадниковъ, на рысяхъ шедшихъ къ намъ по Ходынкѣ (Наполеонъ! Александръ!). До Александра далеко, всего на всего Верховскій съ штабомъ. Заиграла музыка, полкъ взялъ на караулъ. Нашъ лысый старичекъ, въ мундирѣ, орденахъ, трепеща рапортовалъ командующему. Бѣдный, трепеталъ только онъ одинъ. Солдаты равнодушно зѣвали. (Замѣчательно, что еще удосужились взять на караулъ: вѣроятно, потому, что командующій тоже дѣлилъ землю).

// л. 205

Верховскій, фатовый, театральнѣй, явно кокетничавшій передъ героями, покачивался на сѣдлѣ высокой, худой кобылы. «Я человекъ новый, энергическій, я этихъ протухшихъ генераловъ подтяну...»

Съ нашимъ генераломъ былъ небрежень, просто грубъ. Ъхалъ вдоль фронта рысцой, а полковой командиръ почти бѣжалъ за нимъ, по жарѣ, пыли, бросалъ короткія, надменные замѣчанія. (И верхомъ то ѣхалъ, только чтобы унижить старика, обливавагося потомъ. Отлично могъ пройти пѣшкомъ, да и лучше разглядѣть бы солдатъ). Кончилось же все митингомъ, какъ полагается. Для такого случая соблаговолилъ Верховскій даже слѣзъ съ лошади. Взобрался на какой то столъ, или пустую бочку и началъ ораторствовать.

Апшеронцы и павлоградцы побросали винтовки, сбились въ кучу вокругъ «товарища командующаго». Рѣзкимъ, неприятнымъ голосомъ выкликалъ онъ знакомые шаблоны.

Вечеромъ большевики устроили свой митингъ. Тамъ ужъ не стѣснялись.

* *
*

Итакъ, полкъ нашъ считается готовымъ. Не сегодня, завтра чудо-богатыри съ «желѣзными» офицерами выступятъ... мокренько останется отъ австрійцевъ при одномъ нашемъ приближеніи.

...Сѣренскимъ іюньскимъ утромъ подали мнѣ на Суцевской пакетъ-распоряженіе штаба ок-

// л. 206

руга. Прапорщикъ 192-го полка такой-то переводится въ Первую Запасную Артиллерійскую бригаду.

Съ этой бумагой поѣхалъ я въ полкъ. Дождичекъ покрापалъ на Ходынкѣ, завѣшивая дали легкой сѣткой. Березы вкусно пахли. Солдаты попрятались. Вблизи ротной канцеляріи попался Л. Увидѣвъ меня, улыбнулся.

Вась отчислили. Въ артиллерію.

– Вотъ, только что получилъ назначеніе.

– Что же, поздравляю. А знаете, нашъ полкъ завтра выступаетъ. Вамъ повезло.

И протянулъ приказъ: дѣйствительно, на завтра 192-му уходить на позиціи.

«Повезло!» Да, конечно. Это судьба, называется. Въ книгѣ ея было записано, что такому то прапорщику – шляпѣ, *не* воевать. Такъ и вышло. И потому за него хлопотали, и мѣсяцы пролежало все безъ движенія, въ нужную же минуту таинственная рука протянулась...

– Не ѣхать.

Всетаки было смутное чувство. Точно бы я все подстроилъ. Пошелъ къ себѣ въ домикъ, гдѣ стояли походныя наши постели, прощаться съ латышемъ и К. – Они тоже меня поздравляли. И тоже, какъ Л., совсѣмъ искренно.

За походной постелью, памятью Александровскаго училища, собирался пріѣхать на извозчикѣ... Да пока собирался, и полкъ ушелъ. А постель, разумѣется, стащили.

// л. 207

Ш.

...Нѣкогда слушалъ я лекціи въ Горномъ Институтѣ, теперь это пригодилось. Въ прошломъ студентъ высшей технической школы: явно, быть ему въ артиллеріи. Пусть отъ всей горной мудрости осталось только то, что кристаллографію понять нельзя. Все таки, для военного начальства я бывшій техникъ. Значитъ – первая запасная артиллерійская бригада.

Ея казармы недалеко отъ Ходынки. Но все здѣсь иное. Въ лагерѣ зелень, природа, нѣкоторая улыбка. Казармы – какъ бы военный поселокъ. Фабрика и казармы ярчайшіе облики некрасоты міра (впрочемъ еще: больницы, тюрьмы).

Если бы наши казармы обнесли стѣной, была бы типическая тюрьма – красные корпуса съ запасными окнами, съ грязью на дворѣ, лѣнивымъ движеніемъ фургоновъ, подводъ, солдатъ съ верховыми лошадьми на поводу. Но въ тюрьмѣ долженъ быть порядокъ. Мы же – въ священно – осовободительной анархіи. Наша жизнь прямое продолженіе Сухаревки.

Собираемся въ десятомъ часу въ офицерской комнатѣ. Здороваемся. Пьемъ чай. (Нѣкіе солдаты, деньшикообразнаго состоянія, еще подаютъ его). Читаемъ газеты. Мухи жужжатъ на грязныхъ окнахъ, ползаютъ по грязной скатерти. Если отворить дверь въ коридоръ, тамъ шмыгаютъ

// л. 208

писаря съ разными записками, бумажками для канцелярій.

– Прапорщикъ, читали, что въ Петербургѣ дѣлается?

– Да, большевички работаютъ.

– Погодите, скоро и у насъ начнется.

Но у насъ, собственно, начинался только въ полдень завтракъ: разумнѣйшая часть программы. Завтракъ тоже казарменный, скучный, но питательный. Бѣлобрысые типы подаютъ тарелки щей, вареную говядину... Клеенка въ хлѣбныхъ крошкахъ, въ кругообразныхъ подтекахъ щей подъ тарелками.

– Поручикъ, передайте, пожалуйста, горчицу.

– Я бы этихъ большевицкихъ болтуновъ давно перевѣшалъ.

Толстый, неторопливый прапорщикъ настроенъ грозно. Успѣлъ ли бы онъ?... Похоже, что его предупредили бы въ этомъ намѣреніи.

* *

*

Пріятно-дѣтская сторона новой жизни: форма. Она элегантнѣй. Въмѣсто тяжелой шашки кортикъ. На ногахъ краги. Главное же шпоры!.. Лѣтній московскій вечеръ. Выходишь изъ квартиры на Суцевской, идешь по Долгоруковской въ Литературный Кружокъ. Въ лѣтнѣй полумглѣ зеркальныя окна, тихая библіотека, веранда, востряковскій садъ, стликами уставленный, зелень. Сиренево-зеленоватая ночь спускающаяся.

// л. 209

на верандѣ картежники. Пріятень свѣтъ свѣчей подъ колпачками! Въ саду фонарики – похоже на какой то лѣтній праздникъ. Боскеты (фантастическіе въ ночномъ свѣтѣ), листья, мелкій гравій, олеандры въ кадкахъ.

Знакомыхъ въ Москвѣ много. Шпоры позвякиваютъ. Голубыя звѣзды въ небѣ. Холодная бутылка бѣлаго вина. Какъ далеко это отъ Александровскаго училища!

* *

*

Все таки, начинается и вновь ученіе. Для пяти-шести прапорщиковъ изъ пѣхоты устроены занятія. Раза три въ недѣлю поручикъ N. водить къ орудіямъ – въ поле, за казармы. Пушки глядятъ на Ходынку. Изъ Петровскаго парка тянетъ свѣжестью лѣса, полей. N. объясняетъ устройство затвора, приемы наводки. При всей своей шляпности слушаю съ интересомъ. Нѣчто добропорядочное, прочное, въ стройной, слегка полной – несмотря на молодость – фигурѣ N. Бѣднаго нѣтъ уже въ живыхъ. И его и двухъ его братьевъ, должно быть, такихъ же прямыхъ и славныхъ юношей, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разстрѣляли большевики.

Обучали насъ и верховой ѣздѣ. Я съ дѣтства хорошо ѣздилъ – теперь считалъ эту науку скучноватой. Все таки, для порядка приходилось дѣлать круги рысью на нескладной артиллерійской лошади.

// л. 210

Съ вѣрховою ѣздою связано и рѣшающее событіе «военной» моей жизни.

Вотъ о немъ воображаемая записъ:

12 іюля. Въ понедѣльникъ назначень подѣ Архангельское съ солдатами и лошадьми батареи въ ночное. Когда то, ребенкомъ, занимался этимъ. Что же, пусть и взрослымъ... Во всякомъ случаѣ, прогулка верхомъ за двѣнадцать верстъ, ночь въ палаткѣ, бивуакъ, природа. Ничего дурного не вижу. Получше одѣться. Взять книгу. Что именно? Марка Арелія, «Размышленія». Всегда любилъ.

15 іюля. Оказалось даже лучше, чѣмъ предполагалъ. Въ три явился въ бригаду – въ шинели, снаряженіи, на этотъ разъ даже съ шашкой. Вотъ теперь со шпорами надо острожнѣй – съ непривычки можно раздражать ими зря лошадь. Ординарецъ привелъ вороную высокую кобылу. Рысь у нея рѣдкая, грубоватая, но неплохая. Тронули сразу полнымъ ходомъ. Хорошія мѣста. Подмосковныя. Лѣса, долины, извивы Москва-рѣки. Не зря баре наши любили этотъ край. Ихъ слѣды остались: Архангельское, Ильинское, дальше, къ Звенигороду имѣніе графа Гудовича. Тутъ и дороги хорошія, и деревни зажиточныя. Солнце, пріятный вечеръ. Наливающіеся овсы, кое гдѣ рожь убираютъ уже – что можетъ быть лучше крестцовъ ея въ полѣ, воевъ поскрипывающихъ, загорѣлыхъ дѣвокъ и бабъ, подѣ вечернимъ солнцемъ, при небѣ стеклянно-голубомъ надѣ синимъ лѣсомъ?

// л. 211

Жарковато одѣтъ: подѣ шинель уговорили надѣтъ кожаную куртку – ночи, моль, холодны. Очень рапарился.

...Черезъ часъ пріѣхали. Все прошло благополучно. Шпоры не мѣшали (не забылъ, съ дѣтства, покойнаго отца наставленія въ ѣздѣ: «Береги носки! Опять носки врозь!»). Да, тутъ ужъ настоящій бивуакъ, не Ходынка. Сосновый лѣсъ, въ немъ палатки, костеръ, кухня, фуры... Сквозь деревья видна луговина, тамъ пасутся стреноженныя лошади. Вѣрно, гдѣ нибудь и въ Галиціи такъ же, только впереди окопы. У меня отдѣльная палатка – маленькая, но пріятная. Постель походная, все какъ слѣдуетъ. Въ чемъ же моя служба? Кажется въ томъ, чтобы просто *присутствовать*. «Стѣснять собою солдатъ». Вѣрный ли это расчетъ? Богъ знаетъ. Онъ основанъ на томъ, что у пожилыхъ ефрейторовъ, фельдфебелей сохранилось еще нѣкое отношеніе: къ поганамъ.

– Все таки, неловко при прапорщикѣ...

Могъ ли я что нибудь приказать? Настоятъ, заставить сдѣлать? Forse che sì, forse che no. Къ счастью, ничего и не приходилось приказывать. Солдаты приглядывали за лошадьми, подбрасывали въ огонь еловыхъ шишекъ, кипятили воду на котелкѣ. Когда солнце покраснѣло у горизонта, спѣли хоромъ. У меня съ ними такія отношенія: пассажиры одного и того же поѣзда. Другъ съ другомъ довольно любезны – и безразлич-

// л. 212

Ны. Въ одномъ вагонѣ проведемъ ночь, утромъ, въ Саратовѣ, выйдемъ на станцію, чтобы никогда больше не встрѣтиться.

Пока было свѣтло, читалъ, сидя на пенечкѣ, своего Марка Аврелія. «Судьба загадочна, слава недостовѣрна»... Писано это тоже въ палаткѣ, въ какойнибудь дикой Панноніи, Дакии. И какъ волнуютъ слова, двѣ тысячи лѣтъ назадъ нацарапанныя холоднымъ зимнимъ вечеромъ, при свѣтѣ факела... Слово, великое наше слово!

На закатѣ вышелъ на лугъ. Туманъ по немъ зароиля. Красная заря гасла надъ Архангельскимъ. Недалеко Барвиха, гдѣ случалось бывать ранѣе.

Долго сидѣлъ на поваленномъ деревѣ. Туманъ все бѣлѣе стелился. Лошади въ немъ позвякивали бубенцами. Такъ вотъ будешь скоро сидѣть гдѣнибудь въ Днѣстрѣ, и ждать смерти. «Судьба загадочна»... И одиноко человѣку передъ вѣчными звѣздами, въ невѣрныхъ испареніяхъ родной земли. Думаешь о близкихъ и любимыхъ, одиночество еще острѣе.

...Все что то холодно. Слишкомъ распарился въ дорогѣ, вотъ и прохватываетъ. И въ палаткѣ легъ, укрылся, а согрѣться не могу. Удивительный воздухъ! Лѣсъ, хвоя, такой чистейшей смоляной настой... Волненіе – поэтическое, радостно-грустное, мѣшаетъ спать. Раза два встаю, въ шинели выхожу изъ палатки. Солдаты спятъ. Костеръ догораетъ. Теперь, съ пофыркиваніемъ

// л. 213

лошадей въ темнотѣ, за кругомъ свѣта, озаряющаго лишь недалнія деревья, да фургонъ, да храпящихъ – весь бивуакъ нашъ, подъ чернымъ шатромъ сосенъ, похожъ и на приваль разбойниковъ. Только не хватаетъ землянки Дубровскаго.

Сквозь просвѣтъ деревъ въ небѣ звѣзды – милыя мои...

20 іюля. Нынче утро провели у орудія. Н. разбиралъ затворъ. Нездоровится. Кашляю. Порядочный вѣтеръ. Кашель мѣшаетъ сосредоточиться.

23 іюля. Кашляю, голова болитъ.

25 іюля. Приѣхала жена изъ деревни. Видъ у меня мерзѣйшій. Кашляю и хриплю такъ, точно въ груди плохой граммофонъ.

26 іюля. Вотъ она и поэзія, и лѣсъ, и Маркъ Аврелій. Зря надѣлъ кожаную куртку, только распарился и ночью промерзъ. Кашляю уже кровью. Докторъ выслушалъ – воспаленіе легкихъ, гриппозное и сильнѣйшее, запущенное. Лежу весь въ компрессѣ. Противно, но тепло. Близкіе, разумѣется, въ ужасѣ. Особенно кровь ихъ пугаетъ. Но врачъ объяснилъ: при воспаленіи легкихъ всегда такъ. Полагается.

* *

*

Вспоминая свою военную «дѣятельность», не могу не улыбнуться. Но и задумываюсь. Ничто

въ мірѣ зря не дѣлается. Все имѣетъ смыслъ. Страданія, несчастія, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливые узоры и зигзаги жизни при ближайшемъ созерцаніи могутъ открыться какъ небезполезные. День и ночь, радость и горе, дрстиженія и паденія – всегда научаютъ. *Безмысленнаго нѣтъ.*

Тотъ странный, «военный» годъ мой (при всей незначительности его, объективно) имѣетъ тоже свою философію. Вотъ почему я не только на него улыбаюсь: онъ нѣкое звѣно въ моей судьбѣ. «Хочешь дѣлать съ другими бремя войны, опасностей? Хочешь идти въ самое пекло, пѣхотнымъ офицеромъ на фронтъ? Что же, пробуй».

Военная жизнь, ея суровость, дисциплина настоящей арміи были показаны, какъ показано и разложеніе. Но какъ только подходило къ дѣйствию, въ которомъ могъ бы принять участіе, невидимая рука отводила.

Я не попалъ на фронтъ – ни пѣхотинцемъ, ни артиллеристомъ – хоть именно мои товарищи въ бригадѣ скоро и уѣхали туда. «Случайная» болѣзнь, едва не разыгравшаяся въ бурный туберкулезъ, вывела во время изъ строя. Въ сентябрѣ бригадный врачъ далъ мнѣ шестинедѣльный отпускъ. Въ послѣдніе его дни, когда я жилъ въ деревнѣ, разразилось октябрьское возстаніе. Мнѣ не дано было видѣть его, ни драться за свою Москву на сторонѣ бѣлыхъ.

– Нѣтъ, не нужно. Нѣтъ, не то.

И опять та же рука, что показала военную жизнь, какъ бы давъ ощутить (но издали, со стороны) иное, чего какъ разъ и не хватало въ прежнемъ опытѣ – повела далѣе: не путемъ воина.

IV.

Москва 20-21 г.г.

STUDIO ITALIANO

Убогій бытъ Москвы, разобранные заборы, тропинки черезъ цѣлые кварталы, люди съ салазками, очереди къ пайкамъ, примусъ («Михаилъ Михайлычъ, вѣрный мой примусъ!»), «шпенка» безъ масла и сахара, на которую и взглянуть мерзко.

Именно вотъ тогда я довольно много читалъ Петрарку, томъ «Canzoniere» въ бѣломъ пергаментномъ корешкѣ, который кпуилъ нѣкогда во Флоренціи, на

площади Санъ-Лоренцо, гдѣ висятъ красныя шубы для извозчиковъ и бабы торгуютъ всякимъ добромъ, а Джованни деле Банде Нерее сидитъ на своемъ монументѣ и смотритъ, сколько соли взяла съ меня торговка. Думалъ ли я, покупая, что эта книга будетъ меня согрѣвать въ дни господства того Луначарскаго, съ которымъ во Флоренціи же, въ это же время мы по божемски жили въ «Corona d'Italia», пили кіанти и разсуждали о Ботичелли?

// л. 219

Да, но тогда времена были въ нѣкоемъ смыслѣ младенческія.

...А вотъ наше Studio italiano. Въ Лавкѣ Писателей вывѣшивается плакатъ: «Цикль Рафаэля». «Венеція». «Данте». Предсѣдатель этого вольнаго учрежденія – П. Муратовъ. Члены – Грифцовъ, я, Дживелеговъ, Осоргинъ, и др. И мы читаемъ въ аудиторіи на углу Мерзляковскаго и Поварской, тамъ были Высшіе Женскіе Курсы. Въ дантовскомъ цикль у насъ и «дантовскій пейзажъ», и Беатриче, и политика, и дантова символика. Мнѣ назначили лекцію, открывавшую цикль.

На зимнихъ курсахъ бывало въ нашей аудиторіи холодно! Дамы и барышни, да и другіе слушатели сидѣли въ шубахъ. Врядъ ли когда либо, гдѣ либо кромѣ Россіи, при такой обстановкѣ шли чтенія.

Но сейчасъ апрѣль, влажный весенній вечеръ. Какъ и въ дни мира, арбатское небо, къ закату, къ Дорогомилову затянато нѣжно-розовыми пеленами. Можно изъ Кривоарбатскаго идти въ Мерзляковскій даже не сплошь по Арбату, а въ Серебряномъ повернуть у церкви направо, и пройдешь среди развалинъ уничтоженныхъ заборовъ, развалинъ фундаментовъ, «римскимъ форумомъ», какъ я называлъ, къ Молчановкѣ. Прямо къ тому старому барскому дому, съ мезаниномъ, гдѣ – въ столь отдаленныя времена! – жилъ я студентомъ, дышалъ тополемъ, свѣтомъ, милой Москвой. Домъ еще держится, тополя уже нѣтъ.

// л. 220

Итакъ, иду читать. Для этого надо бы купить манжеты, неудобно иначе. Захожу въ магазинъ. Въ карманѣ четыре милліона. Манжеты стоятъ четыре съ половиною.

Ну, почитаемъ и безъ манжетъ.

Сиреневый вечеръ, мягкій туманъ, барышни, пожилые любители Италіи, кафедра, все какъ слѣдуетъ. Моральный и аллегорическій смыслъ «Божественной Комедіи», Данте въ Падуѣ, Ордалаффи... Въ окнѣ апрѣльскій, влажно-грустный вечеръ. Аплодисменты, блѣдное электричество, друзья... и надъ убогой жизнью Дантовскій Орель, подобный видѣнному у вѣнца Афона. Прорѣялъ – все къ себѣ поднялъ.

ДАНТЕ У СКИФОВЪ

1. «На половинѣ странствія нашей жизни

- «Я оказался въ нѣкоемъ темномъ лѣсу,
«Ибо съ праведнаго пути сбился.
4. «О, сколь трудно рассказать объ этомъ
«Дикомъ лѣсѣ, страшномъ и непроходимомъ,
«Наводящемъ ужасъ при одномъ воспоминаніи!
7. «Такъ онъ горекъ, что немногимъ горше его смерть.
«Но дабы помянуть о добромъ, что я тамъ нашель,
«Скажу сначала объ иномъ, замѣченномъ въ немъ мною».

// л. 221

Что если бы теперь Данте явился на Кисловкахъ и Арбатахъ времени «великихъ историческихъ событій»?

Онъ жилъ въ вѣкѣ гражданскихъ войнъ. Самъ былъ изгнанникомъ. Самому грозила смерть въ случаѣ, если бы ступилъ на родную землю, флорентійскую (сожгли бы его – *igne comburatur, sic quod moriatur*). «Божественная Комендія» почти вся написанная въ изгнаніи.

Данте не зналъ «техники» нашего вѣка, его изумили бы автомобили, авіація, и т. п. Удивила бы открытость и развязность богохульства. Но борьба классовъ, диктатура, казни, насилія – врядъ ли бы остановили вниманіе. Флоренція его вѣка знала *popolo grasso* (буржуазія) и *popolo minuto* (пролетаріатъ) и ихъ вражду. Борьба тоже бывала не изъ легкихъ. Также жгли, грабили и рѣзали. Также другъ друга усмиряли.

Четыре года назадъ профессоръ Оттокаръ, русскій историкъ Флоренціи, выходя со мною изъ отеля моего «*Corona d'Italia*», показывая на одинъ флорентійскій домъ наискось, сказалъ:

– Въ четырнадцатомъ вѣкѣ здѣсь помѣщался первый совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Было это во время такъ называемаго «возрастанія Чіомпи», нѣсколько позже Данте, но въ его столѣтіи. Такъ что исторія началась не со вчерашняго дня.

Некрасота, грубость, убожество Москвы революціонной изумили бы флорентійца. Вши, мѣшечники, мерзлый картофель, слякоть... И люди! Самый нашъ обликъ, полу-монгольскія лица...

// л. 222

ПАЕКЪ

Думаю, что въ осажденныхъ городахъ населеніе на паекъ сажали и въ средніе вѣка. Данте сражался при Кампальдино, но осады ни одной не пришлось переживать. Такъ что насчетъ пайка онъ, навѣрно, столь же непонимающій, какъ и вообще всѣ на Западѣ, они въ пайкѣ (*le рауок*) ничего не смыслятъ вслѣдствіе своей крайней отсталости.

Пайки бываютъ разные. Я хорошо знаю академическій, и всегда буду ему благодарень, буду курить ладанъ изъ кадилъницъ и пѣть, и славить его, ибо благодаря ему и семья моя, и я самъ уцѣлѣли, и многіе изъ моихъ знакомыхъ тоже.

– Въ среду выдають паекъ!

Это значитъ, что писатели изъ Кривоарбатскаго, философы съ Гагаринскаго, Гершензонъ изъ Никольскаго и еще многіе изъ другихъ мѣстъ двинутся раннимъ утромъ, съ салазками, телѣжками, женами, свояченицами на Воздвиженку. Тамъ въ кооперативѣ будутъ стоять въ очереди и волноваться, здороваться съ математиками и зоологами, критиками и юристами. А потомъ наступитъ, наконецъ, блаженный часъ: нагрузятъ въ повозку бараній бокъ (съ блѣдно-синими ребрами), пудъ муки, сколько то сахару, спички, кофе, папиросы...

Жены съ благоговѣніемъ взирають. Втъ мы веземъ свое богатство въ дѣтской телѣжкѣ съ деревянными колесиками, они скрипятъ и виз-

// л. 223

жать на весь Арбатъ, не бѣда, чередуемъ, тащимъ, когда пересѣкаемъ улицу, то старательно сзади поддерживаемъ поклажу – вѣдь это все цѣнное, на цѣлый мѣсяць, стоимость всего этого рубля два, а то и два съ полтиной. Паекъ, паекъ, награда долгихъ лѣтъ признанія, извѣстности, какъ не цѣнить костей твоего барана и десятковъ твоихъ папиросъ? Какъ не потрудиться надъ тобой, не развести музыки диссонансовъ на весь Кривоарбатскій?

ИНТЕРМЕЦЦО

Обликъ Орла – это геній въ изгнаніи, нищетѣ и бездомности. Данте былъ флорентійскій дворянинъ. Жилъ въ своемъ домѣ, обладалъ достаткомъ. Гражданскія усьобицы разметали все. Онъ потерялъ семью, Флоренцію, родную землю. Скитаясь въ сѣверной Италіи учителемъ литературы, полу-приживальщикомъ сильныхъ міра сего, написалъ великое твореніе.

Труднѣе всего было ему одолѣвать свой гнѣвъ и гордость. Онъ ненавидѣлъ «подлое», плебейское, въ какомъ бы видѣ ни явилось оно. Много натерпѣлся отъ хамства разжирѣвшихъ маленькхъ «царьковъ» Италіи. Не меньше презиралъ и демагоговъ. Что стало бы съ нимъ, если бы пришлось ему увидѣть новаго «царя» скифской земли – съ калмыцкими глазами, взглядомъ звѣря, упряма и сумасшедшаго?

Дантовскій профиль на безчисленныхъ медаляхъ, памятникахъ, барельефахъ треснулъ бы отъ возмущенія.

// л. 224

ЭКЛЕРЪ ПРИ НЭПѢ

Въ надвигающемся безуміи, въ ощущеніи гибели того, что самъ и выдумалъ, хитрецъ отмѣнилъ половину собственнаго дѣла. Среди другихъ послѣдствій оказалось одно, малое для «событій», человѣческому же сердцу видимое, милое, понятное.

Появился эклеръ – побѣда жизни. Его гдѣ то пекли, но уже не тайкомъ, а законно. Законно же и продавали – сладкій, гладко-глянцевитый эклеръ на Арбатѣ, Никитской, гдѣ угодно, прямо на улицѣ. Сколько миллионѡвъ спустилъ я на эти эклеры, на ласточекъ «слишкомъ медленной весны», но все же ласточекъ, все же эклеръ знакъ вольнаго творчества, личное, а не казарма.

Въ моего друга Х. была влюблена барышня. Ея болѣзнь носила нѣжный, мечтательный, но и упорный характеръ. Они встрѣчались иногда въ обществѣ, на засѣданіяхъ. Но ей этого было мало. Съ упорствомъ влюбленныхъ она неожиданно являлась гдѣ нибудь на углу Никитской и Спиридоновки, какъ разъ когда онъ проходилъ, здоровалась, вспыхивала, бормотала нѣсколько словъ и исчезала.

Однажды въ сухой августовскій день пыль и коричневые листья летѣли по бульвару. Х. выходилъ изъ переулка. И не удивился, встрѣтивъ темные, застѣнчивые, но и полоумные глаза.

// л. 225

– Здравствуйте, – сказалъ онъ, какъ обычно, снялъ шляпу, пожалъ ея горячую руку. Она молча сунула ему лѣвой рукой теплый и глянцевитый эклеръ.

– Это вамъ... возьмите, вамъ...

Вспыхнула, слезы блеснули въ глазахъ, и отъ любви, отъ смущенія ничего уже больше не могла прибавить, убѣжала.

– Что жебы ты сдѣлалъ съ этимъ эклеромъ? – спросилъ меня Х.

– Я бы его съѣлъ.

– Вотъ именно. Я такъ и поступилъ.

– И я считалъбы его очень трогательнымъ и милымъ подаркомъ.

– Такъ вѣдь оно и есть въ дѣйствительности.

– Благодаря чему я сохранилъ бы славное, съ улыбкою, воспоминаніе.

– Оно и сохранилось. Эклеръ же показался мнѣ особо вкуснымъ.

ФЕДЕРИГО ДА МОНТЕФЕЛЬТРО

На столѣ у меня лежитъ томъ Сизеранна о знаменитомъ урбинскомъ кондотьерѣ. Его носатый профиль вспоминается еще по Флоренціи, по Пьеро дела Франческа въ Уффици. Во время «великой» русской революціи, работая надъ книгой объ Италіи, я изучалъ жизнь сына Федериги, меланхолическаго и несчастнаго Гвидобальдо.

Да, Италія и красота много помогли пережить страшное время. И развертывая книгу,

сейчас ощущаешь сразу три эпохи русского человека: первую, мирно-довоенную, поэтическую, когда Италия входила золотым светом. Вторую трагическую, – в ужасе, ярости и безобразии жизни она была единственным как бы прибежищем, Рафаэль и божественная Империя, Парнасы и музы Ватикана умбрияли божество скифа. И вот теперь, третья...

Как о ней сказать верно? – Революция кончилась. Но для нас кончилось и младенчески-поэтическое. Началась жизнь. Революция научила жизни. Съебрежья, где гуляли, любовались и поэтизировали – спустились мы в «бытие». Пусть ведет верный Вергилий. Началось схождение в горький мир, в «темный лес». Да будет благословенна поэзия. Не забыть Аполлона, не забыть Рафаэля. Но иное à l'ordre du jour. Не позабудешь Италию, и не разлюбишь ее. Но нельзя уже позабыть «человечества», его скорбного взора, его преступлений и беды, кресного его пути.

Федерико, уважаемый герцог, покоритель и завоеватель, книголюб, собравший лучшую библиотеку Ренессанса (считал, что напечатанная книга – дурной тон!) – вы теперь мирно будете стоять на полках той моей библиотечки, на которую с высоты своего урбинского замка вы и не взглянули бы, не удостоились бы. Я прочту книгу о вас – и отложу. Я не буду *в ней, ею* жить. Эстет, воитель, государь – вы правы. Но и у меня есть своя правда. Ни вам, да никому вообще я ее не отдам.

М. О. Гершензонъ

Если идти по Арбату от площади, то будут разные переулки: Годаинский, Староконюшенный, Николо и Спасопесковский, Никольский. В тридцатом номере последнего обитает гражданин Гершензон.

Морозный день, тихий, дымный, с палевым небом и съдым инеем. Калитка запущена снегом. Через двор мимо особняка тропка, подъем во второй этаж и начало жития гершензона. Конец еще этажем выше, там две рабочие комнаты хозяина.

Гершензон маленький, черноволосый, очкастый, путано-нервный, несколько похожий на черного жука. Говорит невнятно. Он почти наш сосед. Иной раз встречаемся мы на Арбат в молочной, в аптеке, или на Смоленском.

Сейчас, мягко пошлепывая валенками, ведет он навстречу. Гость, разумеется, тоже в валенках. Но приятно удивлен тем, что в комнатах тепло. Можно снять пальто, сесть за деревянный, простой стол арбатского отшельника-

ка, слушать сбивчивую рѣчь, глядѣть, какъ худые пальцы набиваютъ безконечныя папиросы. Въ комнатѣ очень свѣтло! Бѣлыя крыши, черныя вѣтви деревъ, золотой московскій куполь – по стѣнамъ книги, откуда этотъ магъ, еврей, вросшій въ русскую старину, извлекаетъ свою «Грибоедовскую Москву», «Декабриста Кривцова». Лучшійт Гершензонъ, какого зналъ я, находился въ этой тихой и уединенной комнатѣ. Лучше и глубже, своеобразнѣе всего онъ говорилъ здѣсь, съ глазу на глазъ, въ вольности, никѣмъ не подгоняемый, не мучимый застѣнчивостью, некрасотой и гордостью. Вообще онъ былъ склоненъ къ преувеличеніямъ, извивался, мучительная ущемленность была въ немъ. Вотъ кому не хватало здоровья! Свѣтъ, солнце, Эллада – полярное Гершензону. Онъ перевелъ «Иповѣдь» Петрарки и отлично написалъ о душевныхъ раздираніяхъ этого перваго въ средневѣковѣ чловѣка новаго времени, о его самогрызеніи, тоскѣ.

Но, разумѣется, Гершензону пріятно было и отдохнуть. Онъ отдыхалъ на александровскомъ времени. И въ мирномъ разговорѣ, подъ крикъ галокъ московскихъ тоже отдыхалъ.

* *
*

Я заходилъ къ нему однажды по личному дѣлу, и онъ помогъ мнѣ. А потомъ – по «союзному»: Союзъ писателей посылалъ насъ съ нимъ къ Каменеву «за хлѣбомъ». Такъ что въ этой точкѣ силуэтъ Гершензона пересѣкается въ па-

// л. 229

мяти моей со «Львомъ Борисовичемъ». Есть такой разсказъ у Чехова: «Толстый и тонкій»...

* *
*

О Каменевѣ надо начать издали. Въ юношескіе еще годы занесъ меня однажды случай на окраину Москвы, въ провинціальный домикъ тихаго чловѣка, г. Х. Тамъ было собраніе молодежи, несмотря на безобидность хозяина напоминавшее главы извѣстнаго романа Достоевскаго или картину Ярошенки. Особенно ораторствовалъ одинъ молодой чловѣкъ – самоувѣренный, неглупый, съ хорошей гривой. Звали его Каменевымъ.

Прошло много лѣтъ. Въ революцію имя Каменева попадалось часто, но ни съ чѣмъ для меня не связывалось: «тотъ» былъ просто юноша, «этотъ» предсѣдатель московскаго совѣта, «хозяинъ» Москвы. Что между ними общаго?

Однажды вышелъ случай, что изъ нашего Союза арестовали двоихъ членовъ. Правленіе послало меня къ Каменеву хлопотать. Онъ считался «либеральнымъ сановникомъ» и даже закрылъ на третьемъ номерѣ «Вѣстникъ» Чеки за открытый призывъ къ пыткамъ на допросахъ.

Чтобы получить пропускъ, пришлось зайти въ боковой проѣздъ бывшаго генераль-губернаторскаго дома на Тверской, съ Чернышевскаго переулка. Нѣкогда чиновникъ съ длиннымъ щелкающимъ ногтемъ на мизинцѣ выдавалъ намъ здѣсь заграничные паспорта.

// л. 230

Теперь, спускаясь по лѣстницѣ съ бумажкой, я увидѣлъ бабу. Она стояла на колѣняхъ передъ высокимъ «типомъ» въ сѣромъ полушубкѣ, барашковой шапкѣ, высокихъ сапогахъ.

– Голубчикъ ты мой, да отпусти ты моего-то...

– Убирайся, некогда мнѣ пустяками заниматься.

Баба приникла къ его ногамъ.

– Да вѣдь сколько времени сидить, миленькій мой, за что сидить-то...

...У главнаго подъѣзда солдатъ съ винтовкой. Берутъ пропускъ. Лѣстница, знакомыя залы и зеркальныя окна. Здѣсь мы засѣдали при Временномъ Правительствѣ, опираясь на шашки – Совѣтъ Офицерскихъ Депутатовъ. Теперь стучали на машинкахъ барышни. Какія-то дамы, торговцы, пріѣзжіе изъ провинціи «товарищи» ждали пріема. Пришлось и мнѣ подождать. Потомъ провели въ большой, свѣтлый кабинетъ. Спиной къ окнамъ, за столомъ сидѣлъ бывший молодой человекъ Марьиной роци, сильно пополнѣвшій, въ пенснэ, довольно кудлатый, болѣе похожій сейчасъ на благополучнаго московскаго адвоката. Онъ курилъ. Увидѣвъ меня, привсталъ, любезно поздоровался. Сквозь зеркальныя стекла соетка синѣла каланча части, виднѣлась зимняя улица. Станный и горестный покой давала эта зеркальность, какъ бы въ елисейскихъ поляхъ медленно двигались люди, извозчики, дѣтишки волокли санки. Въ лѣвомъ окнѣ такъ же призрачно и элегическивыступали вѣтви

// л. 231

тополя, телефонныя проволоки въ снѣгу, нахохленная галка...

Мы вспомнили нашу встрѣчу. Каменевъ держался привѣтливо-небрежно, покровительственно, но вполне прилично.

– Какъ ихъ фамилія? – спросилъ онъ объ арестованныхъ.

Я назвалъ. Онъ сталъ водить пальцемъ по какимъ то спискамъ.

– А за что?

– Насколько знаю, ни за что.

– Посмотримъ, посмотримъ...

Раздался звонокъ по телефону. Грузно, нѣсколько устало сидя, поджимая подъ себя ноги, Каменевъ взялъ трубку – видимо лѣниво.

– А? Феликсъ? Да, да, буду. Насчетъ чего? Нѣтъ, приговоръ не приводитъ въ исполненіе. Буду, непременно.

Положивъ трубку, обратился ко мнѣ.

– Если дѣйствительно не виноваты, то отпустимъ.

Мнѣ повезло. Арсеньевна и Ильина удалось на этотъ разъ выудить.

* *

*

Что могло нравиться Гершензону въ совѣтскомъ строѣ? Быть можетъ то, что вотъ ему, нервно-путаному, слабому, но съ глубокой душой «типъ» въ полушубкѣ дастъ по затылку? Что свирѣпая, звѣрская лапа сразу сомнетъ и повалить все хитросплетенье его умствованій?

// л. 232

Но легко ли ему было бы видѣть этого типа у себя въ Никольскомъ, въ свѣтлой рабочей комнатѣ, и въ другой, черезъ коридорчикъ, гдѣ у него тоже стояли книги? Гершензонъ не разъ плакался на перегруженность культурой. Въ немъ была древняя усталость. Все хотѣлось прикинуть къ чему то сильному и свѣжему. Истинно-свѣжаго и истинно-здороваго онъ такъ и не узналъ, все лишь мечталъ о немъ въ подпольѣ. И стремясь къ такому, готовъ былъ принять даже большевицкую «силушку» – лишь за то, что она первобытно-дика, первобытно-яростна, не источена жучкомъ культуры.

Послѣ случая съ Ильинымъ и Арсеньевымъ я приобрѣлъ репутацію «спеца» по Каменеву. Считалось, что я могу брать его безъ промаху. Такъ что въ мелкихъ писательскихъ бѣдахъ направляли къ нему меня.

Одна бѣда надвигалась на насъ внушительно: голодъ. Гершензонъ разузналъ, что у московскаго совѣта есть двѣсти пудовъ муки, съ неба свалившихся. Въ его извилистомъ мозгу вдругъ возникла практическая мысль: съѣсть эту муку, т. е. не въ одиночку, а пусть русская литература ее съѣсть. Наше Правленіе одобрило его. И вотъ я снова въ Никольскомъ переулкѣ, снова папиросы, валенки, пальто съ барашковымъ воротникомъ, несвязная рѣчь, несвязный ходъ гершензоновскихъ ногъ по зимнимъ улицамъ Москвы...

// л. 233

Безъ радости вспоминаю эти малыя дѣла тогдашней жизни, болѣе какъ лѣтописецъ. Что Веселаго было въ восторженномъ волненіи Гершензона, въ его странномъ благоговѣніи передъ властью? Въ томъ, что мы, русскіе писатели, должны были ждать въ пріемной, подгоняемые голодомъ? Въ томъ, что Гершензонъ патетически курилъ, что Каменевъ принялъ насъ съ знакомой «благодушною» небрежностью, учтиво и покровительственно? Заикаясь и путаясь, Гершензонъ говорилъ вмѣсто «здравствуйте» «датуйте», весь онъ былъ парадоксъ, противорѣчіе, всегда склонное къ самобичеванію, всегда готовое заплысть восторгомъ или смертельно обидѣться. Рядомъ съ нимъ Каменевъ казался яркимъ обликомъ буржуазности, самодовольства и упитанности – торжествующаго и «культурнаго» мѣщанина.

Да, на какихъ то мельницахъ московскаго совѣта, правда, залежалось двѣсти пудовъ, и мы, по своему, даже должны быть благодарны Каменеву: мука попала голодающимъ писателямъ. Но... «ходить въ Орду» невесело.

И далѣе картина: Смоленскій бульваръ, какой-то складъ, или лабазъ. Морозный день. Бердяевъ, Айхенвальдъ, я, Вяч. Ивановъ, Чулковъ, Гершензонъ, Жилкинъ и другіе – съ салазочками, на нихъпустей мѣшки. Кто съ женами, кто съ дѣтьми. Кого замѣняютъ домашніе. Въ лабазѣ нашъ представитель, І. А. Матусевичъ, бѣлый отъ муки, какъ мельникъ, самоотверженно распредѣляетъ «пайки» (пудъ, полтора). Назадъ веземъ мы ихъ на санкахъ, тоже овѣянные

// л. 234

питательною сѣдиною, по раскатамъ и ухабамъ бульвара – кто на Плющиху, кто къ Сивцеву Вражку, кто въ Чернышевскій. Ну, что-жъ, теперъ двѣ-три недѣли смѣло повертимся.

«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ».

* *

*

Въ эти тяжелые годы многое претерпѣлъ Михаилъ Осиповичъ Гершензонъ. Много салазокъ волокъ собственнымъ горбомъ, по многимъ горькимъ чужимъ лѣстницамъ подымался, много кололъ на морозѣ дровъ, чистилъ снѣгъ, даже голодалъ достаточно. Онъ упорно и благородно боролся за свою семью, какъ многіе въ то время. Семейю любилъ, кажется, безмѣрно. Зналъ великія скорби болѣзни дѣтей, ихъ тяжелой жизни и переутомленья. Стоически голодалъ, вмѣстѣ со своею супругой, отдавая лучшее дѣтямъ, за тяготы этихъ лѣтъ заплатилъ ранней смертью.

Какъ всякій «истинный», не сдѣлалъ карьеры при большевикахъ. Какъ Сологубъ, писалъ довольно много, для себя, но сдался раньше его. Гершензонъ умеръ въ 1925 году.

...Гершензоновой могилѣ кланяюсь.

// л. 235

“Веселые дни”

1921 г.

ЛАВКА

Огромная наша витрина на Большой Никитской имѣла пріятный видъ: мы постоянно наблюдали, чтобы книжки были хорошо разложены. Ихъ набралось порядочно. Блоковско-меланхолическія дѣвицы, спецы или просто ушастыя

шапки останавливались передъ выставкой, разглядывали наши сокровища, а то и самихъ насъ.

«Книжная Лавка Писателей». Осоргинъ, Бердяевъ, Грифцовъ, Александръ Яковлевъ, Дживелеговъ и я – не первые-ли мы по времени нэпманы? Похоже на то: хорошіе мы были купцы, или плохіе, другой вопросъ, но въ лавкѣ нашей покупатели чувствовали себя неплохо. Съ Осоргинымъ можно было побесѣдовать о старинныхъ книгахъ, съ Бердяевымъ о кризисахъ и имманентностяхъ, съ Грифцовымъ о Бальзакѣ, мы съ Дживелеговымъ («Карпычъ») по части ренессансно-итальянской. Елена Александровна,

// л. 236

напоминая Палладу, стояла за кассой, куда шли сначала сотни, потомъ тысячи, потомъ миллионы.

Осоргинъ вѣчно что-то клеилъ, мастерилъ. Собиралъ (и собралъ) замѣчательную коллекцію: за отмѣною книгопечатанія (для насъ, по крайней мѣрѣ), мы писали отъ руки небольшія «творенія», сами устраивали обложки, иногда даже съ рисунками, и продавали. За свою «Италію» я получилъ 15 тысячъ (фунтъ масла). Продавались у насъ такъ изготовленныя книжечки чуть не всѣхъ московскихъ писателей. Но по одному экземпляру покупала непременно сама лавка, отсюда и коллекція Осоргина. Помѣщалась она у насъ-же, подъ стекломъ. А потомъ поступила, какъ цѣннѣйшій документъ «средневѣковья» въ Румянцевскій музей.

Итакъ, Осоргинъ хозяйничалъ, Бердяевъ спорилъ объ имманентностяхъ, горячился изъ-за пайковъ, былъ добросовѣстенъ, элегантенъ и картиненъ. Грифцовъ «углубленно» вычислялъ наши бенефиціи. Нервически поводилъ голубыми, прохладными глазами, ни съ кѣмъ ни въ чѣмъ не соглашался: гдѣ-то подкожно засѣдалъ у него Бальзакъ, имъ онъ презрительно громилъ противниковъ. Я... Въ зимніе дни, когда холодновато въ лавкѣ, сидѣлъ на ступенькахъ передвижной лѣстницы, гдѣ было теплѣе. До конца дней своего купечества такъ и не усвоилъ, гдѣ что стоитъ (книги у насъ, правда, постоянно мѣнялись). Если покупатель былъ пріятный, то еще онъ могъ рассчитывать, что я двинусь. Если

// л. 237

Же появлялась, напрімѣръ, барышня и спрашивала:

– Есть у васъ біографія вождей? – я прикидывался вовсе непонимающимъ:

– Какихъ вождей?

– Ну, пролетаріата...

– Нѣтъ, не держимъ.

И вообще для несимпатичныхъ рѣдко слѣзалъ съ навѣса.

– Такой книги нѣтъ.

А если *есть*, то обычный вопросъ (вполголоса).

– Елена Александровна, гдѣ у насъ это?

И Паллада, отсчитывая миллионы, молча указывала пальцемъ полку.

Мы, «купцы», жили между собою дружно. Зимой топили печурку, являлись въ валенкахъ. Лѣтомъ Николай Александровичъ надѣвалъ нарядный чечунчиковый костюмъ съ галстукомъ-бабочкой. Надъ зеркальнымъ окномъ спускали маркизу, и легенькія барышни смотрѣли подолгу, задумчиво, на нашу витрину. Съ улицы иногда влетала пыль.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Въ глубинѣ лавки была у насъ дверка и узкая лѣстница наверхъ, на хоры съ комнаткой, куда мы иногда прятались отъ скучныхъ посѣтителей, гдѣ устраивали лавочныя собранія – вообще это были «кулисы» торговаго дома. Въ комнаткѣ стоялъ огромный столъ, заваленный

// л. 238

книгами, и вокругъ на полкахъ тоже много книгъ. Но ужъ что здѣсь находится, не зналъ не только я, а, пожалуй, и самъ Грифцовъ.

Мѣсто это носило нѣсколько таинственный и романтическій характеръ. Съ хоръ можно было, незамѣтнымъ, наблюдать жизнь лавки. Полутьма, витая лѣсенка, пыль – все давало ощущение спрятанности, укрытія.

Въ этомъ-то уголкѣ и собралъ насъ однажды Осоргинъ – стоялъ знойный, сухой августъ, въ лавку набивалась пыль и горячій вѣтеръ трепалъ волосы, какъ только выйдешь. Осоргинъ многозначительно сообщилъ, что въ городѣ организованъ Комитетъ Помощи Голодающимъ, состоятъ онъ будетъ изъ «порядочныхъ» людей, но подъ контролемъ власти. Голодъ (на Волгѣ, въ Крыму) въ то лѣто, правда, былъ ужасный. Въ Самарской губерніи такъ выжгло зеленыя еще съ весны, что поля имѣли видъ черно-бархатной, съ отливомъ, скатерти. Урожай «не оказалось», а такъ какъ у крестьянъ своевременно обобрали прежніе запасы, то голодъ наступилъ мгновенно. Власть растерялась. И подъ минутой паники согласилась на «Общественный Комитетъ». Намъ, представителямъ литературы, предложили тоже войти – объ этомъ мы и совѣщались наверху. Предложеніе шло отъ Прокоповича, Кусковой и Кишкина. Отъ «власти» предсѣдателемъ назначили Каменева.

Итти или не итти? Вотъ о чемъ мы разсуждали. И такъ какъ лавка заключала въ себѣ президіумъ Союза Писателей, то насъ это близ-

// л. 239

ко касалось. Рѣшили итти. Выбрали Осоргина и меня.

У русскаго человѣка есть такія выраженія: «за компанію», «съ хорошимъ человѣкомъ и выпить можно». «За компанію»... отчего же не попробовать? Пожалуй, не будь это въ лавкѣ, съ Осоргинымъ, пришелъ-бы меня приглашать

какой-нибудь честный бородачъ въ калошахъ или старая дама, я-бы и не согласился. Но тутъ – была не была!

На другой день уже весь народъ зналъ о Комитетѣ. Тогда еще считали, что «они» вотъ-вотъ падутъ. Поэтому, Комитетъ мгновенно разрисовали. Было цѣлое теченіе, считавшее, что это – въ замаскированномъ видѣ – будущее правительство! Другіе ругали насъ, среди нихъ С. П. Мельгуновъ, за «соглашательство»: вѣдь мы должны были работать подъ покровительствомъ Льва Борисовича. Помню какого-то желчного интеллигента, который купилъ у меня на грошъ, а разстроилъ на тысячу рублей: выходило, что мы чуть-ли не подсобники и т. п. На слѣдующій день въ газетахъ насъ превознесли (очевидно, уже считали «своими»), а нашими именами уязвляли непошедшихъ.

Газеты эти были расклеены. Выйдя изъ лавки, завернувъ въ Леонтьевскій, я наткнулся на такую «стѣнгазету». Вокругъ нея кучка читателей. Безрадостно увидалъ я свое имя рядомъ съ Максимомъ Горькимъ. Мрачный типъ сзади, прочитавъ, фукнулъи сказалъ:

– Персональный списокъ идіотовъ.

// л. 240

“ДѢЛО”

Были мы идіотами, или нѣтъ, каждый рѣшаетъ по своему. Несомнѣнно лишь то, что наша жизнь пріобрѣла нѣкій острый, романтически-заговорщицкій отбѣнокъ. Мы ходили въ переулочекъ Арбата къ Кусковой. Въ ея квартирѣ шла непрерывная суматоха. Являлись, совѣщались, засѣдали. Смѣсь барства, интеллигентства съ крѣпкой настойкой Москвы... Вблизи двухэтажнаго ея дома, церковка, окно кабинета Прокоповича выходитъ во дворъ, гдѣ играютъ дѣтишки, съ деревьевъ листья летятъ, самый домъ – не то особнякъ, не то помѣщичья усадьба, уголъ старой Москвы. Еще Герцены, Хомяковы, Аксаковы жили въ этихъ краяхъ. Небольшіе сады при небольшихъ особнякахъ – развѣ не деревня?

И Сергѣй Николаевичъ и Екатерина Дмитриевна были очень серьезны. Ихъ положеніе не изъ легкихъ. Все это они затѣяли, предстояло найти линію и достойную, и осуществимую.

Мы составили литературную группу. Осоргинъ редактировалъ газету Комитета – «Помощь». Ея внѣшній видъ вполнѣ повторялъ «Русскія Вѣдомости». Какъ только появился первый номеръ, по Москвѣ прошелъ вздохъ. – «Теперь ужъ падутъ! «Русскія Вѣдомости» вышли, стало быть, ужъ капутъ!».

Подготовительная часть у Кусковой окончилась, открылись наши собранія уже съ «ними»

// л. 241

Въ особнякъ на Собачьей Площадкѣ. «Нашихъ» было числомъ гораздо больше: профессора, статистики, агрономы, общественные дѣятели, литераторы –

въ родѣ парламента. Вотъ какіе люди: Прокоповичъ, Кускова, Кишкинъ, Кутлеръ, Ѳ. А. Головинъ, проф. Тарасевичъ (нынѣ покойный), Вѣра Фигнеръ и много другихъ. Съ «ихъ» стороны: Каменевъ, Рыковъ, Луначарскій. Большинство было у «насъ», права «наши» считались большія, и настроеніе (въ наивности нашей) такое:

– А п-па-звольте спросить, милостис-даръ, а н-на какомъ основаніи вы изволили обобратъ Нижегородскую губернію? А н-не угодно-ли вамъ будетъ срочно отправить пятьсотъ вагоновъ въ Самар-р-рскую?

Волны нашихъ государственныхъ вождѣленій приходилось принимать Каменеву – онъ предсѣдательствовалъ. Приѣзжалъ и Рыковъ. Но, сколько помню, всегда пьяный. Въ тужуркѣ, съ длиннымъ мальчишескимъ галстукомъ, сальными волосами. Понять что говоритъ, трудно, очень плохо двигалъ языкомъ. Каменевъ-же былъ взятъ какъ наилучшій мостъ къ намъ.

Вспоминая эту свою «дѣятельность», я не могу припомнить, что именно путнаго сдѣлалъ. Кажется, больше слушалъ, да разсматривалъ. Садился въ первый рядъ, съ независимымъ видомъ. Однажды сказалъ Каменеву:

– Прошу слова.

// л. 242

Онъ любезно кивнулъ и записалъ меня, но тутъ всталъ Прокоповичъ, и очень толково, именно то и сказалъ (А п-пазвольте, милостис-даръ, на какомъ основаніи?), что я хотѣлъ спросить. Мнѣ не повезло. Я отъ слова отказался, просто только съ побѣдоноснымъ видомъ оглянулся на стулья «нашихъ», за которыми свѣтлыя окна – въ нихъ вечерняя Москва, невысокіе домики Собачьей Площадки, урна, зеркальное небо и раннепадающіе листы.

Изъ этихъ шумныхъ засѣданій, я вынесъ такое наблюденіе: «они» и «мы» – это названіе комедіи Островскаго «Волки и овцы». У нихъ зубъ, наглость, жестокость. Всѣ они шершавые, урчатъ, огрызаются. (Особенно это ясно стало, когда за Каменевымъ начали появляться какіе то безымянные типы въ куртках... Позже мы все это хорошо поняли). И нѣтъ добрыхъ глазъ, добраго взгляда. Вотъ это страшная черта совѣтскихъ людей, я ее часто замѣчалъ: недобрые глаза и отсутствіе улыбки. А «наши»... – ну, мы себя хорошо знаемъ.

«Мы» настаивали, чтобы была послана въ Европу делегація отъ Комитета, чтобы можно было собрать тамъ денегъ, раздобыть хлѣба и двинуть въ голодныя мѣста. «Имъ» это не такъ-то нравилось. Началась торговля. То-ли мы имъ должны были уступить, то-ли они намъ.

Я жилъ тогда въ Москвѣ одинъ, въ Кривоарбатскомъ – семья была въ деревнѣ. Ходилъ обѣдать на Арбатъ въ столовую, очень наряд-

// л. 243

ную, только что открывшуюся. Бывалъ и въ лавкѣ, но рѣже.

Какъ-то жарко, вѣтрено было въ Москвѣ, нервно и занято. Такъ осталась у меня въ памяти пустынность московскихъ вечернихъ переулковъ, горячая сушь августа, ощущение легкости и полета.

Разъ вечеромъ мы выходили съ Осоргинымъ съ засѣданія. Луна хорошо свѣтила. На этомъ засѣданіи я просилъ Каменева за «сидѣвшаго» въ Одессѣ писателя Соболя.

Онъ небрежно спросилъ:

– Какого Соболя? Который написалъ романъ «Пыль»?

– Да.

– Плохой романъ. Пусть посидитъ.

Я замѣтилъ, что онъ сидитъ уже семь мѣсяцевъ, неизвѣстно за что.

– Ну, это много. Постараемся выпустить.

И вотъ у выхода Каменевъ, подходя къ своей машинѣ, столкнулся съ нами.

– Пожалуйста, – сказалъ любезно, – вамъ далеко? Я подвезу.

Не сговариваясь, мы съ Осоргинымъ толкнули слегка другъ друга и отказались. Мы шли луннымъ, пахучимъ вечеромъ, радостно-грустнымъ въ красотѣ ночи московской. Шли нѣкоторое время вмѣстѣ, а потомъ разошлись: я на Арбатъ, онъ въ Чернышевскій. Памятенъ былъ этотъ вечеръ, сладокъ и пронзителенъ. Но и онъ ушелъ, и многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. Тогда Соболю сидѣлъ, а Каменевъ уѣзжалъ

// л. 244

на шикарной машинѣ – «генераль-губернаторъ» Москвы. Затѣмъ Соболю – этотъ глубоко-несчастный человекъ – вышелъ изъ тюрьмы, ушелъ къ «нимъ», окончательно запутался и револьвернымъ выстрѣломъ разрѣшилъ свою незадачливую жизнь. Соболя я просто жалѣю, надъ Каменевымъ злорадствовать не хочу.

А въ тотъ вечеръ мягко несъ его автомобиль къ Кремлю.

COUP D'ETAT

Мы собрались въ свой особнякъ часамъ къ пяти, на засѣданіе, какъ было назначено. Сегодня рѣшалось все дальнѣйшее. Комитетъ поставилъ ультиматумъ: или нашу делегацію выпускаютъ въ Европу для сбора денегъ, или мы закрываемся, ибо мѣстными силами помочь нельзя. Настроеніе нервное, напряженное. «Наши» сидятъ на подоконникахъ залы, толпятся въ смежной комнатѣ, разговариваютъ около стѣнныхъ картъ и діаграммъ.

Время идетъ. Вечерѣетъ. Подъ окнами какія-то куртки, а Каменева все нѣтъ. Нервность и удивленіе. Вынимаютъ часы, смотрятъ.

Я находился въ комнатѣ рядомъ съ залой. Помню, – въ прихожей раздался шумъ, неизвѣстно, что за шумъ, почему, но сразу стало ясно: идетъ бѣда. Въ слѣдующее мгновеніе съ десятокъ кожаныхъ куртокъ съ револьверами, въ

высоких сапогахъ, бурей вылетѣли изъ полусумрака передней и одинъ изъ нихъ гаркнулъ:

// л. 245

– Постановленіемъ Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи всѣ присутствующіе арестованы!

ПУТЕШЕСТВІЕ

Паники не произошло. Всѣ были довольно покойны. Помню гнѣвное, поблѣднѣвшее лицо Вѣры Фигнеръ и багрово-вспыхнувшую Екатерину Дмитриевну. Еще помню, что черезъ нѣсколько минутъ по водвореніи пришельцевъ, чрезъ ту-же прихожую пробирался къ намъ, нѣсколько неуклюже и какъ-бы конфузливо П. П. Муратовъ.

– Ты зачѣмъ тутъ? Эх-хъ, ты...

П. П. былъ тоже членомъ Комитета. Онъ опоздалъ. Подойдя къ особняку, увидѣлъ чекистовъ, увидѣлъ арестъ...

– Ну и чего-же ты не повернулъ?

– Да ужъ такъ, вмѣстѣ засѣдали, вмѣстѣ и отвѣчать...

Теперь онъ уже за чертой чекистовъ. Не утечешь!

Былъ блѣдно-сиреневый вечеръ, когда мы вышли. У подъѣзда стояли автомобили. Осоргинъ, я и Муратовъ, какъ прожили полжизни вмѣстѣ, такъ вмѣстѣ и сѣли. Теплый воздухъ засвистѣлъ въ ушахъ, казалось почему-то что машина мчится головокружительно. Неслись знакомые переулки, Арбатъ, мелькнула площадь, Воздвиженка, и странно пустынной казалась Москва. Очень хотѣлось встрѣтить хоть когонибудь

// л. 246

знакомаго... Моховая, Университетъ. У книжной лавки Мельгунова мелькнуло, наконецъ, чье то знакомое лицо – но машина надала, черезъ двѣ, три минуты, послѣ удивительнѣйшаго полета (я другого, все-таки, такого въ жизни не запомню!), мы остановились у «привѣтливыхъ» дверей дома «Россіи», на Лубянской площади и сошли съ автомобиля: два года назадъ въ эти-же двери вошелъ и не вышелъ живымъ мальчикъ – Алеша Смирновъ, многострадальный мой пасынокъ.

НОЧЬ

...Всѣмъ намъ пришлось перебивать у окошечка, похожего на кассу банка или на бюро спальныхъ вагоновъ: тамъ о каждомъ записали, что требуется, и вновь собрались мы въ нашей «случайной» комнатѣ – ждали дальнѣйшей участи.

Я думаю, самымъ невозмутимымъ изъ насъ оказался *Θ. А. Головинъ*. Всегда у меня была слабость къ этой безукоризненно-лысой, изящной и умной головѣ, къ тонкому, древнему профилю (онъ потомокъ *Комненовъ*), безцвѣтно-спокойнымъ глазамъ. На волѣ, въ барское довоенное время, и въ голодные дни революціи мы немало играли съ нимъ въ шахматы. Онъ съ одинаковымъ безразличіемъ и выигрывалъ и проигрывалъ. Черезъ четверть часа по прибытіи, когда другіе еще горячились, расходовали подожденную нервную энергію, *Θедоръ Алек-*

// л. 247

сандровичъ уже сѣлъ играть съ черно-мрачнымъ и такъ же равнодушнымъ *Кутлеромъ*. Откуда они добыли шахматы, я не помню: кажется, тутъ же и смастерили изъ картона. Впрочемъ, игра продолжалась недолго: насъ повели еще въ новое помѣщеніе. *Θ. А.* равнодушно забралъ фигурки, записалъ положеніе и въ своемъ элегантномъ костюмѣ, бѣлыхъ брюкахъ, съ шахматами подъ мышкой, зашагалъ по застѣлочнымъ коридорамъ.

Мы вошли въ довольно большую комнату съ двумя цѣльнаго стекла окнами. Надпись на стеклѣ, глядѣвшую въ переулочъ, можно было прочесть и отсюда:

– Контора *Аванесова*.

Теперь въ конторѣ нары. Ихъ ненадолго занимали случайные постояльцы. Здѣсь перстъ судьбы сортировалъ: жизнь – смерть, смерть – жизнью *Кускову*, *Прокоповича* и *Кишкина* очень скоро увели отъ насъ во внутреннюю тюрьму. Мы попрощались сдержанно, но съ волненіемъ. Никто не зналъ на что ихъ ведутъ.

Мы съ *П. П. Муратовымъ* легли рядомъ на голыя нары, около окна. *Осоргинъ* находился въ другомъ углу съ *гр. Бенкендорфомъ*. Хотѣлось ѣсть. Электрическая лампочка заливала все сверху мертвымъ свѣтомъ. Мы лежали, и сначала говорили, а потомъ стали умолкать. Заснуть въ эту, первую свою ночь въ тюрьмѣ, я не могъ. Къ счастью, ужаса не испытывалъ. Но нервное возбужденіе заставляло бодрствовать. Мнѣ даже казалось, что я очень оживленъ,

// л. 248

почти веселъ. Станнымъ образомъ, мало думалось о безуміи окружающаго. Зналъ, что въ этомъ-же домѣ, можетъ быть, въ эти глухіе часы кого-то ведутъ въ подвалъ... но (самозащита, что-ли?) мысль на такомъ не останавливалась. Часа въ три, наприимѣръ, ясно помню шумъ мотора, заведеннаго на дворѣ – мы отлично знали, что это значитъ – все-же впечатленіе было меньше, чѣмъ можно было-бы думать. Очень уязвляла мысль о семьѣ: жена и дочь были въ деревнѣ, все хотѣлось, чтобы до нихъ пока не дошла вѣсть о моемъ арестѣ.

А затѣмъ... затѣмъ я наблюдалъ. По моему мнѣнію, спали многіе. Среди нихъ, недалеко отъ меня – *Θ. А. Головинъ*. Онъ лежалъ на спинѣ. Въ его правильномъ, лысомъ черепѣ блестялъ, какъ на словновой кости, лучъ электричества. Руки аккуратно сложены накрестъ, бѣлыя брюки въ складки, желтыя ботинки, воротничик даже не разстегнуты. (Онъ и позже спалъ всегда въ

полномъ парадѣ. Объяснялъ такъ, что если ночью позовутъ ан допросъ или разстрѣль, то нельзя выходить на такое дѣло не въ порядкѣ). Сейчасъс клопъ медленно взбирался на тѣневой сторонѣ его черепа, ища удобнаго мѣста. Доползши до освѣщенно-блестящей части, испуганно повернулъ назадъ.

Въ это время въ камеру ввели высокаго человѣка, неувѣренно шагавшаго къ намъ. Я толкнулъ П. П. – тотъ поднялъ заспанное, затекшее отъ неудобнаго изголовья лицо и ухмыльнулся:

// л. 249

это былъ его пріятель – Борисъ Випперъ, молодой профессоръ.

– Ну, вотъ... – пробормоталъ П. П., – и вы тутъ. Нашего полку прибыло.

Виппера взяли ночью и прямо доставили сюда.

“ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩІЙ НАМЪ ГОТОВИТЬ”

1) Яркое солнце. Было воскресенье, этотъ августовскій свѣтъ весело блисталъ по Москвѣ. Въ Петербургѣ сквозь влажно-голубоватую невскую дымку освѣщаль тѣла безвинно-убіенныхъ по Таганцевскому заговору.

2) И очень пріятное, чтоонъ намъ далъ, были посылки. Да, за стѣнами, тамъ на волѣ оказалась Москва, добрая Москва! Черезъ тысячи поръ, щелей просочилась она въ тюрьму, обходя правила адскихъ круговъ. Жены, сестры, невѣсты, дружественныя, знакомыя и полузнакомыя руки упаковывали намъ свертки – и въ солнечный воскресный день вдругъ вѣхала груда пакетовъ – «передачь». Къ этому времени Осоргинъ былъ уже избранъ нашимъ старостой. Ловкій и легкій, въ счастливомъ нервномъ возбужденіи отвѣтственности, онъ хорошо провель роль, «былъ въ формѣ». Вотъ и сейчасъ элегантно распорядился раздачей передачь, весело выкликая адресатовъ.

Такъ какъ всѣ «мои» находились въ деревнѣ, я ничего не ждалъ. Вдругъ улыбающееся лицо Осоргина обернулось, онъ назвалъ мое имя. Только тутъ я понялъ, какъ пріятно получить въ

// л. 250

Тюрьмѣ знакъ благожеланія и памяти. Этимъ обязанъ былъ я Р. Г. Осоргиной – вмѣстѣ съ пакетомъ мужу, уложила, притащила на себѣ она и мнѣ подмогу. Никогда, даже въ дѣтствѣ, не радовалъ меня такъ подарокъ, за него храню Рахили Григорьевнѣ всегдашнюю благодарность. Тамъ было одѣяло, подушка, бѣлый хлѣбъ, сахаръ, какао – вообще столько прелестей!

Неполучившіе (не-москвичи) сразу замѣтны были по грустнымъ галзамъ. Разумѣется, тотчасъ-же началась дѣлежка, «первобытно-братственное» равенство осуществилось съ нѣкоторымъ даже напоромъ со стороны получившихъ. Вся наша «преступная банда» оживилась. Особенно старался одинъ инженеръ –

Меттъ. Онъ получилъ огромную посылку, съ нервной расточительностью раздавалъ свои сокровища.

Видъ камеры измѣнился: стали устраиваться, на нарахъ появились плэды, одѣяла, подушки, началось бритье и умыванье, вообще жизнь въ родѣ вагонной – дальняго слѣдованія.

Мы съ П. П. Муратовымъ и Вишперомъ устроили свой уголокъ у окна аванесовской конторы и залегли крѣпко, по медвѣжьи. Послѣ безсонной ночи дремалось неплохо. Время шло быстро. Черно-лохматый Кутлеръ игралъ, какъ полагалось, въ шахматы съ Головинымъ, и по ихъ виду нельзя было понять, кто побѣждаетъ. Осоргинъ хлопоталъ съ Бенкендорфомъ въ другомъ углу. Подъ вечеръ онъ прибѣжалъ ко мнѣ, нѣсколько женственно припалъ, обнялъ и гаркнулъ:

// л. 251

– Вотъ она, жизнь-то какая! Веселая жизнь. Ругаешь меня, что я тебя сюда затащилъ?

Историко-литературный уголь оживленно загоготалъ.

А Осоргинъ уже вспорхнулъ, подобно Нижинскому, помчался для переговоровъ о кипяткѣ.

ЗВѢЗДЫ

По вечерамъ мы ихъ видали, но минутно, пересѣкая тѣсный дворъ, когда ходили умываться, за кипяткомъ, и т. п. Никогда звѣзды не казались столь прекрасными. Къ сожалѣнію, въ томъ узкомъ кускѣ бархата, что возставалъ надъ головой, я не могъ найти Веги. Но другія звѣзды видѣлъ. И онѣ видѣли меня – въ грязи, убожествѣ, кровавой слякоти отверженнаго мѣста. Звѣзды и Вега вызываютъ въ памяти рассказъ, слышанный тоже въ дни революціи.

Г-жа N. была замужемъ за немолодымъ человѣкомъ. Полюбила другого. Послѣ разныхъ колебаній мужъ согласился, чтобы она устроила себѣ новую жизнь съ этимъ другимъ. Они встрѣтились всѣ трое у N., и рѣшеніе было принято окончательно. На другой день г-жа N. должна была уѣхать.

Ночью, однако, и она, и мужъ, и всѣ родные были арестованы по обвиненію въ контръ-революціи. Новая жизнь для г-жи N. оказалась камерою смертниковъ въ Бутыркахъ.

Еще на волѣ, когда шель ихъ романъ, г-жа N. и г. X. – оба мистики – полюбили звѣзду Вегу.

// л. 252

Однажды, идя по Кузнецкому, г. X. увидѣлъ на витринѣ книгу: «Голубая звѣзда». Въ повѣсти этой было то-же мистическое поклоненіе Вегѣ, какъ символу женственнаго. Книга пришла въ душѣ влюбленнымъ. Они вмѣстѣ читали ее.

Г-ну Х. удалось доставить книгу в тюрьму. Подчеркнув буквы словъ, онъ далъ понять, что каждый вечеръ, когда Вега появляется, онъ думаетъ о г-жѣ N. – пусть и она поступитъ такъ же.

Г-жа N., женщина изящная и тонкая, очень страдала въ заточеніи. Жизнь отнимали у нея на грани долгожданнаго счастья! Она исполнила завѣтъ любимаго человѣка. И по вечерамъ, при появленіи звѣзды, глядя на нее, они мечтали другъ о другѣ, тѣмъ поддерживали себя. Г-жа N. при этомъ часто читала книгу.

Обвиненіе было ложнымъ. Но погибла вся семья, не пощадили родныхъи знакомыхъ, по древнему «до седьмого колѣна». За г-жей N. смерть пришла, когда она читала о голубой звѣздѣ.

Вставъ, перекрестившись, она съ книгою въ спокойствіи пошла навстрѣчу Вѣчности.

Этотъ разсказъ слышалъ я отъ той, кто послѣдняя, сестрински поцѣловала ее въ лобъ – и кому чудомъ удалось спастись.

* *
*

Звѣзды въ застѣнкѣ! Васъ вспоминаю съ любовью, взволнованно и благодарно...

// л. 253

СИДИМЪ

Къ намъ попали газеты. О, теперь о насъ писали иначе, чѣмъ въ дни «персональнаго списка идіотовъ». Клонили къ тому, чтобы весь нашъ комитетъ разсматривать какъ «заговоръ» и соотвѣтственно распраить. Съ Таганцевымъ ужъ такъ и обошлись. Нашихъ начали водить на допросы. Кутлеръ, Ѳедоръ Александровичъ, кромѣ шахматъ получили и еще обязанности. Прокоповичъ, Кишкинъ и Кусква въ эти дни были на чертѣ смерти. Ихъ гибель была рѣшена, спасло вмѣшательство Нансена. Насколько знаю, онъ поставилъ условіемъ своей помощи сохраненіе ихъ жизней.

Понемногу начали мы сживаться съ конторою Аванесова. Намъ подбавляли кое кого, кой кто изъ нашихъ уходилъ во внутреннюю тюрьму. По-прежнему, изъ города шли передачи. Настроеніе держалось бодрое. Чтобы его не ослаблять, рѣшили развлекаться – читать лекціи.

Кутлеръ читалъ о финансахъ. Этотъ умный, сумрачный человѣкъ былъ глубокимъ скептикомъ. Я думаю, онъ убѣжденно считалъ, что вообще все погибло: Россія, финансы, онъ самъ, Комитетъ... Я спросилъ его разъ:

– Николай Николаевичъ, а вотъ *вы* вѣрили въ это дѣло, когда шли?

Онъ улыбнулся, какъ-бы отвѣчая младенцу:

– Разумѣется, ни минуты.

– Зачѣмъ-же вы шли?

Изъ его словъ, сказанныхъ съ отгѣнкомъ горечи, выходило, что и этотъ многоопытный мужъ, бывшій министръ, въ родѣ насъ грѣшныхъ тоже пошелъ «за компанію»... Его лекція доказывала, что съ совѣтскими финансами плохо. Вспоминая его, я, однако, все болѣе убѣждаюсь въ безсиліи скептицизма. Люди этого склада мало могутъ сдѣлать. Вѣрно ли даже они угадываютъ жизнь? Не нужна ли даже для этого живая сила вѣры? Вѣдь вотъ и не рухнули совѣтскіе финансы, и самъ Николай Николаевичъ, выйдя изъ тюрьмы, какъ разъ занялся укрѣпленіемъ червонца – за него вѣрили другіе, онъ, должно быть, дѣйствовалъ и тамъ по инерціи, «такъ ужъ случилось»... – И съ удивленіемъ, вѣроятно, видѣлъ плоды рукъ своихъ. На этомъ червонцѣ онъ и умеръ – грустный человѣкъ, всегда готовый къ смерти и равнодушный къ ней. Мнѣ кажется, и умеръ онъ въ горестномъ недоумѣніи.

Борисъ Вишперъ читалъ, кажется, о живописи. П. П. Муратовъ о древней иконописи. Съ моимъ чтеніемъ произошелъ маленькій веселый случай.

Было утро, солнечный день. Я говорилъ о русской литературѣ, какъ вдругъ въ камеру довольно бурно и начальственно вошло двое чекистовъ. Въ рукѣ у одного была бумажка. По ней онъ такъ-же громко и безцеремонно, прерывая меня, прочелъ, что я и Муратовъ свободны, можемъ уходить.

Правда, я не хотѣлъ играть подъ Архимеда. Вообще ни о чемъ не думалъ.

Но, вѣроятно, подсознанію не понравилось всторженіе «посторонняго тѣла», да еще грубоватаго, прерывающаго меня, и я отвѣтилъ почти недовольно:

– Ну да, да, вотъ кончу сперва лекцію...

Всѣ захохотали и я смутился. Улыбнулся даже чекисть:

– Успѣете на свободѣ кончить.

МОСКВА

Я пожималъ десятки рукъ. Со всѣхъ сторонъ наперебой давали поученія. И черезъ нѣсколько минутъ сухой и знойный вѣтеръ, пыль, дребезгъ московскихъ улицъ... Какъ свѣтло, просторно! Извозчикъ медленно везъ меня съ моимъ тюремнымъ скарбомъ на Арбатъ.

Весь этотъ день слился у меня въ какое-то пестро-огненное движеніе. Я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Пустынная, большая наша комната въ Кривоарбатскомъ показалась скучной. Но Москва – родной. Меня привѣтствовали въ арбатской столовой. На улицѣ останавливали незнакомые и поздравляли. А я все не могъ остановиться. Все мнѣ хотѣлось итти, безъ конца говорить, волноваться – я и ходилъ по гостямъ до двухъ часовъ ночи – передавалъ и рассказывалъ женамъ,

сестрамъ, роднымъ объ оставшихся. Былъ на Козихъ у Головиныхъ, былъ въ Чернышевскомъ у Р. Г. Осоргиной.

// л. 256

* *
*

Что можно прибавить о насъ? Кускова, Прокоповичъ, Кишкинъ, Осоргинъ и еще нѣкоторые просидѣли долго. Потомъ были сосланы. Потомъ попали за границу. Пользы голодающимъ, конечно, мы не принесли. Предсказанія нашихъ женъ при началѣ Комитета («черезъ мѣсяць будете всѣ въ чекъ») съ точностью осуществились. Но вспоминая наше сидѣніе, я вспоминаю не плохое дѣло, а хорошее. Мы ошиблись въ расчетѣ. Но мнѣ не стыдно, что я сидѣлъ. И Кусковой не стыдно.

Ну, а вотъ Каменеву...

Въ этомъ только и смыслъ. Мы въ тюрьмѣ были бодрѣе, потому что правда была за нами. Мало? Нѣтъ, очень много!

// л. 257

Чтенія

Въ декабрѣ 1920 г., на «трудмобилизаціи» въ Притыкинѣ, предложили мнѣ, какъ человѣку «письменному» поступить писаремъ въ Каширу. Женѣ моей заняться рубкой лѣса. Это не устраивало насъ, и мы выбрались въ Москву.

Денегъ, разумѣется, не было. Но друзья нашлись. Друзья взяли въ Лавку Писателей, и я всталъ за рпилавокъ торковать книгами. Это куда лучше, чѣмъ служить у коммунистовъ, да и давало возможность жить. Получали мы ужъ не помню какія тысячи, но тысячи платили и за сахаръ, кофе. Такъ что не совсѣмъ ватало, приходилось подрабатывать. Приглашали кое куда читать. Занятіе не изъ веселыхъ, но...

* *
*

– Какъ бы чего не вышло, смотрите, говорили мнѣ въ Лавкѣ. – Будете все-таки читать у коммунистовъ...

Тогда въ Москвѣ можно было еще позволить себѣ роскошь *не* читать у коммунистовъ! Надо

// л. 258

сказать прямо: кромѣ нужды меня никто не принуждалъ читать въ Домѣ Печати. (Еще отчасти было любопытство, да и нѣкій вызовъ). Пригласилъ меня Полонскій, извѣстный критикъ, – кажется, онъ и завѣдывалъ этимъ учрежденіемъ: и приглашал-то съ опаской, можетъ быть, молъ, еще не саблоговолить...

Я пришелъ часу въ девятомъ, нарочно пораньше. Послѣ холодной моей комнаты, гдѣ мы с женой едва натапливали до десяти, одиннадцати градусовъ, пріятно удивила теплота, освѣщеніе, культурный видъ вестибюля, гостиной. Зала прямо отличная, съ небольшой, но довольно элегантною эстрадой. И еще прелесть: буфетъ! Столики, какъ нѣкогда въ Литературномъ Кружкѣ, можно спросить стаканъ чаю, бутербродъ съ красной икрой и т. п. – этого я нигдѣ за годы революціи не видал. Такъ что вражескій станъ хоть куда.

Немедленно сѣлъ за столикъ, честь честью, все мнѣ и подали – и вполне развеселили. Собственно, не барышня мнѣ подававшая, а сосѣди. Ихъ было двое, за столикомъ у стѣны. Одного совсѣмъ не помню, а другой, спиною ко мнѣ, былъ въ какой-то фригійской шапочкѣ, въ три четверти виднѣлось суховатое лицо, бритое – я даже обратилъ вниманіе, про себя назвалъ его:

– Якобинецъ.

Они разговаривали между собой. Сначала о чем-то «вообще», потомъ о Домѣ Печати. Якобинецъ угрюмо мутулился, буркал. Видимо,

// л. 259

Скептикъ здѣшнихъ мѣст, нѣкій «печальный Демонъ, духъ изгнанья».

– Что-же сегодня такое будетъ? – спросилъ собесѣдникъ.

– Чортъ ихъ знаетъ, литературный вечеръ...

Собесѣдникъ зѣвнулъ.

– А кто будетъ читать?

– Извѣстный мерзавецъ Борисъ Зайцевъ, хмыкнулъ Робеспьеръ.

Собесѣдникъ, повидимому, удовлетворился, – они спокойно продолжали о другомъ.

Подошелъ Полонскій, любезно поздоровался, взглянулъ на мой крахмальный воротничекъ, приличный костюмъ, усмѣхнулся.

– Вы по европейски...

Я улыбнулся тоже.

– Да и у васъ по европейски... свѣтло, чисто, видите, чай пью. И меня только что обозвали мерзавцемъ.

Длинный носъ Полонскаго выѣхалъ еще болѣе вперед.

– ?

– Ничего, тут два типа рядомъ тоже чай пили, и дѣлились впечатлѣніями... Ихъ право...

– Ну, это недоразуменіе.

На эстрадѣ у меня стоялъ столъ, стулъ, электрическая лампочка, стаканъ съ чаемъ. Зала была полна – все молодежь, довольно сдержанная, много барышень, люди въ курткахъ, косовороткахъ, но фригійскаго своего пріятеля я не замѣтилъ.

// л. 260

Особенно пріятно было произнести вслухъ эпиграфъ: «Миренъ сонъ и безмятеженъ даруй ми». – Молитва.

На словѣ молитва я даже остановился, оглядѣлъ публику. Нѣкоторое, какъ бы легкое недоумѣніе по ней прошло, но чуть-чуть, вѣтеркомъ.

Читалъ я спокойно, и спокойно слушали. Настолько спокойно (и почти благожелательно!), будто я у себя въ Союзѣ. Когда кончилъ, аплодировали – что за удивленье? Гдѣ-же другіе Робеспьеры?

– Навѣрное, въ преніяхъ-то насыплютъ... Пренія были объявлены тотчасъ за чтеніемъ. Но и тутъ что-то странное... Хотѣлъ-ли Полонскій быть наперекоръ всему любезенъ, или загладить давешнее, но произнесъ слово почти юбилейное (оговариваясь, конечно, что я «не нашъ»). Петръ Семеновичъ Коганъ, Львовъ-Рогачевскій тоже сказали болѣе, чѣмъ дружественно. Возражать не на что, спорить не съ кѣмъ, только кланяться да благодарить...

* *
*

Не всегда такъ идиллически приходилось читать. Странно требовать, чтобы въ революціи все было «миренъ сонъ и безмятеженъ»...

Нашъ Союзъ устраивалъ иногда большія выступленія: для сбора средствъ, частью изъ цѣлей литературныхъ. Одинъ такой вечеръ назначили въ Политехническомъ музеѣ. Читать при-

// л. 261

гласили Сологуба, Вяч. Иванова, бѣлаго, Балтрушайтиса и меня.

Политехническій музей извѣстенъ – кудреватое зданіе, смотритъ на Ильинскія ворота – внутри коридоры, переходы, яркій свѣтъ, огромная аудиторія, круто поднимающаяся вверхъ. Въ тотъ морозный вечеръ все это кишѣло, бурлило: на недостатокъ публики не могли мы жаловаться.

Бѣлый не пріѣхалъ. Сологубъ сидѣлъ въ артистической – лысый, холодноватый.

– Да, говорилъ, слегка встряхивая на носу пенснэ. – Будемъ чиатть. Да, читать такъ читать.

Явился красный съ морозу Балтрушайтисъ. Вячеславъ Ивановъ, въ длинномъ старомодномъ сюртукѣ, съ золотящимися сѣдоватыми локонами вокругъ лба (сильно обнажившагося), пилъ чай, устремляясь всею фигурою впередъ (отъ него и вообще осталось впечатлѣніе, что даже, когда онъ стоитъ, тѣло его наклонено

впередь – какъ бы плывущій корабль. Золотое пенснэ, влажная кожа, слегка воспаленная, быстрые небольшие глаза, носовой голосъ, рѣдкостный блескъ рѣчи – болѣе интереснаго и значительнаго собесѣдника я не встрѣчалъ).

Въ общемъ-же мы кучка, горсть, а въ пріоткрытую на эстраду дверь видно, какъ втекають, растекаются по рядамъ скамей темныя фигуры, и чѣмъ выше, тѣмъ все гуще. Еще въ первыхъ рядахъ можно кое кого рассмотретьъ «своихъ», дальше идетъ «племя молодое, незнакомое...»,

// л. 262

разговаривающее, курящее, топающее въ нетерпѣніи ногами.

– Читать такъ читать, говорилъ Сологубъ. Да, будемъ читать. Да, будемъ читать. (Любилъ онъ однообразно и «загадочно» повторять одни и тѣ же слова). Львовъ-Рогачевскій сдѣлалъ маленькое вступленіе: самъ соціалъ-демократъ, какъ бы преподносилъ насъ своей аудиторіи.

Все это вышло мирно и естественно. Читалъ и Вячеславъ Ивановъ – кажется, стихи. Мы съ Сологубомъ сидѣли на эстрадѣ. Вячеславъ Ивановичъ раскланивался на аплодисменты. Была очередь Балтрушайтиса.

Поэтъ сумрачный, одинокій, неблагодарнаго типа, Балтрушайтисъ никогда не пользовался «популярностью». Его цѣнили въ литературѣ и мало знала публика. Въ то время былъ онъ посломъ Литвы при СССР.

Но появленіе его вдругъ оказалось необыкновеннымъ: только онъ выступилъ, по аудиторіи пролетѣла молнія, зигзагомъ разодрала массу, дотолъ равнодушную. Особенно силенъ былъ разрывъ на верхахъ. Сразу вскочили какіе-то люди, замахали руками, поднялся шумъ, крикъ, ничего нельзя ни понять, ни разобрать. Кто-то пытался кого-то удержать, кто-то съ кѣмъ-то спорилъ... Потомъ донеслось:

– Долой! Убійца! Кровь, убійца...

Юргисъ Казиміровичъ Балтрушайтисъ такъ-же похожъ на убійцу, какъ и я. Но уже сверху катились – буквально скатывались внизъ къ нашему суденышку, разъяренные люди, потрясая

// л. 263

кулаками, красные отъ гнѣва – съ лицами ужасными, это я хорошо помню.

– Убійца! Долой! Прекратить!

Балтрушайтисъ стоялъ блѣдный, что-то пытался сказать, но ничего не удавалось.

– Скандаль, повторялъ спокойно Сологубъ. – Скандаль. Это скандаль. Настоящій скандаль.

Выяснилось, что литовскіе коммунисты протестуютъ противъ казней ихъ товарищей въ Литвѣ – отвѣтственъ оказался Балтрушайтисъ, какъ посоль. Въ сущности, мы въ ихъ власти. Ни оружія, ни полиціи – нѣсколько литераторовъ на эстрадѣ! Балтрушайтиса поскорѣе увели. Львовъ-Рогачевскій добился слова.

Объяснилъ: Балтрушайтисъ извѣстный поэтъ, ни къ какимъ казнямъ не имѣеть отношенія, и т. п. Нѣсколько приутихли. Раздались даже аплодисменты, устроители ободрились. Но лишь только Балтрушайтисъ показался, все опять вскипѣло и на этотъ разъ ужъ безнадежно. Пришлось объявить перерывъ, спѣшно отправить домой Юргиса Казиміровича.

Затѣмъ выступать предстояло мнѣ. Можетъ быть, и я какой нибудь «убійца». Не особенно радостно подходилъ я къ кафедрѣ...

– Господа, я прочту сейчасъ...

– Не господа, а товарищи, поправили съ верховъ.

Но тутъ я проявилъ упрямство.

– Господа, повторилъ громче: сейчасъ я прочту свою вещь, называется она «Донъ Жуанъ».

// л. 264

Я читалъ плохо. Приходилось напрягать голосъ, и явно не было никакого созвучія. Но раздраженія тоже я не ощущалъ въ толпѣ. Прямо передъ собой, во второмъ ряду, видѣлъ фуражку молодого писателя, нерѣдко у меня бывавшаго. Онъ относился ко мнѣ дружественно, и отчасти покровительственно. «Ахъ, говорилъ: нельзя теперь о *такомъ* и *такъ* писать! Вотъ имажинисты – это другое дѣло». Его молоденькое лицо съ рыжеватыми глазами, не безъ пріятности, и не безъ плутовства, посматривало съ обычной снисходительной сочувственностью. Заламывая назадъ кэпку, ухарскимъ своимъ видомъ хотѣлъ сказать – вотъ тебѣ и Донъ Жуаны, знай нашихъ, калуцкихъ!

Сологубъ прочелъ превосходные стихи – и то-же было настроеніе: льда безъ прежней ненависти. Нѣтъ, кромѣ Балтрушайтиса никто теперь не интересень.

* *
*

Изъ Музея мы шли съ Сологубомъ въ Замоскворѣчье. Ильинка пуста, холодна. Идемъ серединою улицы, снѣгъ хруститъ. Звѣзды. Небо протекаетъ узкой лентою надъ головой, черны, угрюмы дома. На перекресткѣ костеръ, грѣются милиціонеры. На углу Красной площади дохлая лошадь.

– Проклятая жизнь. Проклятая жизнь. Какъ при Гришкѣ Отрепьевѣ. Жизнь какъ при Гришкѣ Отрепьевѣ.

// л. 265

Сологубъ поднялъ мѣховой воротникъ, пенснэ запотѣло. Шагаетъ неторопливо.

– Какъ при Гришкѣ Отрепьевѣ...

Василій Блаженный, Красная площадь.... Туманъ отъ мороза, скрипъ валенокъ нашихъ, чернота въ золотѣ неба, дальній выстрѣлъ, багровый костеръ сзади.

– А могли бы и насъ съ вами нынче въ клочья разорвать. Да, могли-бы въ клочья. Такъ бы насъ и разорвали въ клочья.

Говорилъ Ѳедоръ Кузьмичъ точно каркалъ. Да и правда, несло намъ время великія бѣды. Та самая Анастасія Николаевна (жена его), что сопровождала насъ по Москвѣ застывающей, не такъ много позже кинулась въ Неву... Ѳедоръ Кузьмичъ скоро умеръ – въ бѣдности, болѣзняхъ, отверженіи... (Совѣтской власти онъ не поклонился). Испыталъ и я, что полаганется, но тою грозною ночью все еще было въ предвѣстіи, за недалекими горами – только гулъ.

И тѣмъ рѣзче противоположность съ теплымъ домомъ, свѣтлымъ и привѣтливымъ, куда мы, наконецъ, пришли.

Въ тѣ годы въ Москвѣ находились люди промежуточной позиціи (между «нами» и «ими»). Преуспѣвали они «тамъ», но и прежнихъ друзей не забывали. Нѣкоторые изъ «насъ», благодаря этому и выжили. Докторъ, къ которому шли мы, былъ именно изъ такихъ. Временами устраивались у него сборища – литераторовъ и художниковъ, музыкантовъ, актеровъ. Прак-

// л. 266

тика въ Кремлѣ позволяла ему имѣть порядочную квартиру, теплую, съ электричествомъ, доставать коньякъ, питаться по человѣчески... какая роскошь для временъ проклятой «пшенки»! Докторъ былъ любителемъ «наукъ и искусствъ». Кружокъ, у него собиравшійся, назывался «Академія Неугомонныхъ»; цѣль его – давать передышку въ страшной жизни, и вообще: жить! хоть минутами. Вяч. Ивановъ сочинилъ гимнъ академическій. (Начинался онъ словами: «Не огни святого Эльма...») Кажется, была и музыка къ нему, если не ошибаюсь, А. Т. Гречанинова, одного изъ основателей кружка).

Чуть-ли не гимномъ этимъ насъ и встрѣтили. Помню Гречанинова съ женой, веселыми оживленными, самого доктора (позже, когда помиралъ я отъ тифа, въ числѣ другихъ и онъ меня вытаскивалъ...). Главное, помню ощущение дружественности, свободы, изящества, *своего* художческаго круга. Москвинъ и Юонъ, Гречаниновъ и Сологубъ, Вячеславъ Ивановъ, Чулковъ – это не литовскіе большевики. Хозяинъ кормилъ насъ, поилъ, ухаживалъ – видно было, что ему занятно, дѣлаетъ онъ это отъ души. Что-то играли на рояли, много болтали, хохотали, рассказывали о Музеѣ и скандалѣ. Потомъ Сологубъ читалъ – и читалъ много, замѣчательно – въ рѣдкомъ ударѣ находился, да и мы не въ обычномъ состояніи. Этотъ пиръ артистическій, если былъ и «во время чумы», то съ инымъ настроеніемъ, но не будничнымъ, въ странномъ сочетаніи восторга и бѣды, вокругъ насъ

// л. 267

завивавшейся. Кажется, Сологубъ договаривалъ послѣднія слова, было это какъ бы прощаніе со всею нашей жизнью. Никогда раньше не пронзали такъ его стихи (да и читалъ онъ много; мы не замѣчали времени – до четырехъ часовъ).

«Когда меня у входа въ Парадизъ
Суровый Петръ, гремя ключами, спросить:
– Что сдѣлалъ ты? – меня онъ внизъ
Желѣзнымъ посохомъ не сбросить.
Скажу: слагалъ романы и стихи,
И утѣшалъ, но и вводилъ въ соблазны.
И вообще мои грѣхи,
Апостоль Петръ, многообразны.
Но я – поэтъ. И улыбнется онъ,
И разорветъ грѣховъ рукописанье,
И смѣло въ рай войду, прощенъ,
Внимать святое ликованье.

Больше Сологуба я никогда не видѣлъ. Той ночью былъ онъ весь особенный и вдохновенный – выпелъ изъ обычнаго своего сумрака. Такимъ запомнился. Его дальнѣйшая, недолгая жизнь была, кажется, сплошной Голгофой?

// л. 268

Революціонная пшеница

...Годы послѣ войны прожили мы въ деревнѣ, тульскомъ имѣніи отца. Не могу сказать, чтобы насъ обижали. Меня не только не убили, но и заложникомъ не взяли. Не лишили и крова. Я занималъ попрежнему свой флигель. Мнѣ вернули книги, реквизированные во время моей отлучки: всѣ Соловьевы и Флоберы, Данте, Тургеневы и Меримэ не безъ торжественности возвратились (въ розвальняхъ) домой – на родныя притыкинскія полки. Правда, пришлось воевать: молодой, бѣшенный коммунистъ въ Каширѣ, мѣстный министръ просвѣщенія, библиотеки не хотѣлъ возвращать. Когда жена моя явилась къ нему съ разными «мандатами», онъ отказался ихъ исполнить. Въ изступленіи кричалъ: – Вижу, что подпись Каменева! Пусть Чека изъ Москвы ѣдетъ, пусть меня разстрѣляютъ, не отдамъ народнаго достоянія!

– Да вѣдь это мужъ на свои деньги чуть ни всю жизнь собиралъ...

// л. 269

– Вашъ мужъ и такъ все знаетъ – зачѣмъ ему книги, а народъ жаждетъ просвѣщенія...

Въ товарищѣ Федоровѣ, или Федулинѣ, была искренность. Онъ искренно ненавидѣлъ насъ, по его мнѣнію, угнетателей народа. Малограмотный – искренно

полагалъ, что «народъ» жаждетъ прочитатъ Вячеслава Иванова и «Образы Италіи» Муратова. Хуже, конечно, было то, что половина книгъ оказалась на французскомъ языкѣ. Комическое же состояло въ Чекѣ: изъ Москвы женѣ удалось достать столь грозныя бумаги, что ими можно было припугнуть каширскаго Сень Жюста. Къ чести его, онъ не испугался.

– Хотя бы самъ Карль Марксъ пришелъ и потребовалъ – не отдамъ. Пускай разстрѣляютъ, наплевать.

Черезъ нѣсколько же дней потухъ, успокоился, и сдался на простое соображеніе: книги для меня орудіе производства.

– Орудія производства мы обобществляемъ, – хмуро сказалъ – было сначала.

– Да, въ капитализмѣ. Но я кустарь самоучка.

На самоучкувозражать не пришлось. Народъ моими книгами не просвѣтился.

Слухъ же о томъ, что «молодой баринъ» можетъ раздобыть такой мандатъ, по которому и книги возвращаютъ, въ деревню проникъ. Это укрѣпляло наше положеніе. Жили мы съ кре-

// л. 270

стьянами отлично, все таки не вредно было иной разъ показать свое могущество.

Въ началѣ революціи Кускова и Осоргинъ издавали въ Москвѣ кооперативную газету – очень приличную. Я тамъ кое что печаталъ. Писали иногда и обо мнѣ. И вотъ разъ, во флигелѣ, жена показала нѣкоей собирательной Анюткѣ номеръ газеты.

– Ну, видишь это чье тутъ имя?

Анютка по складамъ прочла.

– Бариново.

– А тутъ?

Та не безъ трепета разобрала: При-ты-ки-но.

Жена сложила газету.

– А дальше сказано, что если барина хоть пальцемъ тронуть, такъ деревню артиллеріей снесутъ... Понятно?

Въ тотъ же вечеръ вся деревня это знала – артиллерія Кусковой и Осоргина выступила на мою защиту.

*

* *

Къ осени 20 года выяснилось, что сѣмянъ для озимаго у насъ мало. Еще мать могла кое-что посѣять, на деревнѣ же у крестьянъ почти все было съѣдено (т. е. остатки реквизицій и разверстокъ). Жуткая вещь – очутиться безъ сѣмянъ! Сограждане мои безбеспокоились. Да и намъ приходилось туго.

И тогда пришла мнѣ странная (но къ революціи подходящая) мысль: спуститься прямо въ пасть лъвиную, что нибудь оттуда вы-

удить. Съѣздить въ Москву, добыть сѣмянъ у того самого «правительства», которое насъ обирало.

Нерадостно вспоминаешь поѣздки того времени: тряску въ телѣгѣ, мытарства съ разрѣшеніями, билетами, забитые толпой вокзалы, запакощенные вагоны. Только осеннія поля наши, крестцы овсовъ, запахъ мякины, конопли въ деревняхъ, теплый дымокъ надъ трубами, спутанныя лошади въ ложочкѣ – вѣчный пейзажъ Россіи – всегда прекрасны. Въ Каширѣ пришлось прожить цѣлый день. Мы останавливались у знакомой дамы желѣзнодорожницы. Привозили ей ковриги хлѣба, а она выхлопатывала билеты. Отъ скуки забрели на митингъ – въ это время воевали съ Польшей. Попали какъ разъ на рѣчь пріятеля нашего бібліотечнаго. Онъ громилъ съ эстрады передъ сотней слушателей Польшу. Отъ волненія поблѣднѣлъ, задыхался, грозилъ кулакомъ – но «панская Польша» ему не давалась, все онъ кричалъ:

– Товарищи, покажемъ имеріалистамъ польской панши... Или: польская панша,вооруженная до зубовъ...

Слушатели равнодушно принимали паншу – можетъ быть, даже больше такъ нравилось – за Окой видны были синѣющіе лѣса, августовское солнце блѣднѣло, и тощи казались деревца, запыленные въ садикѣ. Русь, Кашира! Пусть Дворянская называется улицей Карла Маркса, но такая-жъ скакучая мостовая на ней, такіе-жъ

Булыжники, пыль,запахъ дегтя, заборы и такъ же милы сады каширскіе – многояблочныя, многовишенныя, – надъ ними звонятъ колокола бѣлыхъ церквей.

Тяжкимъ, ночнымъ путемъ добрались до Москвы.

Черезъ нѣсколько дней удалось побываѣ и у Каменева. Онъ далъ записку къ комиссару земледѣлія. Тотъ и долженъ былъ все сдѣлать.

Комиссаръ Середа помѣщался со своимъ учрежденіемъ на Пречистинскомъ бульварѣ, въ домѣ Управленія Удѣловъ. Яснымъ утромъ осеннимъ подходилъ я, не безъ волненія, къ этимъ Удѣламъ: нѣкогда гостилъ тутъ Тургеневъ, здѣсь читалъ друзьямъ «Дворянское гнѣздо», а теперь вотъ приходится подыматься по лѣстницѣ, въ чемъ-то убеждать, чего-то просить у какого-то Середы... Ничего не подѣлаешь: голодъ есть голодъ.

И не сразу, конечно, дался Середа. Плотненькая, но привѣтливая барышня, секретарша, потомила – однако, каменевское имя имѣло вѣсь. Провели въ угловой, огромный кабинетъ, весь залитый солнцемъ. Надъ большимъ столомъ увидалъ я черную народническую бороду (навѣрно, въ этой комнатѣ – лучшей – и жилъ Тургеневъ!).

Думаю, Середа былъ не большевистской закваски, а эсеровской, и общеинтеллигентской: что-то человѣческое, болѣе мягкое, въ немъ чувствовалось. Надъ столомъ онъ сгибался, какъ сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей», тяготѣлъ

къ общинѣ, лѣтомъ, навѣрно, ходилъ въ калошахъ. Бороду утюжилъ подъ Михайловскаго.

Я ему передалъ прошеніе нашихъ крестьянъ, подтвердилъ, что положеніе въправду тяжелое, рассказалъ объ общинѣ – однимъ словомъ получился разговоръ двухъ народовольцевъ семидесятыхъ годовъ. Середа успѣлъ разглядить, вновь завертѣть свою бороду, опять разутюжить ее – и призналъ, что безъ сѣмянъ сѣять трудно.

Опять секретарша, машинки, печати – и черезъ день по всѣмъ правиламъ, предписаніе складу: выдать гражданамъ села Притыкина столько то пудовъ сѣмянъ *озимой* пшеницы.

Успѣхъ настолько удивительный, что за него простишь и Тургенева, и домъ Удѣловъ.

* *
*

«Мандатъ» мой произвелъ въ деревнѣ впечатлѣніе огромное. Крестьяне, въ осторожности своей и вѣковѣчной подозрительности, не очень-то сначала и повѣрили (всѣ Дуньки и Анютки мигомъ перекинули побѣду съ нашей кухни на деревню). Но на сходѣ я документъ показалъ. Его оцупали, осмотрѣли: все въ порядкѣ!

Надо было рѣшиться на одно: обозомъ двинуться въ Москву, оттуда привезти сѣмянъ – таково условіе подарка. Начались разногласія. Мудрецы утверждали – чтонибудь тутъ да не такъ. Почему это ни съ того, ни съ сего, двѣсти пудовъ пшеницы? И безъ возврата? На это

отвѣтили: а какъ же книги вернули? Онъ, баринъ-то, ты не смотри, что у себя во хлигелѣ все книжки читаетъ. Онъ свой интересъ понимаетъ: у бабушки (такъ называли мою мать) сѣмяновъ тоже нѣтъ, онъ и хлопочетъ...

Взяло верхъ мнѣніе, что ѣхать надо. Мы считались «гражданами сельца Притыкина», и отъ нашего двора выѣхалъ гражданинъ Климка, нашъ работникъ, знаменитый святою своей дуростью. Баба Авдотья голосила, что у ней нѣтъ лошади и подводы, «а сѣменовъ то и на моихъ дармоѣдовъ, на моихъ праликовъ надо» (у ней были дѣти) – ей рѣшили удѣлить сообща. Послѣ долгихъ сборовъ, споровъ, проволочекъ – обозъ, наконецъ, тронулся. До Москвы сто тридцать верстъ, осень сухая, дней въ пять-шесть обернутся...

Не безъ волненія ждали мы ихъ. Мандатъ мандатомъ, но вѣдь Богъ ихъ знаетъ, комиссаровъ...

На седьмой день Климка въехал на сѣрой кобылѣ во вдорь – съ нагруженнымъ, укрытымъ брезентомъ, возомъ.

– Что-жъ, хорошо въ Москву съѣздилъ?

Климка былъ человекъ сумрачный, не разговорчивый. Да и слова не особенно гладко изъ него шли.

– Москва-то тебѣ понравилась?

– Понравилась... понравилась. Я тебѣ сѣмяновъ привезъ... а ты... понравилась.

«Сѣмяновъ» привезъ не одинъ Климка – вся деревня.

// л. 275

– Даже замѣчательной пшеницы дали, – рассказалъ на другой день Федоръ Степанычъ, нашъ пріятель и «комиссаръ деревни», – неглупый, бойкій человекъ, изъ бывшихъ приказчиковъ. Онъ немного кашлялъ, шея у него замотана шарфомъ.

– Такъ что, знашь-понимаешь, не задаромъ въ Москву съѣздили... И мужики премного вамъ благодарны.

Началась моя слава. Слава вообще связана съ ужасомъ, особенно въ «народныхъ массахъ». Нѣкоторый тихій ужасъ возникъ и вокругъ моего «хригеля». Если возвращаютъ книги, даютъ сѣмена; если Кускова съ Осоргинымъ угрожаютъ артиллеріей, значить же... И въ тѣ дни случилось, что въ дверь ко мнѣ раздавался стукъ. Отворялъ ее робкій посѣтитель откуда нибудь изъ Мокраго, Оленькова, даже съ Мордвеса.

– Значить, какъ мы слыхали, что вы, очень до сѣмяновъ ходовиты, то селеніе наше и кланяется, а насчетъ чего прочаго мы всегда поблагодаримъ...

Выходило что то изъ «Ревизора». Бобчинскій съ Добчинскимъ не являлись, но плакалась и баба, и вообще, будь у меня характеръ Хлестакова, я бы могъ процвѣсть.

Но Судьба не такъ долго держала меня на подмосткахъ.

Пшеницу посѣяли. Кто подовѣрчивей – всю. Мудрецы (въ томъ числѣ Федоръ Степанычъ), смололи ее и пустили на пищу, а посѣяли изъ

// л. 276

остатковъ урожая – хотя зерномъ пшеница была превосходная: съ сѣвернаго Кавказа.

Она взошла удивительно. На вечернихъ прогулкахъ нерѣдко я любовался ея мощной густой изумрудной зеленью. Стебелекъ къ стебельку, какъ подъ щетку. Уже грачь могъ почти прятаться въ ней, когда начались заморозки. Утромъ зелены стояли сѣдья – спутанныя лошади, которыя паслись на нихъ – оставляли темнозеленые слѣды и борозды.

И къ удивленію моему... сталъ я замѣчать, что днемъ всходы не такъ изумрудны. Они блѣднѣли, съ каждымъ днемъ прибавлялись погибшіе стебельки.

Черезъ нѣсколько дней съ нашей же кухни пришло извѣстіе: пшеница вся замерзла. Середѣ подкузьмилъ – вмѣсто озимой даль яровую.

* *

*

– Куда-же вы смотрѣли, когда брали? – спрашивалъ я Федора Матвѣича.

– Оно, дѣйствительно, вышло ошибочно, но на глазъ она что озимая, что яровая одинаково оказываетъ, никакъ не разберешь, да и начальство спутало...

Я не могу и тутъ жаловаться: слава моя уходила подъ горизонтъ, на подобіе солнца, медленно и непоправимо, но *лояльно*. Никто меня не укорялъ. Но въ дверь больше не стучали, хо-

// л. 277

доковъ не присылали и вокругъ меня устанавливалась прохладная пустота.

Впрочемъ, это были послѣдніе вообще мои мѣсяцы деревенскіе: съ паденіемъ Перекопа и мы отступили на Москву.

// л. 278

Пасть львина

Памяти недавно скончавшагося Я. Л. Г.

Всякому, кто Москву знаетъ, ясно, что за Никитскимъ бульваромъ, почти параллельно ему, идетъ Мерзляковскій переулокъ (прямо къ «Прагъ»), а около него ютятся разные Скатертные, Хлѣбные, Столовые и другіе симпатично-хозяйственные: барская, интеллигентская Москва.

Скатертный, д. № 8, въ нижнемъ этажѣ, помѣщалось писательское содружество – «Книгоиздательство Писателей». На началахъ артельныхъ выпускали тамъ альманахи и собственныя сочиненія Бунинъ, Шмелевъ, Вересаевъ, Телешовъ, Алексѣй Толстой, Сургучевъ, я, другіе. Управлялъ дѣлами нѣкій Клестовъ. Предпріятіе было поставлено основательно. Книги авторовъ прочныхъ, альманахи отлично шли, писатели зарабатывали.

Войну книгоиздательство выдержало, даже преуспѣло. Въ революцію произошла такая

// л. 279

вещь, что Клестовъ отошелъ къ большевикамъ, Бунинъ, Толстой, позже Шмелевъ уѣхали. Остались книжные склады, Вересаевъ, Телешовъ да я. Клестовъ издали, но по старому знакомству покровительствовалъ. Власти не закрывали – частію не доглядѣли, да и Вересаева настоящая фамилія Смидовичъ. Значитъ большая рука въ правительствѣ.

Мы кое-что продолжали печатать, кое-как держались. Благодаря разным комбинаціямъ дипломатическимъ, въ 21 году председателемъ оказался я: выбрали оставшіеся пайщики.

* *
*

Вмѣсто Клестова хозяйствомъ завѣдывалъ теперь секретарь, старичекъ Яковъ Лукичъ. Прежде онъ служилъ бухгалтеромъ въ лабазѣ на Ильинкѣ – худенькій, носилъ очки, сторбленный, нѣсколько напоминалъ Ключевского. Имѣлъ какое-то отношеніе къ старообрядцамъ – работникъ былъ замѣчательный и человекъ дотошный. Къ намъ относился сочувственно, но слегка покровительственно, какъ къ людямъ книжнымъ, непрактическимъ. Я покорно подписывалъ разныя бумажки, какія онъ мнѣ подавалъ, а онъ посматривалъ на меня иногда строго, маленькими глазками изъ подъ очковъ. Я немного смущался. Что понимаю я въ его бухгалтеріяхъ? Того и гляди поставить «неполный баллъ», какъ нѣкогда инспекторъ въ гимназіи.

// л. 280

Разъ, въ началѣ апрѣля, захожу въ издательство. Яковъ Лукичъ разстроены – сразу видно.

– У насъ маленько затрудненьице-сь...

– Что такое?

– Выселяютъ. Что, моль, за писатели такіе, вы больше контръ-революціонеры, да и то ни черта не издаете. А мы коминтернь. И квартиру вашу заберемъ и типографію.

– Невесело, Яковъ Лукичъ.

– До веселья даже весьма далеко.

– М-м... что же мы будемъ дѣлать?

Яковъ Лукичъ призадумался.

– Что-жъ тутъ подѣлалешъ... Аки въ пасть львину махнемъ. На двѣнадцатое число – изволите видѣть? – онъ показалъ бумажку, – назначено засѣданіе, въ московскомъ совѣтѣ. Коминтернь выступить. Н уи мы... тово, не должны бы лицомъ въ грязь ударить. Мы жекооперація, не забудьте! Трудовое товарищество, и зарегестрированы, и книжечки издаемъ, работаемъ...

– Отлично. Вы съ Византіемъ Викентычемъ и займетесь...

Яковъ Лукичъ ухмыльнулся не безъ яду.

– Нѣтъ-сь ужъ, какой тамъ Викентій Викентычъ. Въ бумажкѣ прямо сказано: объясненія долженъ дать председатель правленія.

– Да вѣдь у Викентія Викентыча братъ въ совѣтѣ...

– Мало бы что. Сказано председатель, они иначе и разговаривать не стануть... Да вѣдь и вы съ товарищемъ Каменевымъ знакомы-сь? Чего же проще.

Правленіе наше вполнѣ подтвердило взглядъ Якова Лукича: итти мнѣ, а секретаря взять съ собой – для справокъ, отчетности и тому подобнаго.

У Подколесина было окно, куда выскочить. Мнѣ – куда же? Значитъ, надо итти.

* *
*

Апрѣльскій мягкій день. Лужи, почки на тополяхъ, нѣжная московская дымка надъ полузамученнымъ городомъ.

Дворецъ генераль-губернатора. Стучать машинки, входятъ и выходятъ товарищи, аккуратныя барышни бѣгаютъ. У входи два красноармейца.

– Я вчера у св. Андрея Неокесарійскаго въ толкованіи къ Апокалипсису читаль-сь... да, я теперь знаю ужъ точно... насчетъ коминтерна-сь...

Яковъ Лукичъ, въ потертомъ пальто, сильно закутавъ платкомъ шею, въ огромныхъ калошахъ входилъ со мной въ вестибюль. Мрачный у него былъ видъ. Хорошо бы закрестить всю эту дьявольскую чепуху.

Мы подали кому слѣдуетъ свою бумажку, сколько надо ждали, потомъ насъ попросили въ залъ засѣданій. Узкая комната съ окномъ на площадь. Длинный столъ, въ центрѣ Каменевъ, по бокамъ «оварищи», больше молодежь.

– Ваше дѣло теперь скоро, – шепнула барышня. – Можете здѣсь побыть.

Каменевъ сидѣлъ нѣсколько развалился, побалтывая подъ столомъ ногой. Ботинокъ снять, очевидно натеръ. Онъ – предсѣдатель совѣта, а тутъ засѣданіе президіума. «Въ самое ихнее пекло и попали-сь»... – шепнулъ Яковъ Лукичъ. И сталъ разбирать сови бумажки. (Тамъ у него подробно, тщательно было разрисовано, какія мы когда выпускали книги, въ какомъ количествѣ, какъ работала типографія, и т. п.).

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы по виду пекло было страшное. Каменевъ кивнулъ почти любезно, «разбойнички» имѣли тоже веселый видъ – слесаря, въ продѣ приказчиковъ, булочники, нѣкоторые съ заливчатскими вихрами. Во френчахъ, кожаныхъ курткахъ. Тоже поглядывали на насъ съ любопытствомъ. «Про Короленку, Владиміра Галактіоновича, не забудьте, про Короленку», шепталъ Яковъ Лукичъ. «Что, молъ, такого знаменитаго писателя тоже издаемъ. Они его уважаютъ. И Кропоткина... Гаршина, обязательно надо...» «Яковъ Лукичъ, а какъ бы это не навратъ, какой у насъ съ парваго то января балансъ?». Яковъ Лукичъ не безъ раздраженія тычетъ вѣдомость съ колонкой цифръ – все это я приблизительно знаю, да вдругъ собьешься передъ коминтерномъ. «Я ужъ вѣдь вамъ показываль-сь... А ежели, извините, собьетесь, – только ужъ не уменьшайте»...

Нельзя отрицать, симпатичные молодцы дѣйствовали рѣшительно. До насъ были дѣла тоже мелкія, хозяйственныя по Москвѣ. Отпускъ дровъ районному совѣту, ремонтъ казармъ, до-

// л. 283

вольствіе пожарнымъ москворѣцкой части. Долго не разговаривали. Разъ, два – готово. По правдѣ сказать, темпъ и рѣшительность даже понравились мнѣ.

Наконецъ:

– Дѣло книгоиздательства писателей и Коминтерна... Кто присутствуетъ? А, председатель, такъ. Сядьте сюда. Коминтернъ? Товарищъ Герцбергъ. Слушаемъ. Товарищъ, изложите свою претензію.

Товарищъ Герцбергъ оказалась сытенькая, стриженная барышня еврейскаго вида. У ней тоже была какая то папка, она разложила ее. Я сѣлъ рядомъ, справа Яковъ Лукичъ. «Про Толстого то, Толстого не забудьте», поблѣднѣвъ зашепталь Яковъ Лукичъ. «Онъ хотъ Алексѣй, а для нихъ вполнѣ за Льва сойдетъ».

О, если бы слышала это товарищъ Герцбергъ! Но она поводила плечами въ кожаной незастегнутой курткѣ, напирала грудями на свою папку и сразу пошла галопомъ.

– Товарищи, такъ называемое книгоиздательство писателей въ прежнее время издавало реакціонную литературу, но вотъ уже два года находится въ полномъ интеллигентскомъ параличѣ...

То ли слишкомъ великъ былъ ея азартъ, то ли она не подготовилась, но ничего лучшаго для насъ и представить себѣ нельзябыло. Она утверждала, что мы существуемъ лишь на бумагѣ, книгъ не издаемъ, квартира пустуетъ, типографія не работаетъ... – въ то время, какъ

// л. 284

бѣдный коминтернъ тѣснится, жметъ въ какихъ то углахъ, у него нѣтъ ни помѣщеній, ни достаточнаго количества типографскихъ машинъ.

Говорила быстро, по одесски. Все знаетъ, все понимаетъ товарищъ Герцбергъ. Даже удивительна, что ей, представительницѣ могучей организаціи, приходится доказывать... (таковъ былъ тонъ).

Всякое собраніе есть театръ. На каждомъ представленіи родится атмосфера, спасающая пьесу, или ее губящая. Не ту ногу взяла товарищъ Герцбергъ – и сразу это почувствовалось.

Каменевъ холодно разрисовываетъ круги.

Пугачевцы недовольны. Что-то говорятъ другъ другу вполголоса. Непрѣзненно улыбаются. (Позже мы узнали, что у московскаго совѣта именно тогда и были нелады съ коминтерномъ).

– Товарищъ, кратче, – сухо сказалъ Каменевъ.

Она разсердилась и стала еще краснорѣчивѣй.

– Хорошо, все ясно. Представитель другой стороны.

Не нужно было быть ни Маклаковымъ, ни Плевакой, чтобы по шпаргалкѣ прочитатъ, сколько книгъ, и на какую сумму издали мы въ этомъ году. (При имени Кропоткинъ, Толстой, – побѣдоносныя усмѣшки на лицахъ слесарей). На слѣдующій мѣсяцъ предположень Короленко – избранныя сочиненія... Типографія работаетъ. Въ квартирѣ издательства телефонъ и постоянные часы приѣма.

// л. 285

Коминтернъ нервно попросилъ слова. Опять митинговая рѣчь.

«Гаршина-то, Гаршина позабыли...» шепталъ сбоку Яковъ Лукичъ тѣмъ тономъ, какъ нѣкогда, въ молодости говорилъ мнѣ объѣздчикъ Филиппъ на охотѣ: «Эхъ, баринъ, опять черныша смазали!» Но теперь самъ коминтернъ на насъ работалъ.

Каменевъ наконецъ вмѣшался.

– Все это, товарищъ, извѣстно. Вы повторяетесь. Мы теряемъ время.

– Довольно, довольно, – раздалось кругомъ.

Каменевъ предложилъ высказаться президіуму. Сказано было всего нѣсколько словъ. Трудовое товарищество работаетъ, – и пусть работаетъ. Издаетъ великихъ писателей, какъ Толстой. Мѣшать не надо.

Товарищъ Герцбергъ, не спросясь, перебила говорившаго, вновь грома насъ. Каменевъ разсердился.

– Товарищъ, я лишаю васъ слова. Мнѣніе президіума? Да. Такъ. Постановлено: Коминтерну отказать. Секретарь, слѣдующее тамъ что у васъ?

* *
*

Черезъ полчаса мы сидѣли ужъ въ Скатертномъ. Мимо оконъ проходили прохожіе. Закатъ сіялъ за Молчановками, Поварскими. Недалеко особнякъ Муромцевыхъ. Недалеко домъ Эльки-

// л. 286

на, гдѣ когда то мы жили. Мирная, другая Москва.

– Что-жъ, Яковъ Лукичъ, пасть львина ужъ не такъ страшна? Побѣдили мы съ вами коминтернъ – два такихъ воеводы?

– Изумляюсь, поистинѣ...

Онъ всталъ и отворилъ шкафчикъ.

– Тутъ у меня на лимонной корочкѣ настойка есть, то и слѣдовало бы по случаю пораженія иноплеменныхъ чокнуться.

Нашлись двѣ рюмки. И мы чокнулись.

– Разоряють Москву, стервецы-сь, сказалъ вдругъ грустно Яковъ Лукичъ. – До всего добраться хотятъ, это что-сь, квартира наша, типографія. Пустяки. Подробности. Они глубже мѣтятъ. Имъ бы до святыни добраться...

Онъ помолчалъ.

– А что мы съ вами такъ фуксомъ выскочили, это дѣйствительно...

– И то слава Богу, Яковъ Лукичъ. Я не надѣялся.

Онъ вдругъ засмѣялся тихимъ свѣтомъ, погладилъ столъ, кресло.

– Все теперь опять наше... И квартира, и типографія. А какъ вы скажете, ежели по второй?

Выпивъ, Яковъ Лукичъ поднялся. Невысокій, сторбленный, показался онъ мнѣ дальнимъ потомкомъ дьковъ московскихъ, родственникомъ Ключевского. Трепаная бороденка – не то хвостъ лошадиный, не то рѣдкіе кустарники по вырубкамъ.

// л. 287

– У св. Андрея Неокесарейскаго про этотъ самый коминтернъ весьма даже ясно сказано...

И трижды показавъ дулю невидимому врагу, обернулся ко мнѣ. Что то строгое мелькнуло въ умныхъ его глазахъ.

– А Гаршина вы всетаки изволили позабыть.

// л. 288

Прощаніе съ Москвой

Много въ Москвѣ было для насъ всяческаго, и радостнаго, и горькаго, и большого, и малаго, и черезъ нашу жизнь Москва прошла насквозь – проросла существа наши, людей московскихъ. Но въ судьбѣ нѣкоторыхъ изъ насъ было и удаленіе изъ Москвы, разставаніе съ нею... – временное ли? Или навсегда?

Есть въ Москвѣ улица Арбатъ. Нѣкогда названа она была Улицей Св. Николая – по тремъ церквамъ святителя на ней: Никола Плотникъ, Никола на Пескахъ, Никола Явленный. Вокругъ всякія улочки и переулки, съ именами затѣйливыми – Годаинскій, Серебрярный, Кривоарбатскій. Этотъ послѣдній въ самой серединѣ Арбата, рядомъ со зданіемъ Военно-Окружного суда – и переулокъ дѣйствительно кривой: названъ правильно.

Вспоминая новую свою жизнь, видишь, чо и началась она и окончилась близъ Арбата. На углу Спасопесковскаго было первое, юное наше пристанище, въ этомъ Кривоарбатскомъ послѣднее.

// л. 289

Вижу его теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ, взоромъ равнодушнымъ. Пристанище для временъ революціи и совсѣмъ неплохое: мы снимали въ

квартирѣ артистки одной огромную комнату, сами ее обставили, устроили печку, въ зимнюю стужу обогрѣвали и боками своими. Прожили въ ней полтора года. Въ эту то комнату и пришелъ разъ, поздно вечеромъ, другъ нашъ, издаель. Вполголоса, въ полутьмѣ, говорили мы объ отъѣздѣ: самъ онъ уѣзжалъ въ Берлинъ, тамъ основывая издательство, вывозя и меня, и мою семью.

Въ эту комнату пришла первая иностранная виза – изъ Италиі! Отсюда мы уѣзжали.

Отсюда же, мысленно, веду я рассказъ и сейчасъ – о послѣднихъ моихъ дняхъ на родинѣ.

* *

*

Та весна была теплая, почти жаркій май, и довольно пыльный. Много приходилось путешествовать по учрежденіямъ... – грязноватыя лѣстницы, очереди, товарищи, штемпеля, бланки. «Изъ Ч. К. разрѣшенія еще нѣтъ», значитъ опять ждать: комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ безъ чеки ничего не дастъ.

Все равно мы терпѣли, ждали, дѣло серьезное. Сила же терпѣнія и упорства велика. Одна бумажка выйдетъ, ждешь другую, одинъ штемпель прибавился и то хлѣбъ, ждешь слѣдующаго. Удостоверенія, разрѣшенія – безъ конца.

// л. 290

Но конецъ все-таки пришелъ. Однажды, въ началѣ іюня, взобравшись на очередной третій этажъ, получилъ я двѣ красныя паспортныя книжки съ фотографіями, печатями и подписями. Сохраняю ихъ – слѣдъ прошлаго, а отчасти – знакъ хода судебъ: на восьмой страницѣ книжечекъ этихъ, на голубоватой сѣткѣ бумагами красными чернилами подпись: Г. Ягода. Съ нимъ рядомъ, мельче и тусклѣе: М. Трилиссеръ.

Участи Трилиссера я не знаю, судьба Ягоды всѣмъ извѣстна. Не безъ содроганія смотришь теперь на эти имена, но тогда меньше всего я о нихъ думалъ. Сквозь всю усталость пробивалось лишь одно: выпустили! Ёдемъ.

По улицамъ несъ документы благопристойно. Дома же разложилъ ихъ по полу и – надо сознаться – потанцевалъ надъ ними.

А между тѣмъ, дѣло вѣдь шло объ отъѣздѣ изъ родного города, родной земли! Мы покидали самыхъ близкихъ. Хоть и говорили, что на время, и въ сознаельной, освѣщенной часи души такъ, какъ будто, и было, но въ потемкахъ глубинъ... Все-таки мы не колебались. Насъ несла уже нѣкая сила – корабли у присани, на дальній западъ, прочь отъ Трои пылающей. Это судьба. Все текло въ жизни нашей къ отъѣзду. То одно, то другое удалялось изъ комнаты – что дарили, а что продавали. И все ближе, ближе...

// л. 291

* *

*

Въ Москвѣ въ эти дни шель большой полиическій процессъ – эсеровъ. Процессъ былъ многояднй, публика волновалась и все ребовала смери. На защиту прїѣзжалъ изъ Бельгїи Вандервельде. На Виндавскомъ вокзалѣ, откуда мы должны были уѣзжаъ, ему устроили акой прїемъ, какого европейскїй человѣкъ не ожидалъ: орали и свистали, бросали камни, даже и ругали его по французски. Это, кажется, его удивило, онъ не зналъ, что такъ распространень его языкъ въ Россїи (если бы зналъ, что нѣсколько мальчишекъ спеціально были обучены, изображая народъ, удивленїе его убавилось бы).

Приговоръ приготовили, разумѣся, загодя, но ему надо было дать характеръ воли народа. Рѣшили сдѣлаъ это, «поднять массы».

Молочница, носившая намъ молоко, тоже была изъ массъ.

Наканунъ дня манифестаціи сказала моей женѣ:

– Завра, барыня, прямо всѣ пойдемъ. Вся Москва.

– Куда же это?

– И со знаменами, со флагами. Этихъ вотъ, какъ ихъ тамъ... чтобы требовать наказанья.

– А что они тебѣ?

– Да мнѣ то ничего. А такъ, что сказано: кто пойдетъ, тому калоши выдадутъ. А достань-ка ныне калоши!

// л. 292

Мы должны были выѣзжать наканунъ манифестаціи. Но изъ Вандервельде, спѣшно, въ безпорядкѣ отступавшаго со своими спутниками, нашъ оѣздъ отодвинулся: всѣ мѣста въ заграничномъ вагонѣ оказались ужъ заняты. Такъ что день заработка калошъ мы проводили еще въ Москвѣ. Это было именно наше послѣднее московское утро.

Поѣздъ уходилъ въ пятомъ часу. И среди всѣхъ формальностей отъѣзда все таки одна не была еще выполнена.

Пришлось итти въ Китай-городъ. Я шель по Арбату мимо «Праги», гдѣ когда то мы веселились. Справа Арбатская площадь съ памятникомъ Гоголя. Противъ Гоголя стѣна Александровскаго Военнаго Училища. Памятникъ при мнѣ открывали, форму училища я одно время носилъ.

Мимо церкви св. Бориса и Глѣба вышелъ на Воздвиженку, обогнулъ «Петергофъ», прошелъ мимо университета, гдѣ учился. Повернулъ къ Историческому Музею. Было теплое утро, солнечное, совсѣмъ какъ весной 1918 года, когда православная Москва вышла съ иконами и хоругвями на улицу. Съ разныхъ концовъ города, при громовомъ гулѣ колоколовъ, собирались крестные ходы ко Храму Христа Спасителя, а оттуда двинулись ко Кремлю. Нашъ Арбатскїй районъ шель Пречистенскимъ бульваромъ, влился въ общую массу и потомъ все двинулось именно къ этому мѣсту – гдѣ я сейчасъ нахо-

дился – проѣзду между Кремлемъ и Музеемъ: тутъ стоялъ патріархъ Тихонъ и благославлялъ народъ. Онъ былъ спокоенъ, сдержанъ. Навсегда запомнилось глубоко-народное, какъ у Толстого, лицо съ крупнымъ носомъ, ясными глазами, русой бородой. Въ рукѣ у него былъ золотой крестъ, солнце горѣло въ этомъ крестѣ. Онъ остался видѣніемъ древней, несокрушимой Святой Руси, возставшей изъ тысячелѣтняго лона.

За патріархомъ были исповѣдничество, нищета, близкое заточеніе – тотъ самый крестъ, обликъ котораго онъ держалъ въ правой рукѣ и на который какъ бы звалъ всѣхъ склонявшихся передъ нимъ. Никольскія ворота, въ Кремль, были заперты. Изъ за итальянскихъ зубцовъ глядѣли солдатскія лица въ остроконечныхъ шапкахъ со звѣздой.

Мимо Музея повернулъ я теперь налѣво, наискось черезъ площадь къ Ильинкѣ – это Китай-городъ, московское Сити. Какъ въ Сити, глухіе и неказистые тутъ переулки, конторы, лабазы. На Варваркѣ знаменитый трактиръ, тоже невзрачный, какъ и лондонскіе. И тоже – миллионы дѣла.

Здѣсь теперь оказался и комиссаріатъ финансовъ – тамъ и должны были мнѣ ставить послѣдній штемпель.

Входъ тоже сумрачный. Свѣту мало, дома изъ узенькихъ улицъ заслоняютъ. Большое зданіе – къ удивленію, нѣкоторому и ужасу моему оказалось оно полупустымъ. Служащіе рас-

холодились, конторки одна за другой закрывались.

Опять надо было упорствовать. Но вѣдь вечеромъ поѣздъ... Какъ ни какъ, чуть не у послѣдняго окошечка, но бойкая барышня подала мнѣ документъ въ исправности. И тотчасъ застучала на своей машинкѣ. Вошелъ нѣкто начальственнаго (но не изъ высшихъ) вида.

– Товарищъ, почему же вы работаете? Не знаете, на манифестацію итти?

Она продолжала выстукивать.

– Я сейчасъ кончаю и иду завтракать.

– Успѣете завтракать. Наши уже всѣ ушли.

Она вдругъ остановилась, подняла на него голову въ кудряшкахъ, не безъ дерзости.

– Сверхурочные дадите?

– Слушайте, товарищъ... – онъ зашелъ къ ней за прилавокъ, наклонился, сталъ говорить тише. Видимо, я его стѣснялъ.

Барышня захлопнула машинку, поднялась.

– Ну, если такъ, согласна...

Торгъ пора было кончать. Время, дѣйствительно, на исходѣ. Когда я вышелъ отъ нихъ на Лубянскую площадь, снизу, отъ Театральной, подымалась уже голова процессіи.

Шли люди въ кепкахъ и юноши, отрядъ голоногихъ спортсменовъ, работницы, служащіе, несли плакаты, знамена, флаги. И вездѣ одно: «Смерть! смерть! смерть!» Несли какія-то чучела, пѣли хоромъ. Все шли и шли, рядами, строемъ, въ безпорядкѣ, какъ придется. Манифестація многолюдная. Но не болѣе, чѣмъ тогда съ патріархомъ.

// л. 295

* *

*

Наша большая комната уже въ полномъ разгромѣ. Даже печка уѣхала – хранительница наша, и спасительница отъ морозовъ. Нѣсколько чемодановъ на кровати безъ подушекъ и безъ одѣяль, ремни, плѣды, картонки, соръ на полу... – удаленіе чловѣка, смерть жияя до минуты, пока новый насельникъ не оживить его.

Не такъ давно, уже здѣсь, въ Парижѣ, пришлось провожать друзей за море – въ Австралію, навсегда: они туда переселялись.

Можетъ быть, наши друзья въ Москвѣ смотрѣли уже на насъ – какъ и мы позже на австралійцевъ: тѣни иной планеты. Во всякомъ случаѣ это они скрывали. И все шло покойно и правильно. Пришелъ часъ, подѣхали наши извозчики, передвинулись внизъ чемоданы, присѣли на кровать, помолчали, перекрестились, да съ Богомъ и тронулись. Извозчики насъ везли по тому же Арбату юности нашей, мимо Николы на Пескахъ и Николы Явленнаго черезъ всю Москву на Виданскій вокзалъ. Извозчики были обыкновенные. Тащились сѣренькою рысцой. Москва медленно протекала мимо.

Мы не встрѣтили никакихъ процессій – намъ давался свободный выходъ. Срѣтенкою, мимо Сухаревки со знаменитою башней, тѣнью Брюса таинственнаго, неторопливые наши возницы на Мѣцанской подвезли къ невысокому и нехитрому зданію: Виданскій вокзалъ, на небольшой площади.

// л. 296

Странно сказать, но никогда раньше не приходилось не только что уѣзжать отсюда, а и видѣть вокзалъ этотъ.

...Носильщики въ бѣлыхъ фартукахъ, поѣздъ дальняго слѣдованія, вагонъ, купэ, послѣдніе звонки, послѣдніе поцѣлуи. Ждали, стремились и волновались, вотъ и пришелъ моментъ, преломился кусокъ хлѣба въ крѣпкихъ рукахъ – медленно утекала назадъ платформа, милыя ялица, платочки, слезы. Замелькали строенія железнодорожныя, а потомъ домики и сады. Мы одни были въ купэ. Погода мѣнялась. Надъ Москвой заходила сизѣющая туча, подбираясь къ солнцу.

Вотъ остался узкій златистый нимбъ, а тамъ и онъ померкъ, ушло солнце въ глубины туманно-смутныя. Прохладная тѣнь кинулась внизъ. Начинались уже поля. Вѣтеркомъ донесло запахъ дождя.

Мы почувствовали только теперь, какъ устали.

// л. 297

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.	
Памяти Чехова	9
Начало Художественнаго Театра	21
Леонидъ Андреевъ	31
Сергѣй Глаголь	49
Литературный Кружокъ	56
“Зори”	67
Молодость – Иванъ Бунинъ	75
Юлій Бунинъ	84
II.	
“Дѣло богемы”	93
Флоберъ въ Москвѣ	106
Гоголь на Пречистенскомъ	115
Ю. И. Айхенвальдъ	125
П. И. Ярцевъ	133
Надежда Бутова	155
III.	
“Мы, военные...”	161
Офицеры	194
IV.	
Москва 20-21 г.г.	219
М. О. Гершензонъ	228
“Веселые дни”	236
Чтенія	258
Революціонная пшеница	269
Пасть львина	279
Прощаніе съ Москвой	289